

1832—1898

83.34 Вл.
К 98

Для среднего школьного возраста

Печатается по изданиям:

Приключения Алисы в Стране Чудес.— Борис Заходер. Избранное.— М.: Детская литература, 1981. Алиса в Зазеркалье.— Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье: Сказка.— М.: Детская литература, 1980.

Художник Н. В. Тихонова

Кэрролл Л.

К 98 Алиса в Стране Чудес / Переск. и предисл. Бориса Заходера. Алиса в Зазеркалье / Пер. и предисл. Вл. Орла: Сказки.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987.— 224 с. с ил., 16 с. вкл.

В пер.: 90 к. 150 000 экз.

Веселые, поучительные сказки английского писателя девятнадцатого века, профессора математики о приключениях маленькой девочки.

К $\frac{4803020000-091}{M158(03)-87}$ 69-87

ББК 83.34 Вл.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

*Глава никакая, из которой
тем не менее можно кое-что узнать*

Б ольше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это не никакая глава, а никакая не глава — это просто-напрос-

то... Думаете, так я вам и сказал? Нет, подождите. Вот дочитаете до конца, тогда узнаете!

А не дочитаете — ну что ж, дело ваше. Только тогда — почти наверняка! — не сумеете правильно прочитать и всю книжку. Да, да!

Дело в том, что хотя перед вами — сказка, но сказка эта очень, очень не простая.

Начнем с начала, как советует Червонный Король (вам предстоит с ним скоро встретиться). И даже немножко раньше: с названия.

«Приключения Алисы в Стране Чудес»...

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле — разве по названию догадаешься, что речь пойдет о маленькой (хотя и очень умной!) девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь.

Да и «Страна Чудес» — тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в заглавии этой сказки!

Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Аленка в Вообразии». Или: «Аля в Удивляндии». Или: «Алька в Чепухании». Ну уж, на худой конец: «Алиска в Расчудесии». Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел.

Все горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет тому назад и за это время успела так прославиться, что и у нас все — хотя бы понаслышке — знают про Алису и привыкли к скучноватому названию «Приключения Алисы в Стране Чудес». Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Хотя название «Алиска в Расчудесии» гораздо больше похоже на настоящее, английское название этой сказки; но, если бы я ее так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая...

А знаменита «Алиса» действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски. Там ее знает каждый и любят все. И самое интересное, что, хотя эта сказка для детей, пожалуй, больше детей любят ее взрослые, а больше всех — самые взрослые из взрослых — ученые!

Да, сразу видно, что это очень и очень непростая сказка.

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых «Алису» на все лады растолковывают и объясняют. А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не все поняли.

Так что и вы не огорчайтесь, если тоже не сразу все поймете. Ведь всегда можно перечитать непонятное место еще разок, правда?

Я надеюсь, что я вас не слишком запугал. По совести говоря, бояться нечего. Для того чтобы правильно прочитать, то есть понять, эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно — и это совершенно обязательно! — иметь чувство юмора, потому что это одна из самых веселых книжек на свете.

Тут я за вас совершенно спокоен — уверен, что смеяться вы умеете и любите!

И нужно еще — и это тоже совершенно обязательно! — кое-что знать.

Потому что если в голове пусто, увы, самое большое чувство юмора вас не спасет.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого о г р о м н о е чувство юмора — он может захохотать, когда никому другому и в голову не придет улыбнуться. Любимая его шутка (он сам ее придумал!) такая:

— Андрюшенька, как говорит курочка?

— Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом.

Но если вы ему скажете, что Ихтиозавр говорит: «Ах, батюшки мои!» — Андрюшенька и не улыбнется.

А все дело в том, что он очень плохо знаком с повадками Ихтиозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать ее по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ; надо знать, из чего НЕ делается ГОРЧИЦА и как правильно играть в КРОКЕТ; кто такие ПРИ-

СЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ; и какого рода ВРЕМЯ, и курят ли червяки КАЛЬЯН, и носят ли Лягушки, Караси и Судьи ПАРИКИ, и можно ли питаться одним МАРМЕЛАДОМ и ... и так далее и тому подобное!

Кстати, я не случайно упомянул Ихтиозавров — ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые в этой сказке встречаются на каждом шагу: например, Короли и Герцогини, Графы и ЭРЛЫ (в сущности, это одно и то же), Лакеи и, наконец, вымершая птица Додо, она же ископаемый Дронт. Это и не удивительно — вы ведь не забыли, что, как я уже сказал, книжка была написана целых СТО лет назад.

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может — даже новый Энциклопедический Словарь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется очень уж непонятным (а главное, не смешным!), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг да они это знают? А мы тоже постарались вам помочь. Советуем внимательно читать маленькие примечания (они напечатаны курсивом!), тогда вам многое станет понятнее, и вы сразу это заметите, потому что улыбнетесь...

Я надеюсь, что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто ее сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он ее или нет, если бы не одна маленькая девочка, которую звали... Угадайте!.. Правильно, Алисой!

Да, именно Алиса потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого, мистера Доджсона, чтобы он рассказал ей и ее сестрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше веселой чепухи. И видно, эта Алиса была такая девочка, которой очень трудно было отказать, потому что мистер Доджсон, хотя и был профессором математики (честное слово!) и к тому же в этот день уже сильно устал,— послушался. Он начал рассказывать сказку о приключениях одной девочки, которую тоже почему-то звали Алисой!

Надо отдать должное маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису, полностью ее звали Алиса Плезенс Лиддел) — она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку!

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным человеком, сухим математиком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса — как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Чарльзом Лютвиджем Доджсоном (так его и звали, я этого не выдумал!), — прекрасно знала, что он вовсе не такой и все это неправда!

Разве можно считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мышь — и эта мышь бегала как живая! Человека, который из простой бумаги складывал пистолет — и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего! Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки — он выдумывал головоломки, загадки, игрушки, игры, да еще какие! В некоторые из них играют и до сих пор. (Именно он придумал веселую игру, которая называется «Цепочка», или «Как сделать из мухи слона», кто умеет в нее играть, легко может превратить НОЧЬ в ДЕНЬ или МОРЕ в ГОРУ. Вот так: МОРЕ — ГОРЕ — ГОРА. И все! Можете играть, только не на уроках!)

Особенно он любил и умел играть... словами. Самые серьезные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыркались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое — словом, бог знает что выделявали!

И еще он умел переделывать старые, надоевшие стишки — переделывать так, что они становились ужасно смешными. Это, как вы знаете, называется пародиями.

И даже собственное имя (Чарльз Лютвидж, вы не забыли?) он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

И все это — выдумки, игры, загадки, головоломки, сюрпризы, пародии и фокусы, — все это есть в его сказке про девочку Алису...

Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы сейчас читаете, и при чем тут я.

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе — одна

из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал ее не раз и не два — целых двадцать пять лет. Читал я ее по-английски; скажу по секрету, что ради нее-то я и выучил английский язык. И чем больше я ее перечитывал, тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем больше я убеждался в том, что перевести ее на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал ее по-русски (в переводах, их было немало, от них-то и пошло название «Алиса в Стране Чудес»), тогда я убеждался в этом еще больше!

Не то чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие проделывали английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам еще получались, но что-то — может быть, самое главное — пропадало, и веселая, умная, озорная, расчудесная сказка становилась малопонятной и — страшно сказать — скучной.

И когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется, — отвечал я, — только я успел убедиться, что, пожалуй легче будет... *перевезти* Англию!

Да, я был уверен, что все знаю про «Алису», и уже подумывал — не засесть ли мне за солидный ученый труд под названием «К вопросу о причинах непереводаемости на русский язык сказки Льюиса Кэрролла», как вдруг...

Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссеру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось:

«... Какой же я видел тебя, Алиса, в своем воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней!); и еще — учтивая: вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама — королевская дочь в шитом золотом наряде. И еще — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять ее с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, — любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, которая дается лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и

грех — всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!»

И не знаю почему, когда я прочитал это письмо, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой, что я вдруг махнул рукой на свой «научный труд» и на все свои умные рассуждения и решил попробовать — только попробовать — *рассказать о ней по-русски.*

И вскоре я понял, что самое главное в книжке об Алисе — не загадки, не фокусы, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и посмеивается над ней), что эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника — в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке — и сказке! — такую долгую-долгую, на века, жизнь!

Словом, со мной вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая обычно говорила:

— Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу — тогда узнаю!

Так и я. Когда я кончил рассказывать «Алису» и получилась та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про нее по-настоящему думаю.

А теперь остается узнать самое главное — что обо всем этом подумаете вы...

И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, давно догадались, что это всего-навсего ПРЕДИСЛОВИЕ!). Если я выполнил свое обещание и вы узнали КОЕ-ЧТО, мне очень приятно. А особенно приятно, что мне не надо тут писать слово «Конец», потому что ведь это только начало — начало книжки о приключениях Алиски в Расчудесии...

Борис Заходер

Глава первая, в которой Алиса чуть не провалилась сквозь землю

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стихов. «Кому нужны книжки без картинок... или хоть стихов, не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из легких — от жары ее совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»). Кстати, потом, вспоминая обо всем этом, она решила, что все-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что все идет как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да-да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила!

Еще бы!

Ведь это был первый кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась

вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала!

Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью.

В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чем подумать ей не мешало бы — ну хоть о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела — полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у нее времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что ее ждет впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка: «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила ее, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да,— сказала себе Алиса,— вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну!

(Боюсь, что тут она была даже чересчур права!)

И она все летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела? — громко сказала Алиса. — Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила *что-то в этом роде*; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими

познаниями — ведь, к сожалению, никто ее не слушал, — она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно, — продолжила она. — Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, — ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю Землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу — и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятки, что ли?

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что ее никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

Мы-то с вами, конечно, прекрасно знаем, что тех, кто живет на другой стороне земного шара, называют (во всяком случае, в старину называли) антиподами.

— Только мне, пожалуй, там придется спрашивать у прохожих, куда я попала: «Извините, тетя, это Австралия или Новая Зеландия?»

(Вдобавок Алиса попыталась еще вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?!)

— Но ведь эта тетя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у нее не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали ее кошку.) Хоть бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверно, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не все ли тебе равно, киса! Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

А иногда у нее получалось:

— Скушает мышка летучую кошку?

Или даже так:

— Скушает мышка летучую мышку?

Не все ли равно, о чем спрашивать, если ответа все равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей:

«Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?»

Как вдруг — трах! бах! — она шлепнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чем полет и закончился.

* * *

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула наверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепетывал во весь дух.

Не теряя времени, Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя все подземелье и по нескольку раз подергав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад и вперед, пытаясь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей.

Но увы! Может быть, замки были слишком большие,

а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину — и, о радость, он как раз подошел!

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза.

Она встала на коленки, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисины голова. «А если бы и прошла, — подумала бедняжка, — тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная? Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, еще лучше, как

веер,— тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась — и все в порядке!»

(Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчас ничего невозможного нет!)

Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там все-таки найдется другой ключ или, на худой конец, книжка «УЧИСЬ СКЛАДЫВАТЬСЯ!». Ни того ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырек («Ручаюсь, что раньше его тут не было», — подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нем большими буквами было четко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это очень заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

— Нет,— сказала она,— я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности — бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям,— и все только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь, кажется, так просто запомнить, что, например, раскаленной докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать ее в руках слишком долго; что, если **ОЧЕНЬ** глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдет кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать ее содержимое.

А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (на вкус — точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырек опустел.

— Ой, что же это со мной делается! — сказала Алиса. — Я, наверное, и правда складываюсь, как подзорная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад. Но все-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться все меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она. — Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось, — ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что все остается по-прежнему, Алиса побежала было в сад; но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столу, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло!

Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол, и наконец, наставившись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну вот, еще чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго. — Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слез; а как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет, — подумала бедная Алиса, — да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!» Тут она заметила, что под

столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

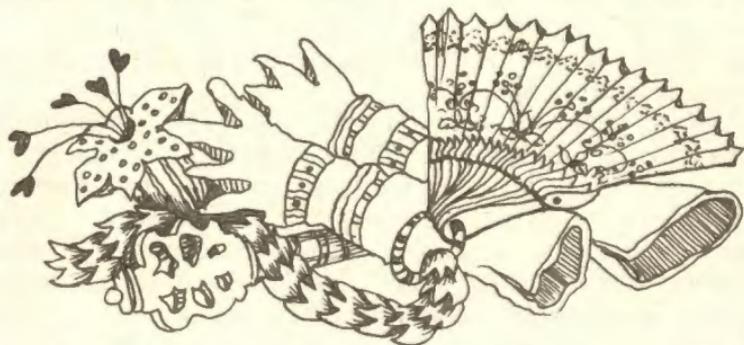
— Ну и ладно, съем, — сказала Алиса. — Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет — в сад я все равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что ее размеры не изменились!

Вообще-то обычно так и бывает с теми, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась — почему это вдруг опять все пошло как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

Глава вторая, в которой Алиса купается в слезах

— Ой, все чудесится и чудесится! — закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) — Теперь из меня получается не то что подзорная труба, а целый телескоп! Прощайте, пяточки! (Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко-далеко внизу, того гляди, совсем пропадут.) Бедные мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чу-

лочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуться! Ну это как раз неплохо! С глаз долой — из сердца вон! Раз вы так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет,— перебила она себя,— не надо с ними ссориться, а то они еще не станут меня слушаться! Я вас все равно буду любить,— крикнула она,— а на елку буду вам всегда дарить новые ботиночки!

И она задумалась над тем, как же это устроить.

«Наверное, придется посылать по почте,— думала она.— Вот там все удивятся! Человек отправляет посылку собственным ногам! Да еще по какому адресу:

АЛИСИН ДОМ

Ул. Ковровая Дорожка (с доставкой на пол).

Госпоже Правой Ноге в собственные руки.»

— Господи, какую я чепуху болтаю! — воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой об потолок — ведь что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра росту!

Тут она сразу вспомнила про золотой ключик, схватила его и помчалась к выходу в сад.

Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол, и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было все, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Конечно, тут не оставалось ничего другого, как сесть и зареветь в три ручья!

— Как тебе не стыдно так реветь! — сказала она спустя некоторое время.— Такая большая девица! (Что правда, то правда!) Уймись сию минуту, говорят тебе!

Но слезы не думали униматься: они лились и лились целыми потоками, и скоро Алиса оказалась в центре солидной лужи. Лужа была глубиной ей по щиколотку и залила чуть ли не половину подземелья.

А она еще не успела хорошенько выплакаться!

Вдруг откуда-то издали послышался быстрый топоток; Алиса поскорее утерла слезы — должна же она была посмотреть, что там происходит!

Это вновь явился не кто иной, как Белый Кролик. Разодетый в пух и прах, в одной лапке он вдобавок держал большущий веер, в другой — пару лайковых бальных перчаток. Он, видно, очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

— Все бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю! Она именно туда и придет!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, так что, когда Кролик подбежал поближе, она робким голосом начала:

— Простите, пожалуйста...

Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

Веер и перчатки Алиса подобрала и, так как ей было очень жарко, принялась обмахиваться веером.

— Ой-ой-ой, — вздохнула она, — ну что же это сегодня за день такой? Все кувыркком! Ведь только вчера все было как всегда! Ой, а что... а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая? Вот это да! Вдруг правда я ночью в кого-нибудь превратилась? Погодите, погодите... Утром, когда я встала, я была еще я или не я? Ой, по-моему, мне как будто было не по себе... Но если я стала не я, то тогда самое интересное — кто же я теперь такая? Ой-ой-ой! Вот это называется головомломка!

И Алиса тут же принялась ее решать. Она сразу подумала о своих подружках. А вдруг она превратилась в кого-нибудь из них?

— Конечно, жалко, но я не Ада, — вздохнула она. — У нее такие чудные локоны, а у меня волосы совсем не вьются... Но уж я, конечно, и не Мэгги! Я-то столько много всего знаю, а она, бедняжка, такая глупенькая! Да и вообще она — это она, а я — это, наоборот, я, значит... Ой, у меня, наверное, скоро правда голова сломается! Лучше проверю-ка я, все я знаю, что знаю, или не все. Ну-ка: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Ой, мамочка, я так никогда до двадцати не дойду! Ну и ладно, значит, таблица умножения не считается! Лучше возьмем географию. Лондон — это столица Парижа, а Париж — это столица Рима, а Рим... Нет, по-моему, опять что-то не совсем то! Наверно, я все-таки превратилась в Мэгги. Что же делать? Ага! Прочту с выражением какие-нибудь стишки. Ну хоть эти... «Эти! В школу собирайтесь!»

Она сложила ручки, как примерная ученица, и на-

чала читать вслух, но голос ее звучал совсем как чужой и слова тоже были не совсем знакомые:

Звери, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно!
Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь —
Не поможет все равно!

Громко плачут Зверь и Пташка,
— Караул! — кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжело
Приниматься за дела?

Многие (особенно папы и мамы), безуспешно, догадались, какое стихотворение хотела прочитать Алиса. Ну, а для тех, кто его забыл (или не знал), вот оно:

Дети, в школу собирайтесь.
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь.
Светит солнышко в окно.
Человек, и зверь, и пташка —
Все берутся за дела,
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.

Теперь, я надеюсь, всем понятно, почему Алиса так расстроилась: эти стихи гораздо лучше, а главное, полезнее тех, которые она прочла.

— Ну вот! Стихи — и те неправильные! — сказала бедняжка Алиса, и глаза ее снова наполнились слезами. — Выходит, я все-таки, наверное, Мэгги; и буду я жить в их противном домишке, игрушек у меня не будет, играть почти что не придется, а только все учить, учить и учить уроки. Ну, если так, если я — Мэгги, я тогда лучше останусь тут! Пусть лучше не приходят и не уговаривают! Я им только скажу: «Нет, вы сперва скажите, кто я буду». Если мне захочется им быть, тогда так и быть, пойду, а если не захочется — останусь тут... пока не стану кем-нибудь еще... Ой, мамочка, мамочка, — зарыдала вдруг Алиса, — пусть лучше скорее приходят и угова-а-а-а-ривают! Я прямо вся замучилась тут одна!

Тут она нечаянно глянула на свои руки и очень удивилась, обнаружив, что, сама того не замечая, натянула крошечную перчатку Кролика.

«Как же это я так сумела? — подумала она. — Ой, наверное, я опять буду маленькая!»

Она вскочила и подбежала к столику, чтобы померить, какая она стала.

Вот так так! В ней уже было всего сантиметров шестьдесят, и она продолжала таять прямо на глазах. К счастью, Алиса сразу сообразила, что во всем виноват веер — он по-прежнему был у нее в руках, — и поскорее бросила его в сторону. А то неизвестно, чем бы это кончилось!

— Чуть-чуть не пропала! Ай да я! — сказала Алиса. То есть она была сильно напугана своим внезапным превращением, но счастлива, что ей удалось уцелеть. — А теперь — в сад!

Она со всех ног помчалась к выходу.

Бедная девочка!

Дверца была по-прежнему на замке, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе...

— Ну уж это я прямо не знаю, что такое, — всхлинула Алиса. — И еще я стала прямо дюймовочкой какой-то! Дальше ехать некуда!

И только она это сказала, как ноги у нее поехали, и — плюх! — она оказалась по шейку в воде. В первую минуту, нечаянно хлебнув соленой водицы, она было решила, что упала в море.

— Тогда ничего, я поеду домой в поезде! — обрадовалась она. Дело в том, что Алиса однажды уже побывала на море и твердо усвоила, что туда ездят по железной дороге. При слове «море» ей представлялись ряды купальных кабинок, пляж, где малыши с деревянными лопатками копаются в песочке, затем крыши домов, а уж за ними — обязательно железнодорожная станция.

Плавать Алиса умела и довольно скоро догадалась, что на самом деле это не море, а пруд, который получился из тех самых слез, какие она проливала, когда была великаншей трех метров ростом.

— Зачем ты столько редела, дурочка! — ругала себя Алиса, тщетно пытаясь доплыть до какого-нибудь берега. — Вот теперь в наказание еще утонешь в собствен-

ных слезах! Да нет, этого не может быть,— испугалась она,— это уж ни на что не похоже! Хотя сегодня ведь все ни на что не похоже! Это и называется, по-моему, оказаться в плачевном положении...

От этих печальных размышлений ее отвлек сильный плеск воды. Кто-то бултыхнулся в пруд неподалеку от нее и зашлепал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуточку испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась («Он меня и не заметит»,— подумала она), подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твердую почву.

«Заговорить, что ли, с этой Мышью? Может, она мне чем-нибудь поможет? — подумала Алиса.— А уж говорить-то она, наверно, умеет — что тут такого, сегодня и не то бывало! Заговарю с ней — попытка не пытка».

И она заговорила:

— О Мышь!

Вас, наверно, удивляет, почему Алиса заговорила так странно. Дело в том, что не знаю, как вам, а ей никогда раньше не приходилось беседовать с мышами, и она даже не знала, как позвать (или назвать) Мышь, чтобы та не обиделась. К счастью, она вспомнила, что ее брат как-то забыл на столе (случайно) старинную грамматику, и она (Алиса) заглянула туда (конечно, уж совсем случайно) — и представляете, там как раз было написано, как нужно вежливо звать мышь! Да, да! Прямо так и было написано:

Именительный: кто? — Мышь.

Родительный: кого? — Мыши.

Дательный: кому? — Мыши.

. . . . .

А в конце:

З в а т е л ь н ы й : — О Мышь!

Какие могли быть после этого сомнения?

— О Мышь! — сказала Алиса.— Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться? Я ужасно устала плавать в этом пруду, о Мышь!

Мышь взглянула на нее с любопытством и даже, показалось Алисе, подмигнула ей одним глазком, но ничего не сказала.

«Наверное, она не понимает по-нашему,— подумала Алиса.— А-а, я догадалась: это, наверное, французская мышь. Приплыла сюда с войсками Вильгельма Завоевателя!»

(Хотя Алиса, как видите, проявила обширные познания в истории, справедливости ради надо подчеркнуть,

что она не слишком ясно представляла себе, когда что случилось).

По-французски Алиса знала из всего учебника твердо только первую фразу и решила пустить ее в ход.

— *Qu'est ma chatte?* — сказала она.

Мышь так и подпрыгнула в воде и задрожала всем телом.

И не удивительно, ведь Алиса сказала: «Где моя кошка?»

— Ой, простите! — поспешила извиниться Алиса, догадавшись, что огорчила бедную мышку.— Я просто как-то не подумала, что ведь вы не любите кошек.

— «Не любите кошек!» — передразнила Мышь пронзительным голосом.— А ты бы их любила на моем месте?

— Наверное, наверное, нет,— примирительным тоном сказала Алиса.— Вы только не сердитесь! А все-таки я бы хотела познакомить вас с нашей Диночкой! Вот ручаюсь, если вы ее только увидите, вы сразу полюбите кошечек! Она такая ласковая, милая кисонька,— продолжала Алиса вспоминать вслух, не спеша подплывая к Мыши,— и она так приятно мурлычет у камина, и так хорошо умывается — и лапки, и мордочку моет; и она так уютно сидит на руках, и она вся такая мягонькая, пушистая — одно удовольствие, и она так здорово ловит мышей... Ой, простите меня, пожалуйста! — опять закричала Алиса, потому что Мышь вся оцетинилась, и уж тут не приходилось сомневаться, что она возмущена Алисиной бестактностью до глубины души.— Не будем больше о ней говорить, раз вам так неприятно,— смущенно пролепетала Алиса.

— Говорить? — с негодованием пискнула Мышь, дрожа до самого кончика хвоста.— Стала бы я *говорить* о таком неприличном предмете! Я и слышать об этом не желаю! В нашем семействе всегда терпеть не могли этих подлых, мерзких, вульгарных тварей! И прошу вас — больше ни слова!

— Не буду, не буду,— торопливо уверяла ее Алиса.— А вы... а вы любите... любите... собачек? — нашлась она наконец.

Мышь не отвечала. Алиса сочла ее молчание за согласие и с воодушевлением продолжала:

— Вот и хорошо! Как раз около нас живет чудный песик, вот бы вам его показать! Представляете, хорошенький маленький терьерчик, глазки блестят, а шерстка — просто восторг! Длинная, шоколадная и вся вьется! И он умеет подавать поноску, и служить, и давать лапку, и чего-чего только не умеет, я даже не все помню! Его хозяин говорит, он бы с ним ни за какие тысячи не расстался — такой он умный и столько пользы приносит, он даже всех крыс переловил, не только мы... О господи,— сокрушенно перебила себя Алиса,— какая я бестактная девочка!

Несчастливая Мышь тем временем уплывала от своей собеседницы что есть духу — только волны шли кругом.

— Мышенька, милая, хорошая, вернитесь! — умильным голосом закричала Алиса. — Честное-пречестное, больше ни слова не скажу ни про Кы, ни про Сы!

Услыхав это обещание, Мышь повернула и медленно поплыла обратно; мордочка у нее была довольно бледная («Наверное, очень сердится», — подумала Алиса).

— Выйдем на сушу, дитя, — сказала Мышь еле слышным, дрожащим голосом, — и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймешь, почему я ненавижу как Тех, так и Этих.

И в самом деле давно было пора вылезать из воды: в пруду поднялась настоящая толкотня — столько туда свалилось разных птиц и зверей. Среди них оказались: Утка и Попугай, Стреляный Воробей и Орленок Цып-Цып, и даже вымершая птица Додо, он же Ископаемый Дронт. И кого там еще только не было!

Алиса поплыла первой; остальные потянулись за ней, и вскоре вся компания вылезла на берег.

Глава третья, в которой происходит Кросс по Инстанциям и история с хвостиком

Довольно-таки жалкий вид был у общества, собравшегося на берегу: мокрые перышки птиц так и топорщились, мокрый мех зверюшек так и прилипал, вода текла ручьями как с тех, так и с других, и все были сердитые и несчастные.

Первым делом, разумеется, надо было придумать, как скорее обсушиться: посыпались разные предложе-

ния, и не прошло и пяти минут, как Алиса разговори­лась со всеми запросто, словно была с ними всю жизнь знакома. Она даже серьезно поспорила с Попугаем, который немедленно надулся и упорно повторял одно и то же:

— Я старше тебя, я все лучше знаю!

Алиса этого, понятно, так не оставила и потребо­вала, чтобы он сказал, сколько ему лет, но Попугай категорически отказался.

Ну что ж, все стало ясно без слов!..

В конце концов Мышь — по-видимому, в этой ком­пании она пользовалась большим уважением — закри­чала:

— А ну-ка все садитесь и слушайте меня! Сейчас вы у меня будете сухонькие!

Все послушно уселись вокруг нее и приготовились слушать. Алиса — та особенно наострила ушки: она была уверена, что если не просохнет *очень скоро*, то непременно схватит ужасный насморк.

— Экхем! — торжественно прокашлялась Мышь. — Ну, я надеюсь, все готовы? Так вот, воспользуемся са­мым сухим предметом, какой мне известен, кхегем! Прошу полной тишины в аудитории!

И она начала:

— «Вильгельм Завоеватель, чью руку держал рим­ский первосвященник, вскоре привел к полному пови­новению англосаксов, каковые не имели достойных вож­дей и в последние годы слишком привыкли равнодушно встречать узурпацию власти и захваты чужих вла­дений. Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, эрл Нортумбрии...»

— Бррррр! — откликнулся Попугай. Он почему-то весь дрожал.

— Простите, — сказала Мышь, нахмурясь, но с под­черкнутой вежливостью, — вы, кажется, о чем-то спра­сили?

— Я? Что вы, что вы! — запротестовал Попугай.

— Значит, мне показалось, — сказала Мышь. — Поз­вольте продолжать?

И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— «Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, эрл Нортумбрии, присягнули на верность чужеземцу и даже Стиганд, славный любовью к отечеству архиепископ Кентерберий­ский, нашел это достохвальным...»

— Что, что он нашел?— неожиданно заинтересовалась Утка.

— Нашел это,— с раздражением ответила Мышь.— Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Я прекрасно знаю, что такое «это», когда я его нахожу,— невозмутимо ответила Утка.— Обычно это — лягушка или червяк. Вот я и спрашиваю: что именно нашел архиепископ?

Мышь, не удостоив Утку ответом, торопливо продолжала:

— «...хвальным; он же сопутствовал Эдгару Ателингу, отправившемуся к завоевателю, дабы предложить ему корону Англии. Поначалу действия Вильгельма отличались умеренностью, однако разнузданность его норманнов...»

— Ну как твои делишки, дорогая,— внезапно обратилась она к Алисе,— сохнешь?

— Мокну!— безнадежно ответила Алиса.— Что-то на меня это совсем не действует!

— В таком случае,— торжественно произнес Дронт (он же Додо), поднимаясь на ноги,— вношу предложение: немедленно распустить митинг и принять энергичные меры с целью скорейшего...

— А может, хватит на сегодня тарабарщины?— перебил его Орленок Цып-Цып.— Я и половины этой абракадабры не понимаю, да и ты сам, по-моему, тоже!

Кое-кто из птиц захихикал, а Орленок деликатно отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Я только хотел сказать,— обиженно проговорил Дронт,— что в нашем положении лучшее средство просохнуть — это, конечно, устроить Кросс по Инстанциям.

Конечно, Дронт все напутал: надо говорить «дистанция». И, по-моему, как ни бегай — на дистанцию или по инстанциям,— скорее взмокнешь, чем просохнешь!

— А что это такое — Кросс по Инстанциям?— спросила Алиса. Не то чтобы ее это очень заинтересовало — просто она, по своей доброте, не могла не выручить Дронта: он явно ждал, что его засыплют вопросами, а все присутствующие тупо молчали...

— Ну,— радостно откликнулся Дронт,— лучший способ объяснить — это самому сделать!

Так как вам, может быть, тоже захочется попробовать в морозный денек, что это за штука Кросс по Инстанциям, я расскажу, что Дронт сделал.

Прежде всего он, как он выразился, «разметил инстанцию» — то есть нарисовал на земле круг (не очень ровный, но «точность тут не обязательна», сказал Дронт).

Далее он расставил всех присутствующих по этому кругу (строго как попало).

А потом...

Вы, наверное, думаете: скомандовал «раз-два-три — марш!».

Ничего подобного!

Все начали бегать когда кому захотелось, и бежали кто куда хотел, и останавливались когда кто пожелает.

Не так-то легко было определить, когда соревнования закончились!

Но Дронта эти трудности не смутили. Примерно через полчаса, когда все вволю набегались и как следует просохли и согрелись, он вдруг подал команду:

— Финиш! Стоп! Соревнования закончены!

И все, запыхавшись, окружили его и стали допытываться:

— А кто же победил?

Чтобы ответить на этот вопрос, даже Дронту пришлось хорошенько подумать. Он долго стоял неподвижно, приставив палец ко лбу (в такой позе нередко изображают на картинках великих людей — например, Шекспира), и все затаив дыхание ждали.

Наконец Дронт сказал:

— Победили все! И все получают призы,— добавил он.

— А кто же будет выдавать призы?— спросили его хором (и хором довольно дружным).

— Что за вопрос! Конечно, ОНА,— ответил Дронт, показав пальцем на Алису.

И тут все общество сразу окружило ее, и все наперебой закричали:

— Призы! Где призы? Давай призы!

Бедная Алиса не знала, что ей делать; в растерянности она сунула руку в кармашек и вытащила оттуда коробочку цукатов. (Соленая вода, по счастью, туда не попала.) Она стала раздавать конфеты всем участникам соревнований, и как раз хватило на всех, кроме самой Алисы...

— Как же так?— с упреком сказала Мышь.— Ты тоже должна получить приз!

— Сейчас уладим!— внушительным тоном произнес Дронт и, обернувшись к Алисе, спросил: — У тебя еще что-нибудь осталось в кармане?

— Ничего. Только наперсток,— грустно ответила Алиса.

— Превосходно! Передай его мне,— потребовал Дронт.

И опять все присутствующие столпились вокруг Алисы, а Дронт протянул ей наперсток и торжественно произнес:

— Я счастлив, сударыня, что имею честь от имени всех участников просить вас принять заслуженную награду — этот почетный наперсток!

Когда он закончил свою краткую речь, все захлопали и закричали «ура».

Как вы догадываетесь, во время этой церемонии Алису ужасно разбирал смех, но у всех остальных был такой торжественный и серьезный вид, что она сдержалась. Что полагается отвечать на такие речи, она не знала и потому просто поклонилась и приняла от Дронта наперсток, изо всех сил стараясь сохранить серьезное выражение лица.

Теперь все с чистой совестью принялись за сладкое. Тут не обошлось без писка, визга и мелких происшествий; некоторые птицы покрупней громко жаловались, что не успели даже толком распробовать, а кое-кто из мелюзги второпях поперхнулся, их пришлось похлопать по спинке.

Наконец и с угощением было покончено. Все опять уселись вокруг Мыши и стали ее просить рассказать еще что-нибудь.

— Вы обещали рассказать мне вашу историю, помните?— сказала Алиса.— И почему вы так не любите Кы и Сы,— добавила она шепотом, опасаясь, как бы опять не расстроить Мышь.

Мышь повернулась к Алисе и тяжело вздохнула.

— Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет!— сказала она.

— Истории с хвостиком?— удивленно переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик.— А что

с ним случилось страшного? По-моему, он совершенно цел — вон он какой длинный!

И пока Мышь рассказывала, Алиса все думала про мышиный хвостик, так что в ее воображении рисовалась приблизительно вот такая картина:

Кот сказал бедной
мышке: — Знаю я
понаслышке, что
у вас очень тонкий,
изысканный вкус,
а живете вы в норке и гло-
даете корки. Так ведь вкус
ваш испортиться
может, боюсь!

Хоть мы с вами, со-
седка, встречаемся
редко, ваш визит
я бы счел за осо-
бую честь! При-
ходите к обеду
в ближайшую
среду! В на-
шем доме
умеют со
вкусом по-
есть! . . . .

Но в столо-
вой у кош-

ки даже
клуба ни
крошки.

Кот ска-
зал: — Пус-

тяки! Не
волнуй-
тесь, ма-
дам! На-
ше де-
ло кото-
во — раз,
два, три,
и гото-
во — не
успе-
ете
пик-
нуть,
как
на
стол

я
по-
дв-
м
!

До чего хитрый кот! Обратите внимание: он сказал, что только понаслышке знает, какой вкус у мышки.

— Ты не слушаешь,— ни с того с сего сердито взвизгнула Мышь,— отвлекаешься посторонними предметами и не следишь за ходом повествования!

— Простите, я слежу, слежу за ним,— смиренно сказала Алиса,— по-моему, вы остановились... на пятом повороте.

— Спасибо!— еще громче запищала Мышь.— Вот я по твоей милости потеряла нить!

Мышь говорит про ту нить, из которых состоит ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ (что это такое, я и сам толком не знаю!). Вообще впервые встречаю таких образованных и обидчивых мышей! И уж совсем непонятно, почему она считает свой собственный хвостик посторонним предметом!

— Потеряли нить? Она, наверно, в траву упала!— откликнулась Алиса, всегда готовая помочь.— Позвольте, я ее найду!..

— Ты и так себе слишком много позволяешь!— дискнула Мышь. Она встала и решительно двинулась прочь, бормоча себе под нос:

— Вот и мечи бисер перед свиньями! После того, что я рассказала, слушать такие глупости! Очень обидно!

— Да я не нарочно!— взмолилась Алиса.— Вы какая-то очень обидчивая!

Мышь в ответ только что-то проворчала.

— Не уходите, пожалуйста, и доскажите свой рассказ!— крикнула Алиса ей вслед, и все остальные хором поддержали ее:

— Пожалуйста, доскажите!

Но Мышь только досадливо затрясла головой и укорила шаги.

— Ах, как жалко-жалко, что она ушла,— сказал Попугай, дождавшись, пока Мышь окончательно скроется из виду.

А какая-то старая Каракатица назидательно сказала своей дочери:

— Пусть это послужит тебе серьезным уроком, дорогая! Видишь, как важно всегда владеть собой!

На что молодая Каракатица не без раздражения ответила:

— Помолчали бы лучше, мамаша! Вы и устрицу выведете из себя!

— Вот уж когда жаль, что Диночки тут нет!— сказала Алиса громко, хотя и не обращаясь ни к кому в отдельности.— Она бы ее живо сюда притащила.

— Кто эта Диночка, позвольте полюбопытствовать?— осведомился Попугай.

На это Алиса, естественно, откликнулась очень горячо — она всегда была рада случаю поговорить о своей любимице.

— Дина — это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да еще как! Только увидит пташку — и готово дело!

Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с мест и улетели. Пожилая Сорока поспешно начала кутаться в шаль.

— Я непростительно тут засиделась,— объяснила она,— вечерняя сырость для моего горла — просто яд! Верная ангина. Домой, домой!

Канарейка дрожащим голосом созывала своих детишек:

— Скорей, скорей домой, мои крошечки! Вам давно пора в постельку!

Словом, очень скоро все под разными предлогами разлетелось кто куда, и Алиса осталась в одиночестве.

«И зачем я только вспомнила про Диночку,— грустно думала она.— Никому-то она тут не нравится, а ведь она такая хорошая кошечка, лучше ее нет на свете! Диночка ты моя дорогая, неужели я тебя вообще больше никогда не увижу!»

Тут Алиса снова было заплакала — уж очень ей стало печально и одиноко,— как вдруг невдалеке снова послышался чей-то легкий топоток.. Она радостно подняла глаза,— а вдруг это Мышь передумала и все-таки вернулась, чтобы досказать свою историю.

Глава четвертая, в которой Тритон Билль вылетает в трубу

Нет, это опять был Белый Кролик. Он неторопливо трусил обратно, озабоченно озираясь, словно что-то потерял, и продолжал бормотать себе под нос:

— И еще эта Герцогиня! Пропала моя головушка, и шкурка пропала, и усики тоже! Пиши пропало! Ведит она меня казнить, нет на нее пропасти! И где только я их мог обронить?

Алиса сразу сообразила, что он ищет веер и бальные перчатки, и, как девочка *очень* добрая, немедленно тоже принялась за поиски.

Но ни веера, ни перчаток нигде не было видно, да, пожалуй, и искать их было бесполезно: все вокруг совершенно переменялось с тех пор, как Алиса купалась в слезах, и все громадное подземелье, где стоял стеклянный столик и была заветная дверца, исчезло без следа, словно его никогда и не было.

Кролик вскоре заметил Алису, вертевшуюся поблизости, и сердито окликнул ее.

— Эй, Мэри-Энн! Ты что тут околачиваешься? — крикнул он. — Сию минуту беги домой и принеси мне веер и бальные перчатки! А ну пошевеливайся!

И он повелительно махнул лапкой, показывая, куда бежать.

Алиса была так ошеломлена, что со всех ног кинулась исполнять приказание, даже не попытавшись объяснить Кролику, что он обознался.

«Он, наверное, принял меня за свою прислугу,—

мелькало у нее в голове на бегу.— Вот удивится, когда увидит, как он ошибся! Но я уж, так и быть, лучше принесу ему перчатки с веером. Только вот где их найти?»

А перед ней уже стоял хорошенький маленький домик, на двери которого красовалась начищенная до блеска медная табличка с выгравированным именем владельца:

Б. КРОЛИК

Алиса вошла в дом не постучав и бегом пробежала наверх, в парадные комнаты.

Понимаете, эта добросовестная девочка очень боялась, что встретит настоящую Мэри-Энн и та выставит ее из дому, прежде чем Алиса выполнит поручение!

«Хотя вообще-то немного странно, как это я оказалась на побегушках у Кролика!— подумала она.— Чего доброго, еще Динка начнет мной командовать!»

И она сразу представила себе такую сцену:

«Мисс Алиса! Идите скорей, пора собираться на прогулку!»

«Не могу, нянечка! Диночка, велели мне посторожить мышиную норку, пока они не вернуться, а то как бы мышь не убежала!»

— Только как бы Динку из дому не выгнали,— перебила себя Алиса,— если она попробует так командовать!

Тем временем она оказалась в чистенькой комнатке, где у окна стоял трельяж, а на нем, как Алиса и надеялась, лежал веер и две-три пары бальных перчаток.

Алиса взяла веер и перчатки и собиралась уже идти, как вдруг заметила на подзеркальнике какой-то пузырек.

На этот раз на нем не было ярлыка с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Тем не менее Алиса смело вытащила пробку и поднесла пузырек к губам.

«Я уж знаю: стоит мне что-нибудь съесть или выпить,— думала она,— обязательно случится что-нибудь интересное. Сейчас мы и эту бутылочку проверим! Хорошо бы, она подействовала и я опять стала большая, а то прямо надоело быть такой козьявкой!»

Пузырек подействовал, и еще как! Не успела Алиса выпить и половины, как уперлась головой в потолок,

и ей пришлось сильно наклониться, чтобы не сломать себе шею. Она поскорее поставила его обратно, приговаривая:

— Ой-ой, хватит, хватит! Ой, неужели я не перестану расти, я и так уже в дверь не пройду! И зачем я столько выпила? Надо было только капельку!

Увы, мысли были совершенно правильные, но несколько запоздалые: Алиса все росла и росла!

Очень скоро ей пришлось встать на колени, а спустя минуту оказалось, что и этого мало; бедняжка попробовала лечь на пол, упершись локтем одной руки в дверь, а другую руку положив за голову. Но скоро ей опять стало не хватать места — она все продолжала расти. Тогда она попробовала последнее средство: руку высунула в окно, а одну ногу поместила в камине.

«Все! — подумала она в отчаянии. — Больше ничего не поделаешь, будь что будет!»

К счастью, на этом действие волшебного напитка прекратилось — расти Алиса перестала.

Но она и без того была в незавидном положении: ей было тесно, неудобно и, главное, не было никакой надежды выбраться на волю. Не мудрено, что Алиса на минутку повесила нос.

«Насколько лучше было дома, — думала бедная девочка, — там, по крайней мере, человек знал, какого он будет роста через пять минут! А тут!.. То ты большая, то ты маленькая, и всякие мыши и кролики помыкают тобой как хотят! Нет, наверное, зря я полезла в эту кроличью нору. Хотя... хотя... нет, все-таки тут довольно-таки интересная жизнь! Самое интересное — как это все вдруг могло случиться со мной? Ведь раньше, когда я читала сказки, я думала, на самом деле таких вещей никогда не бывает, а тут, пожалуйста, сама попала в самую настоящую сказку! Обязательно надо написать про меня книжку, вот что! Когда я буду большая, я сама...» И тут Алиса запнулась.

— Да ведь я и так большая, — грустно сказала она, — а уж в этой-то комнате мне больше никак не вырасти!

«А вдруг я и правда больше не буду расти? — думала Алиса. — Значит, я и старше не стану! Пожалуй, это неплохо: никогда не стану старушкой! Да, но ведь

тогда мне придется всю жизнь учить уроки. Нет уж, спасибо!..»

— Ну и дурочка же ты, моя дорогая,— вновь перебила она сама себя.— Какие тебе еще тут уроки! Ты сама-то еле-еле помещаешься, а куда ты денешь книжки и тетрадки?

Она продолжала все в том же духе, изображая то одного, то другого собеседника, и беседа уже неплохо налаживалась, как вдруг со двора до нее донесся чей-то крик.

Алиса замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн!— кричал знакомый голос.— Сию минуту неси перчатки!

И тут на лестнице послышался легкий, быстрый топоток.

Алиса сразу догадалась, что это Кролик бежит ее искать, и задрожала так, что весь дом заходил ходуном,— она совершенно забыла, что ведь сейчас она, может, в тысячу раз больше Кролика, и, значит, ей совершенно нечего его бояться.

Кролик был уже у дверей; он попытался войти, но дверь открывалась внутрь, и Алиса крепко уперлась в нее локтем, так что все старания его были бесполезны.

— Ну что ж, тогда зайду с той стороны и попробую влезть в окно,— пробормотал он себе под нос.

«Как бы не так!» — подумала Алиса и приготовилась. Когда, по ее расчетам, Кролик как раз добрался до карниза, она внезапно высунула руку в окно как можно дальше и наудачу попыталась его схватить; схватить она ничего не схватила, но тем не менее за окном раздался писк, звук падения и звон разбитого стекла. (Алиса подумала, что Кролик угодил в парник с огурцами, теплицу или что-нибудь в этом роде.)

Затем раздался яростный вопль:

— Пат! Пат! Куда ты там запропастился!

(Это кричал Кролик.)

Ему ответил голос, которого Алиса еще не слыхала:

— Стало быть, тут я, ваше вашество! Яблоньки окапываю!

— «Яблочки выкапываю»! — сердито передразнил Кролик.— Нашел занятие! Иди-ка лучше помоги мне выбраться отсюда!

(Снова послышался звон битого стекла.)

— А теперь скажи мне, Пат, что это там такое торчит в окне?

— Стало быть, ручья, вашество! (Слово «ручка» Пат произносил именно так — «ручья».)

— «Ручья», осел! Ничего себе ручья! Еле в окно пролезла!

— Стало быть, так-то оно так, вашество, а только это ручья, напротив правды не попрешь!

— Ну ладно, пусть ручья, только ей там не место! Изволь убрать ее оттуда!

Наступила долгая пауза. Собеседники, как видно, говорили еле слышным шепотом, и лишь изредка Алисе удавалось расслышать отдельные выражения.

— Стало быть, не лежит у меня душа к этому делу, вашество. Никак не лежит. Ну никак!

— Делай, что приказано, трус несчастный!

Наконец Алиса, не выдержав, опять наудачу цапнула рукой.

На этот раз запищали двое, и стекла сыпались гораздо дольше. «Ну и много же у них парников,— подумала Алиса.— Интересно, что они там еще придумают! «Изволь убрать ее оттуда»! Я бы рада была отсюда убраться! Хорошо бы, они правда смогли меня отсюда вытащить!»

Долгое время все было тихо.

И вот заскрипели колесики маленькой тележки и послышались голоса. Загомонила целая толпа народу:

— А где другая лестница?

— Мне велели одну привезть! Другая у Билля!

— Эй, Билль! Волоки ее сюда!

— Становь с этого угла!

— Постой, давай сперва свяжем, а то нипочем не достанешь!

— Достанешь, не бойся! Куда они денутся!

— Эй, Билль! Держи веревку!

— А крыша-то выдержит?

— Осторожней, вы! Там одна черепица еле живая!

— Ой, падает, падает!

— Головы береги!

(Треск и грохот.)

— Ну, кто это устроил?

— Билль, кто же еще!

— А в трубу-то кто полезет? Ты, что ли?

— Еще чего! Сам лезь!

— Нашел дурака!

— Полезет Билль.

— Билль, тебе придется!

— Эй, Билль, слышал? Хозяин тебе велит лезть в трубу!

— Давай уж, брат!

«Бедный Билль,— сказала Алиса про себя.— И в трубу тоже ему лезть! Все на него сваливают! Нет, я бы с ним не поменялась! У меня положение безвыходное, но я хоть брыкаться могу!»

Она просунула ногу подальше в дымоход и подождала, пока не услышала, что какое-то маленькое существо (какое именно, она не могла понять) шуршит и скребется в трубе.

— Вот и Билль пожаловал,— сказала она, как следует наподдала ногой и снова стала ждать, что будет дальше.

Дальше сначала раздался общий крик:

— Эй, Билль летит! Летит!

Потом голос Кролика:

— Кто там у забора! Ловите его!

Потом наступила недолгая тишина.

А потом вновь посыпались восклицания:

— Поддержи ему голову!

— Выпить дайте!

— Осторожней, как бы он не захлебнулся!

— Ну как ты, старина?

— Что там стряслось?

— Выкладывай все начистоту, не стесняйся!

Наконец слабенький пискливый голосок («Это и есть Билль»,— сообразила Алиса) произнес:

— Ох, и сам не пойму... Нет, благодарствуйте, будет с меня!.. Маленько полегче... Только в голове туман стоит... Ничего-то я не разобрал: ка-аа-аак оно шандарахнет меня, так я и полетел оттуда турманом!

— Верно говоришь, старина!

— Правда чистая!

— Все как есть!— поддержал его дружный хор.

— Придется сжечь дом,— прозвучал деловитый голос Кролика, и Алиса закричала изо всех сил:

— Только попрыгайте! Я на вас Динку напущу!

Немедленно воцарилась мертвая тишина.

«Ну что они еще придумают? Будь у них хоть капля ума, они бы сняли крышу», — думала Алиса.

Через несколько минут снаружи вновь поднялась какая-то возня, и Алиса расслышала слова Кролика:

— Для начала тачки хватит! Только полнее насыпайте.

«Тачки чего?» — взволновалась Алиса.

Но ей недолго пришлось гадать — в ту же минуту в окошко градом полетели мелкие камешки, и несколько штук попало ей прямо в лицо. «Это уже никуда не годится», — подумала Алиса.

— Только попробуйте еще — я вам покажу! — крикнула она в окно, и снова наступила мертвая тишина.

И тут Алиса с удивлением заметила, что камешки на полу все превратились в печенье, и ее осенила блестящая мысль.

«Если я съем хоть одну штучку, — подумала она, — я, наверное, сразу или вырасту, или наоборот. Но ведь расти-то мне дальше уже некуда, — значит, будет наоборот. Попробую!»

Она сначала попробовала, а потом просто проглотила печеньице. И пришла в восторг — особенно когда заметила, что сразу начала уменьшаться!

Как только Алиса стала такая маленькая, что смогла пройти в дверь, она выбежала из дому. На дворе собралась целая толпа мелких животных и птиц. Все толпились вокруг пострадавшего Билля. Билль — маленький тритон — лежал на травке; одна морская свинка поддерживала ему голову, другая чем-то поила его из бутылки.

Заметив Алису, все они было кинулись к ней, но она во всю прыть помчалась прочь и скоро очутилась в густом лесу.

— Теперь первое, что нужно сделать, — говорила себе Алиса, уходя все глубже в чащу по лесной тропинке, — это стать, какая я всегда была. А второе, что нужно сделать, — это найти дорогу в тот чудесный садик. Вот и все. Это будет самый лучший план!

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение.

Алиса озабоченно оглядывалась, разыскивая хоть какой-нибудь просвет в лесной чаще, и вдруг над самым ухом у нее кто-то громко тьякнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Колоссальнейший лохматый щенок смотрел на нее сверху вниз большими круглыми глазами, нерешительно пытаясь потрогать ее лапкой (вернее, лапичей).

— Ах ты мой маленький, ах ты мой бедненький...— умильно заговорила Алиса со щенком. Она даже попыталась посвистеть ему, но свист никак не хотел получаться: бедняжка так дрожала от страха, что и губы у нее тряслись.

В голове у нее вертелось одно и то же: «Вдруг щенок голодный, тогда он свободно сможет меня съесть, подлизывайся не подлизывайся!»

Плохо соображая, что она делает, Алиса подобрала на земле какую-то палочку и протянула ее щенку.

Щенок в ответ радостно завизжал, от восторга подпрыгнул, как мячик, а затем набросился на палку и начал с ней отчаянно сражаться. Алиса тем временем юркнула за большой куст чертополоха, опасаясь, как бы щенок на нее не наступил.

Когда она решила выглянуть из-за куста, щенок как раз предпринял новое наступление на палочку, но немного поторопился и полетел вверх тормашками. «Да,— подумала Алиса,— это все равно что с лошадью в салочки играть — того и гляди, задавит!»

Она снова забежала за куст. Щенок в это время начал серию энергичных атак на палку, для чего он каждый раз *очень далеко* отбегал назад и делал *очень короткий* бросок вперед и при этом лаял не закрывая рта; наконец он, совершенно умаявшись, уселся на почтительном расстоянии от палки, свесив язык и зажмурив глазищи.

Это был самый подходящий момент, чтобы улизнуть. Алиса не стала терять времени и кинулась наутек; она бежала и бежала, пока не запыхалась окончательно, а главное, пока лай щенка не затих в отдалении...

— А все-таки какой прелестный был щенок!— сказала Алиса, обмахиваясь листком лютика, к стеблю которого она прислонилась, чтобы отдохнуть.— Как бы мне хотелось, чтобы он был мой! Я бы с ним играла,

учила его всяким фокусам, если бы... если бы только я стала, какая я была раньше! Ой, мамочка, что же это я! Чуть не забыла, что мне первым делом надо вырасти! Как же это сделать? Ага, конечно, надо что-то съесть или выпить, только вот самый главный вопрос — ЧТО?

Да, «что» — это был действительно большой вопрос: сколько Алиса ни озиралась кругом, она видела только траву и цветы, и ничего пригодного для еды или хотя бы для питья что-то не было заметно. Рос, правда, неподалеку большой гриб, размером никак не меньше самой Алисы.

Она и его осмотрела очень тщательно: и справа, и слева, и сзади, и даже заглянула ему под шляпку, а потом подумала, что осматривать так осматривать, и надо посмотреть, нет ли чего-нибудь и на шляпке.

Алиса встала на цыпочки, вытянула шею и, заглянув через край, встретилась взглядом с большим синим червяком — гусеницей какой-то бабочки.

Червяк сидел себе на шляпке сложа руки и преспокойно курил длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на все окружающее.

Глава пятая, в которой Червяк дает полезные советы

Червяк и Алиса довольно долго созерцали друг друга в молчании; наконец Червяк вынул изо рта чубук и сонно, медленно произнес:

— Кто — ты — такая?

Хуже этого вопроса для первого знакомства он ничего бы не мог придумать: Алиса сразу смутилась.

— Видите ли... видите ли, сэр, я... просто не знаю, кто я сейчас такая. Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я все время то такая, то сякая — словом, какая-то не такая.— И она беспомощно замолчала.

— Выражайся яснее! — строго сказал Червяк.— Как тебя прикажешь понимать?

— Я сама себя не понимаю, сэр, потому что получается, что я — это не я! Видите, что получается?

— Не вижу! — отрезал Червяк.

— Простите меня, пожалуйста,— сказала Алиса очень вежливо,— но лучше я, наверное, не сумею объяснить. Во-первых, я сама никак ничего не пойму, а во-вторых, когда ты то большой, то маленький, то такой, то сякой, то этакий — все как-то путается, правда?

— Неправда! — ответил Червяк.

— Ну, может быть, с вами просто еще так не бывало,— сказала Алиса,— а вот когда вы сами так начнете превращаться — а вам обязательно придется, знаете? — сначала в куколку, потом в бабочку, вам тоже будет не по себе, да?

— Нет! — сказал Червяк.

— Ну, может быть, у вас это по-другому,— согласилась Алиса.— Зато вот мне ужасно не по себе...

— Тебе? — произнес Червяк презрительно.— А кто ты такая?

«Ну вот, здрасте, приехали! — подумала Алиса. Правду говоря, она начала уже понемногу терять терпение.— Ну что это в самом деле, от него слова не допросишься»,— думала она.

— По-моему, сначала ВЫ должны мне сказать, кто вы такой! — сказала она величественно и приосанилась.

— Почему? — отвечал Червяк.

Вопрос был для Алисы совершенно неожиданным, и так как она не сумела придумать никакого убедительного ответа, она решила, что, видно, Червяк просто очень не в духе, повернулась и пошла.

— Вернись! — крикнул Червяк ей вдогонку.— У меня есть для тебя важная новость!

Перед таким соблазном Алиса, естественно, не могла устоять и немедленно повернула обратно.

— Не надо выходить из себя! — сообщил Червяк.

— Это все? — спросила Алиса, чуть не поперхнувшись от негодования.

— Не все, — сказал Червяк.

«Ладно, так и быть, — подумала Алиса, — подожду. Делать мне все равно нечего, а может, он в конце концов скажет что-нибудь стоящее».

Червяк долго — минут пять! — молча попыхивал кальяном, но в конце концов действительно опять вынул изо рта чубук и сказал:

— Так ты думаешь, ты в кого-то превратилась?

— Боюсь, что так! — сказала Алиса. — Главное, все время делаюсь то маленькая, то большая и ничего не могу вспомнить толком.

— Не можешь вспомнить чего? — спросил Червяк.

— Ничего! Даже стихов! — плачевным тоном сказала Алиса. — Я вон даже «Дети, в школу собирайтесь» хотела прочитать, а получилась какая-то чепуха!

— Прочти «Вечер был, сверкали звезды», — предложил Червяк. — Очень трогательный стишок!

Алиса послушно встала в позу, сложила перед собой ручки и начала:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Папа маленького сына
Терпеливо просвещал.

И хотя он (папа) вскоре
Посинел и весь дрожал,
Задавать ему вопросы
Сын упорно продолжал:

— Заяц белый, куда бегал?
— Чижик-пыжик, где ты был?
— Аты-баты — что купили? —
Даже это не забыл!

Ах, как он хотел поставить
Старика отца в тупик!
Но, увы, на все вопросы
Отвечал шутя старик.

Сын спросил:

— Скажи, на сколько

«РЕ»

Трещит сейчас мороз? —

Но отец и тут нашелся:

— На два «РЕ», молокосос!

— Ладно,— проворчал малютка,—

Вот тебе вопрос такой:

Кто зовется В т о р о п я х о м?

Ах, попалась, птичка,— стой!

— Рано радуешься, мальчик! —

Осадил старик юнца.—

Как известно повсеместно,

Второпях зовут отца!

И, поняв, что все пропало,

Закричал отцу сынок:

— Что ты ржешь, мой конь ретивый?

(Лучше выдумать не мог...)

— Как же ты не постеснялся

Мне задать такой вопрос?

Ты ответишь, милый мальчик.

И не в шутку, а всерьез!

*

Да! Хотя довольно громко

На дворе мороз трещал,

Все прохожие слышали,

К а к м а л ю т к а о т в е ч а л!

— Не то,— сказал Червяк.

— Да, кажется, не совсем те стихи,— смущенно сказала Алиса.— Некоторые слова перепутались!

*Ну, уж такой путаницы я в жизни не читал!
Алиса тут побилла все рекорды: она спутала
не одно, не два, а целых восемь стихотворений!
Кто их все узнает, тот молодец!*

— Все никуда не годится с самого начала до самого конца! — решительно подвел итоги Червяк, и наступило долгое молчание.

На этот раз Червяк заговорил первым.

— Так какого размера ты хочешь быть? — спросил он.

— Да мне почти все равно, — не подумав, ответила Алиса. — Мне только очень неприятно, когда он так часто меняется. Понятно?

— Мне НЕ понятно, — сухо сказал Червяк.

Алиса промолчала: никогда в жизни ей столько не противоречили, и она уже чувствовала, что, несмотря на недавний совет Червяка, вот-вот выйдет из себя.

— Твой нынешний размер тебе нравится? — спросил Червяк.

— Ну, — замаялась Алиса, — если вы не возражаете, я хотела бы чуточку подрасти! Я ведь сейчас с палец ростом. Подумайте, это прямо стыдно быть такого роста!

— Таким ростом можно только гордиться! — сердито закричал Червяк, вытягиваясь во весь рост. Он был как раз длиной в палец.

— Но я так не привыкла, — чуть не плача, взмолилась бедная девочка. «Ужас, какие они тут все обидчивые!» — подумала она и вздохнула.

— В свое время привыкнешь! — заявил Червяк и преспокойно принялся снова дымить своим кальяном.

Теперь Алиса решила подождать, пока Червяк опять сам соблаговолит с ней заговорить.

Через несколько минут он опять вытащил изо рта чубук и отложил его в сторону; затем раза два зевнул и хорошенько потянулся. А потом он не спеша спустился по ножке гриба на землю и куда-то пополз.

И только перед тем, как окончательно скрыться в траве, он мимоходом произнес:

— Откусишь с этого боку — станешь больше, откусишь с того боку — станешь меньше. Ну-ка, раскуси!

Получалось что-то вроде загадки. «Что же это? Откуда я должна откусить и что раскусить?» — мелькало у Алисы в голове.

— Гриб! — немедленно отозвался Червяк, словно расслышал ее последние слова.

И только она его и видела.

Алиса в раздумье уставилась на гриб, пытаясь сообразить, где у него бока, а это было весьма и весьма нелегко, так как шляпка у гриба была совершенно круглая.

Но... хотите — верьте, хотите — нет, Алиса все-таки

нашла выход! Она встала на цыпочки, обхватила шляпку обеими руками и там, куда смогла дотянуться, отломилась по кусочку — сразу и правой и левой рукой!

Теперь оставалось самое трудное: решить, с какого начать.

«Какой какой? Какой — ТОТ, какой — ЭТОТ?» — лихорадочно думала Алиса и в конце концов отважилась откусить — совсем чуточку! — от того кусочка, который был в правой руке.

И в ту же секунду почувствовала сильный удар в подбородок: он стукнулся об ее собственные ботинки!

Как ни ошеломлена была Алиса, она все же сообразила, что времени терять нельзя: надо немедленно откусить хоть чуточку от другого куска, иначе она пропала!

Это было ужасно трудно: подбородок бедной девочки так сильно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот!

И все-таки Алиса ухитрилась кое-как откусить и проглотить крошечку...

— Ура! Голова на воле! — закричала Алиса в восторге, но ее восторг тут же сменился испугом: теперь куда-то пропали ее плечи! Ну, прямо как в воду канули!

Алиса глядела во все глаза, но внизу ничего не было видно, кроме бесконечно длинной шеи, вздымавшейся, словно мачта, над целым морем зелени.

— Куда же они могли деваться? — громко спросила Алиса. — А это что за новое море, интересно? Ой, ручки мои дорогие, и вы пропали! Где вы, ау-у!

Тут она попробовала пошевелить руками, но почти безрезультатно.

Только где-то там, далеко внизу, легкий трепет прошел по зелени.

Ну что ж, если поднять руки к голове было невозможно, можно было попробовать наклонить к ним голову. Алиса так и сделала, и, к счастью, оказалось, что ее новая шея великолепно гнется в любом направлении. Изящно изогнув ее плавным зигзагом, Алиса собиралась нырнуть в зеленое море (она уже поняла, что это просто листва на верхушках деревьев, под которыми она только что гуляла), как вдруг громкий свистящий звук заставил ее отпрянуть.

На нее яростно налетала большая голубка, стараясь ударить ее крылом прямо в лицо.

— Змея! — отчаянно кричала Голубка. — Ах ты змея!

— Какая я вам змея! — возмутилась Алиса. — Оставьте меня в покое!

— Змея — змея и есть! — повторила Голубка, но уже не так уверенно. А потом она прибавила, чуть не плача: — Чего только я не перепробовала — и все зря. На них не потрафишь!

— О чем вы говорите? Я ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— Корни деревьев пробовала, речные откосы пробовала, колючие кусты пробовала, — не слушая Алисы, продолжала Голубка, — им все мало! Проклятые твари!

Тут Алиса уже окончательно перестала что-нибудь понимать. Но она чувствовала, что, пока Голубка не выскажется до конца, лучше помолчать.

— Как будто это легкая работа — сидеть на яйцах! — продолжала Голубка, все повышая голос. — Попробуй сама, так узнаешь! А я, несчастная, мало того, что сижу как проклятая, еще должна день и ночь караулить, как бы змеи не забрались в гнездо! Бедная моя головушка! Три недели глаз не сомкнула ни днем ни ночью!

— Ой, простите за беспокойство! — сочувственно сказала Алиса. Она начала понимать, в чем дело.

— И как раз, когда я нашла самое высокое дерево в лесу, — продолжала Голубка (она уже кричала), — и как раз, когда уже стала надеяться, что вздохну хоть на минуту, — не тут-то было! Прямо с неба на меня сваливаются, проклятые! Ах ты змея!

— Да я же не змея — говорят вам, — сказала Алиса. — Я просто... я просто...

И тут она запнулась.

— Ну, что ж ты? Говори, говори! — насмешливо сказала Голубка. — Еще ничего не успела придумать, да?

— Я... я девочка, — сказала Алиса не вполне уверенно, не будем скрывать: ей, бедняжке, вдруг сразу вспомнились все ее сегодняшние превращения.

— Так я тебе и поверила! — ответила Голубка с величайшим презрением. — Немало повидала я на своем веку разных девочек, но чтобы у девочки была та-а-а-кая шея! Нет, не на дуру напала! Ты змея, вот кто ты такая!

И лучше не ври! Ты мне еще скажешь, что никогда яиц не ела.

— Яйца я, конечно, ела,— сказала Алиса — она была на редкость правдивый ребенок.— Девочки ведь тоже едят яйца!

— Быть того не может,— сказала Голубка.— Ну, а уж если правда едят, значит, они просто-напросто змеи, только особой породы! Вот тебе и весь мой сказ!

Алису так поразила эта — совершенно новая для нее — мысль, что она в растерянности умолкла.

— Все понятно! — воспользовавшись паузой, немедленно прибавила Голубка.— Ты тут ищешь яички! Какая же для меня разница — девочка ты или змея?

— Зато для меня это *очень большая* разница! — возмутилась Алиса.— И никаких я яиц тут не ищу, представьте себе, а уж если бы искала, то не ваши! Я сырые вообще не люблю!

— Ах вот как! Ну, тогда проваливай! — грубовато сказала Голубка, снова усаживаясь в свое гнездо.

Алиса послушалась.

Она с большим трудом пробиралась среди деревьев: ветки все время цеплялись за ее новую шею и ей поминутно приходилось останавливаться и выпутываться; к счастью — хоть и не сразу,— она вспомнила, что ведь в руках у нее так и остались кусочки волшебного гриба. Выбравшись на свободное место, она с величайшей осторожностью стала откусывать по крошечке то от ТОГО, то от ЭТОГО кусочка и то увеличивалась, то уменьшалась, и в конце концов ей удалось стать в точности такой, какой она была обычно.

И знаете, она так отвыкла быть нормальной девочкой, что сперва ей даже стало как-то неловко!

Но, конечно, довольно скоро она опять привыкла к себе и начала, по обыкновению, сама с собой беседовать:

— Ну вот, половина дела сделана, а ведь, пожалуй, другая девочка на моем месте могла голову потерять от всех этих превращений! Да, она бы ничего не сделала, а вот я сумела стать, какая была! Первая часть плана выполнена. Теперь остается вторая часть: забраться в тот чудесный садик! Интересно, интересно, как же мы туда попадем...

Тем временем она неожиданно вышла на прогалину,

где стоял маленький домик — высотой точь-в-точь с саму Алису.

— Не знаю, кто живет в этом домике, — соображала Алиса, — но только я в таком виде не могу им показаться! Я для них слишком большая, они там все до смерти перепугаются!

И предусмотрительная девочка опять взялась за гриб из ТОЙ руки и ела его до тех пор, пока не стала ростом примерно с кошку.

Глава шестая, в которой встречаются Поросенок и перец

Она уже минуты две стояла в нерешительности, разглядывая дом, как вдруг из леса выбежал ливрейный лакей и изо всей мочи забарабанил в дверь.

(Алиса догадалась, что это ливрейный лакей, потому что на нем была ливрея; судя же по лицу, это был просто Карась.)

Ливрей сейчас уже почти никто не носит, хотя лакеи кое-где, говорят, еще встречаются.

Дверь отворилась, и из дому вышел Швейцар, тоже в ливрее, с круглой физиономией и выпученными, как у лягушки, глазами — точь-в-точь взрослый головастик. У обоих на головах были пудренные парики с длинными завитыми буклями.

Тут Алисе стало очень интересно; она подкралась нем-

ного поближе к дому и, спрятавшись за кустиком, приготовилась слушать и смотреть.

Лакей-Карась начал с того, что вытащил из-под мышки огромный конверт (чуть ли не больше его самого) и с важным видом вручил его Головастику.

— Герцогине, — величественно произнес он. — От Королевы. Приглашение на вечерний крокет.

Швейцар-Головастик с тем же величественным видом повторил все слово в слово, только немного не в том порядке:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на вечерний крокет.

Затем оба поклонились друг другу так низко, что их букли чуть не перепутались.

Алисе почему-то стало до того смешно, что пришлось ей опять убежать подальше в лес, чтобы они не услышали, как она хохочет. А когда она, вволю насмеявшись, вернулась на прежнее место и отважилась снова выглянуть из-за куста: Карася уже не было, а Швейцар сидел на земле у входа в дом и бессмысленно таращился на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать нет никакого смысла, барышня, — сказал Швейцар. — По двум существенным причинам. Первое: я за дверью и вы за дверью, и вдобавок мы оба снаружи. Второе: они там так шумят, что никто вашего стука не слышит. Не так ли?

Действительно, из дому доносился невероятный шум: кто-то без остановки ревел, кто-то (тоже без остановки) чихал и — мало того — то и дело раздавался страшный треск и звон, словно там изо всех сил били посуду.

— Извините, а как же мне тогда попасть в дом? — спросила Алиса.

— Кое-какой смысл стучать мог бы еще быть, — продолжал Швейцар, не обращая ни малейшего внимания на вопрос Алисы, — если бы эта дверь нас разделяла. Пример. Вы, барышня, находитесь в доме. Я нахожусь здесь. Вы стучите. Я открываю вам дверь. Вы выходите. И вот вы тоже снаружи. Не так ли?

Все это время он не отрываясь глядел в небо, и Алиса решила, что он ужасный невежа.

«Хотя, может быть, он не виноват, — тут же подумала она, — просто у него глаза так устроены: сидят, честное слово, на самой макушке! Да, но хоть на вопросы-то он мог бы отвечать!»

— Как же мне попасть в дом? — повторила она громче.

— Возможно, я просижу здесь, — продолжал Швейцар, — до завтра...

В этот момент дверь дома отворилась, и большое блюдо полетело прямо Швейцару в голову; ему сильно повезло — блюдо лишь слегка мазнуло его по носу и, попав в дерево за его спиной, разлетелось вдребезги.

— ... или, возможно, до послезавтра, — продолжал Головастик как ни в чем не бывало, — а может быть...

— КАК МНЕ ПОПАСТЬ В ДОМ? — повторила Алиса уже совсем громко.

— А кто сказал, что вы вообще должны попасть в дом, барышня? — сказал Швейцар. — Начинать надо с этого вопроса, не так ли?

Так-то оно было, конечно, так, только Алиса не любила, когда с ней так говорили.

— Прямо ужас, как вся эта живность любит спорить! — пробормотала она себе под нос. — С ума можно сойти!

А Швейцар, судя по всему, решил, что настал самый подходящий момент, чтобы вернуться к его любимой теме.

— Может быть, я так и буду сидеть здесь — день за днем... День ото дня... Изю дня в день, — завел он.

— А что же мне делать? — спросила Алиса.

— Все, что хочешь! — ответил Швейцар-Головастик и начал что-то насвистывать.

«Да что с ним говорить! — подумала отчаявшаяся Алиса. — Это просто какой-то идиотик!»

Она решительно распахнула дверь и вошла. Дверь открывалась прямо в большую кухню. Там стоял дым коромыслом: посреди на трехногой табуретке сидела Герцогиня и качала на коленях младенца; Повариха, согнувшись над плитой, что-то помешивала в большой кастрюле. Алисе показалось, что там варится суп.

Хотел бы я знать, как Алиса догадалась, что перед ней Герцогиня? Впрочем, в те времена герцогини встречались гораздо чаще, и Алисе, стало быть, виднее.

«И-и-и-чхи! В этом — апчхи! — супе — чхи! слишком много... а-а-а-пчерцу!» — с трудом подумала Алиса — так она расчихалась в первую же минуту, как вошла.

Перцу действительно было слишком много, если и не в супе, то во всей кухне. Герцогиня и та чихала довольно регулярно; а младенец вообще не делал перерывов: он либо чихал, либо ревел и переставал реветь только для того, чтобы чихнуть... И наоборот.

По всей кухне не чихали только двое: сама Повариха и большущий Кот — он лежал у печки и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста, — начала Алиса нерешительно (она была воспитанная девочка и потому *не совсем* уверена, прилично ли ей первой заговаривать со старшими), — почему ваш Кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот, — сказала Герцогиня, — вот почему. Поросянок!

Последнее слово она выпалила с такой яростью, что Алиса так и подскочила; но она тут же сообразила, что оно относится не к ней, а к младенцу, и, собравшись с духом, снова заговорила:

— Я не знала, что Чеширские Коты должны улыбаться. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

А ВЫ ЗНАЕТЕ, кто такой Чеширский Кот? Одни ученые говорят, что на самом деле Чеширский Кот — это просто... сыр! В старину в Англии был такой сорт сыра — в виде улыбающейся кошачьей головы. А другие уверяют, что это — леопард, который был нарисован на вывеске трактира в Чешире (есть такое место в Англии). По-моему, коты все-таки больше по-

хожи на леопардов, чем на сыр. Хотя я могу и ошибиться.

— Всё они умеют, — сказала Герцогиня, — и большинство не упускает случая!

— А я, представьте себе, ни одного такого не знала! — сказала Алиса весьма светским тоном. В глубине души она была в восторге, что сумела завязать такую интересную беседу с Герцогиней.

— Ты многого не знаешь, — категорически заявила Герцогиня, — это факт!

Такого рода замечание Алисе никак не могло понравиться, и ей сразу захотелось поговорить о чем-нибудь совсем другом.

Но пока она старалась найти более привлекательный предмет для беседы, Повариха сняла кастрюлю с плиты и, не теряя времени, взялась за другое дело. А именно: она начала швырять всем чем ни попало в Герцогиню с младенцем.

В первую очередь в них полетели кочерга, совок и щипцы для угля, затем градом посыпались сковородки, тарелки, чашки.

Правда, Герцогиня, казалось, ничего не замечала, даже когда в нее попадало кое-что, а ребеночек и без того так вопил, что никак нельзя было понять, ушибли его или нет.

Но Алиса была вне себя от ужаса.

— Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте! — кричала она, прыгая на месте от волнения. — Ой, вот сейчас прямо в наш дорогой носик! — Это относилось к огромной сковороде, которая пролетела у ребеночка перед самым носом и чуть-чуть не прихватила упомянутый нос с собой.

— Если бы никто не совал носа в чужие дела, — проворчала Герцогиня, — мир завертелся бы куда быстрее, чем сейчас.

— Ну и что же тут хорошего? — с готовностью подхватила Алиса, обрадовавшись долгожданному случаю блеснуть своими познаниями. — Представляете, какая бы началась путаница? Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда бы от вращения...

— Кстати, об отвращении! — сказала Герцогиня. — Из отвратительных девчонок делают отбивные котлеты!

Алиса испуганно покосилась на Повариху, но убедившись, что та, пропустив этот намек мимо ушей, вновь деловито помешивает свой суп, продолжала (правда, несколько сбивчиво):

— Я только хотела сказать, что если сейчас Земля совершает один оборот за двадцать четыре часа... Или наоборот: двадцать четыре оборота за час...

— Ах, не мучай меня, дорогая, — сказала Герцогиня, — цифры — это мое слабое место!

И она снова принялась укачивать своего ребеночка, напевая нечто вроде колыбельной и изо всех сил встряхивая бедняжку в конце каждой строчки:

Малютку сына — баю-бай! —
Прижми крепче к сердцу

И никогда не забывай
Задать ребенку перцу!

Баюкай сына своего
Хорошею дубиной —
Увидишь, будет у него
Характер голубиный!

ПРИПЕВ:

(Его дружно подхватили Повариха и младенец)

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

А исполняя второй куплет этой странной колыбельной, Герцогиня так свирепо подбрасывала младенца и несчастный малыш так отчаянно вопил, что Алиса разобрала только половину слов:

.....
Уж я-то деточку свою
Лелею, словно розу!
И я его — баю-баю,
Как сидорову козу!

ПРИПЕВ:

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

— Держи! — крикнула Герцогиня Алисе и швырнула ей ребенка. — Можешь понынчиться с ним, если хочешь. Я должна переодеться к вечернему крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Повариха запустила сковородой ей вдогонку, но немного промахнулась.

Алиса с трудом удержала малыша в руках. Он был какой-то странный. Руки и ноги у него торчали во все стороны. «Прямо как у морской звезды», — подумала Алиса.

Бедный крошка пыхтел, как паровоз, вырываясь от своей новой няньки. Он то складывался вдвое, то опять весь растопыривался; Алисе долго не удавалось взять его поудобнее.

Как только ей это наконец удалось (для чего пришлось завязать ребеночка узлом и крепко держать за правое ухо и левую пятку, чтобы он не мог развязаться), она вынесла его на свежий воздух.

«Придется взять малыша с собой, — подумала Алиса, — а то они его не сегодня-завтра укокошат!»

— Оставить его тут — это просто преступление!

Последнюю фразу она сказала вслух, и ребенок хрюкнул в ответ (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай,— сказала Алиса строго,— детям хрюкать неприлично, и никто тебя не поймет!

Малыш опять хрюкнул, и Алиса встревоженно заглянула ему в лицо, не понимая, что же это такое делается.

Нос у него, правда, был что-то уж очень курносый, больше похожий на пяточок, чем на настоящий нос; да и глаза были что-то маловаты для нормального ребенка, и вообще Алисе не очень понравился его вид.

«А все-таки, может быть, он просто хныкал?» — подумала добрая девочка и опять заглянула ему в глаза — нет ли там слез.

Нет, слез не было и в помине.

— Смотри, мой дорогой,— строго сказала Алиса,— если ты решил вести себя по-свински, я с тобой не буду водиться! Заруби себе на носу.

Бедный малыш опять хныкнул (или хрюкнул, трудно было понять), и они молча двинулись дальше.

Алиса начала уже обдумывать, что она будет с ним делать, когда приведет его домой, как вдруг он снова хрюкнул, да так отчаянно, что она опять в испуге поглядела на него. И на этот раз уже не оставалось никаких сомнений: это был самый настоящий поросенок!

Разумеется, было бы совершенно нелепо тащить его дальше на руках; Алиса пустила малыша на землю и с облегчением увидела, что он преспокойно затрусил куда-то в лес.

«Ну что ж, ничего,— подумала она,— ведь из него мог выйти очень противный мальчишка. А так получился очень симпатичный поросенок!»

И Алиса стала вспоминать других знакомых детей, из которых могли бы выйти развеликолепные поросята, и уже говорила про себя: «Вот бы только узнать такое средство, чтобы превратить их...», как вдруг она вздрогнула и остановилась.

В нескольких шагах от нее на ветке какого-то дерева сидел Чеширский Кот.

Кот тоже заметил Алису и только улыбнулся.

«На вид он не злой»,— подумала Алиса. И правда, вид у Кота был добродушный; но только уж очень длинные когти и зубов полон рот — все это внушало почтение.

— Чеширский Мурлыка...— заговорила Алиса несме-

ло — она не знала, понравится ли ему такое обращение.

Кот в ответ улыбнулся еще шире.

«Значит, не сердится», — подумала Алиса и продолжала:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот.

— Да мне почти все равно, — начала Алиса.

— Тогда все равно, куда идти, — сказал Кот.

— Лишь бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.

— Не беспокойся, *куда-нибудь* ты обязательно попадешь, — сказал Кот, — конечно, если не остановишься на полпути.

Алиса почувствовала, что спорить тут не приходится, и решила подойти к вопросу с другой стороны.

— Скажите, а кто тут кругом живет? — спросила она.

— В этой стороне, — Кот помахал в воздухе правой лапой, — живет некто Шляпа. *Форменная Шляпа!* А в этой стороне, — и он помахал в воздухе левой лапой, — живет Очумелый Заяц. Очумел в марте. Навести кого хочешь. Оба ненормальные.

— Зачем это я пойду к ненормальным? — пролепетала Алиса. — Я их... Я лучше к ним не пойду...

— Видишь ли, этого все равно не избежать, — сказал Кот, — ведь мы тут все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.

— А почему вы знаете, что я ненормальная? — спросила Алиса.

— Потому что ты тут, — просто сказал Кот. — Иначе бы ты сюда не попала.

Хотя такой ответ не совсем устраивал Алису, она не могла удержаться от дальнейших расспросов.

— А почему вы знаете, что вы ненормальный? — спросила она.

— Начнем с собаки, — сказал Кот. — Возьмем нормальную собаку, не бешеную. Согласна?

— Конечно! — сказала Алиса.

— Итак, — продолжал Кот, — собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Она, как мы условились, нормальная. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь. Вывод: я — ненормальный.

— Разве вы ворчите? По-моему, это называется мурлыкать, — сказала Алиса.

— Пусть называется как угодно,— сказал Кот.— Ты вечером будешь на крокете у Королевы?

— Ой, я бы очень хотела,— сказала Алиса,— да только меня что-то еще не приглашали.

— Значит, до вечера,— сказал Кот и исчез.

Не сказать, чтобы Алиса так уж сильно этому удивилась — она уже привыкла ко всяким чудесам,— но все-таки она долго не могла отвести глаз от ветки, на которой только что сидел Кот. Как вдруг он появился снова.

— Кстати, чуть не забыл спросить,— сказал он,— что же случилось с тем ребенком?

— Он превратился в поросенка,— честно ответила Алиса.

— Так я и думал,— сказал Кот и опять исчез.

Алиса подождала немного, втайне надеясь, что он снова появится, но Кота все не было, и она пошла в ту сторону, где, по его словам, жил Очумелый Заяц.

«Шляпы я и раньше видела,— думала она,— а Заяц, конечно, намного интереснее! А потом, ведь сейчас май месяц, а не март,— может, он уже поправился, стал нормальный...»

Тут она подняла глаза. Перед ней на ветке опять сидел Кот.

— Как ты сказала: «в поросенка» или «в карасенка»? — с живым интересом спросил он.

— Я сказала «в поросенка»,— отвечала Алиса,— и можно вас попросить не исчезать и не появляться все время так внезапно, а то у меня прямо голова кружится!

— Договорились,— сказал Кот и на этот раз действительно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом постепенно все остальное; наконец осталась только одна улыбка,— сам Кот исчез, а она еще держалась в воздухе.

«Вот это да! — подумала Алиса.— Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без Кота — это я прямо не знаю что такое!»

Очень скоро показался недалеко дом Очумелого Зайца: трубы на нем были в виде заячьих ушей, а крыша покрыта заячьим мехом, так что Алиса сразу догадалась, что это тот самый дом.

Дом был такой большой, что она побоялась подойти к нему,— сперва она съела немножко гриба из ЭТОЙ руки и стала ростом раза в два побольше.

Да и то она сильно замедлила шаги.

«А вдруг он все-таки бешеный,— думала она,— пожалуй, лучше мне было пойти к Шляпе!»

Глава седьмая, в которой пьют чай, как ненормальные

Возле дома под деревом был накрыт к чаю стол; Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась на стуле Садовая Соня — хорошенький маленький зверек вроде белочки. Она крепко спала; Шляпа и Заяц облакачивались на нее, как на подушку, и разговаривали через ее голову.

«Бедная Соня,— первым делом подумала Алиса,— ей, наверное, очень неудобно! Хотя раз она так крепко спит, то, значит, не сердится».

Еще она заметила, что, хотя стол был очень большой и весь уставлен посудой, вся троица теснилась в уголке, на самом краю.

— Мест нет! Мест нет! — дружно закричали Заяц и Шляпа, как только заметили Алису.

— Места сколько хочешь! — возмутилась Алиса. И она уселась в свободное кресло на другом конце стола.

— Не хочешь ли торта? — любезно предложил Заяц.

Алиса оглядела весь стол, но там ничего не было, кроме чайников и чайной посуды.

— Какого торта? Что-то я его не вижу, — сказала она.

— Его тут и нет, — подтвердил Заяц.

— Зачем же предлагать? Это не очень-то вежливо! — обиженно сказала Алиса.

— А зачем садиться за стол без приглашения? Это не очень-то вежливо! — откликнулся, как эхо, Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — объяснила Алиса. — Я думала, он накрыт для всех, а не для вас троих!

— Не мешало бы тебе подстричься, — неожиданно сказал Шляпа.

Это были первые его слова, хотя все это время он рассматривал Алису с большим любопытством.

— Делать замечания незнакомым людям — очень грубо! — наставительно сказала Алиса. — Так меня учили!

Шляпа сделал большие глаза, — видимо, это замечание его сильно удивило. (Хорошенько подумав, его можно понять!)

Однако в ответ он сказал вот что:

— Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

«Вот это совсем другой разговор! — подумала Алиса. — Загадки-то я люблю! Поиграем!»

— Кажется, сейчас отгадаю, — прибавила она вслух.

— Ты думаешь, что могла бы отыскать отгадку? — удивленно спросил Заяц.

— Конечно, — сказала Алиса.

— Так бы и сказала! — укоризненно сказал Заяц. — Надо говорить то, что думаешь!

— Я всегда так и делаю! — выпалила Алиса, а потом, чуточку подумав, честно прибавила: — Ну, во всяком случае... во всяком случае, что я говорю, то и думаю. В общем, это ведь одно и то же!

— Ничего себе! — сказал Шляпа. — Ты бы еще сказала: «я вижу всё, что ем» и «я ем всё, что вижу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала, — подхватил Заяц, — «я учу то, чего не знаю» и «я знаю то, чего не учу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала, — неожиданно откликнулась Соня, не открывая глаз, — «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» — это тоже одно и то же...

— Ну для тебя-то это одно и то же, — сказал Шляпа, и на этом беседа оборвалась.

Пока все молчали, Алиса лихорадочно пыталась вспомнить все, что ей было известно про пуганых во-

рон и письменные столы. Сведений у нее, увы, было не так много.

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул. Он первым нарушил молчание.

— Какое сегодня число?— обратился он к Алисе.

Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала:

— Четвертое мая!

— Врут на два дня,— вздохнул Шляпа.— Говорил я тебе — нельзя их смазывать сливочным маслом! — добавил он, сердито глядя на Зайца.

— Да ведь... Да ведь... масло было высшего сорта! — неуверенно возразил Заяц.

— Ну и что? Все равно туда могли попасть крошки! — продолжал ворчать Шляпа.— Незачем было лезть в механизм хлебным ножом!

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул их в свою чашку. Потом он достал их оттуда и снова внимательно осмотрел. Так как починить часы ему, видимо, не удалось и ничего нового не пришло ему в голову, он повторил свои прежние слова:

— Видите ли, масло было самого высшего сорта!

— Какие у вас странные часы,— сказала Алиса, с большим интересом наблюдавшая за манипуляциями Зайца, заглядывая ему через плечо.— Показывают число, а который час — не показывают!

— А с какой стати?— буркнул Шляпа.— Разве часы обязаны все показывать? У тебя часы показывают, какой год?

— Конечно, нет,— начала Алиса с полной готовностью,— но ведь...

— Но ведь,— перебил ее Шляпа,— ты не скажешь, что они *негодные*?

— Да-а,— сказала Алиса,— год-то — это совсем другое дело! Он так долго стоит на месте — целый год!

— Вот именно! Так сказать можно и про них, так сказать! — заявил Шляпа, и это заявление совсем сбilo бедную Алису с толку. Как она ни пыталась, она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

— Я вас не совсем поняла,— сказала она со всей возможной при таких обстоятельствах вежливостью.

— Соня опять заснула,— ответил Шляпа и плеснул Соне на нос чаем.

Соня недовольно затрясла головой и пробормотала:

— Конечно, конечно, я сама именно это хотела сказать!

— Так ты отгадала загадку?— спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе.

— Нет, сдаюсь,— сказала Алиса.— А какой ответ?

— Понятия не имею,— сказал Шляпа.

— А я тем более,— поддержал Заяц.

По-моему, эта загадка труднее даже знаменитой загадки про полотенце. («Висит на стенке, зеленый, длинный и стреляет»). Там хотя бы есть отгадка («Почему стреляет?— Чтобы труднее было отгадать!»). А эту загадку не отгадал еще никто на свете. Если вам удастся ее отгадать, немедленно напишите в Академию наук или хотя бы в Дом детской книги.

Алиса тяжело вздохнула.

— Как вам не стыдно! Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого,— сказала она разочарованно.

— Если бы ты знала время, как я его знаю,— сказал Шляпа,— ты бы не говорила о нем в среднем роде. Оно — не оно, а он — Старик-Время!

— Никогда бы не подумала,— сказала Алиса.

— Понятно! — фыркнул Шляпа, презрительно дернув носом.— Ты о нем вообще, наверное, в жизни не думала!

— Нет, почему,— осторожно начала Алиса,— иногда, особенно на уроках музыки, я думала — хорошо бы получше провести время...

— Все понятно! — с торжеством сказал Шляпа.— Провести время?! Ишь чего захотела! Время не проведешь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться — вот тогда бы твое дело было... в шляпе! Старик бы для тебя что хочешь сделал! Возьми часы: предположим, сейчас девять часов утра, пора садиться за уроки; а ты бы только шепнула ему словечко — и пожалуйста, стрелки так и заверте-

лись. Жжжик! Дело в шляпе: полвторого, пора обедать!
— Ой, как бы хорошо было! — чуть слышно прошептал Заяц.

— Да, конечно, это было бы здорово,— протянула в раздумье Алиса,— но только ведь у меня бы тогда еще не было аппетита.

— Разве что на первых порах,— сказал Шляпа,— но ведь ты могла бы сколько хочешь подождать!

— А вот вы... а ваше дело в шляпе?— спросила Алиса. Шляпа уныло покачал головой.

— Охо-хо! — ответил он.— Мы со Стариком поссорились! Недавно, в марте — как раз когда вот он (он показал ложкой на Зайца) очумел. Понимаешь, у Червонной Королевы был прием, и в концерте я должен был петь романс. Этот, всем известный:

Крокодильчики мои,
Цветики речные!
Что глядите на меня
прямо как родные?

Припоминаешь?

— Я что-то похожее слышала,— сказала Алиса.

— Ну как же! Дальше там, помнишь,— продолжал Шляпа:

Это кем хрустите вы
В день веселый мая,
Средь нескушанной травы
Головой качая?

Тут Соня встрепенулась и запела сквозь сон:

— Чая!.. Чая!.. Чая!..

Пела она до тех пор, пока не догадались ее ушипнуть. Тогда она сразу замолчала.

— И представляешь, не успел я спеть первый куплет,— снова заговорил Шляпа,— Королева завопила: «Он у нас только время отнимает! Отрубить ему голову!»

— Какое ужасное зверство! — воскликнула Алиса.

— А самое ужасное,— продолжал Шляпа трагическим тоном,— что Старик почему-то обиделся! Теперь он меня знать не желает! И с тех пор у нас всегда пять часов.

Тут Алису осенило.

Она вдруг все поняла.

— Ах, так вот почему у вас тут так много чайной посуды накопилось! — воскликнула она.

— Именно, именно, — сказал Шляпа со вздохом. — У нас всегда время только пить чай! Представляешь? Даже нет времени помыть все эти штуки.

В Англии есть странный обычай — в пять часов вечера обязательно пить чай. Особенно странно, что, когда сказка про Алису вышла в свет, такого обычая еще не было! Но англичане, как известно, вообще большие чудачки.

— Значит, вам приходится все время пересаживаться, да? — спросила Алиса.

— Именно, именно! — сказал Шляпа. — По мере использования посуды!

— Ой! А что же будет, когда вы опять дойдете до начала? — не удержалась Алиса.

— Не пора ли переменить тему? — вмешался Заяц, зевая. — Мне все это уже порядком надоело! Предлагаю, чтобы наша юная гостя рассказала нам интересную сказку.

— Ой, лучше не надо! — испугалась Алиса. — Я ни одной как следует не знаю.

— Ну, тогда пускай Соня расскажет! — закричали Шляпа и Заяц. — Соня, хватит спать! Проснись!

И оба ущипнули ее — каждый со своего боку.

Соня с трудом открыла глаза.

— Что вы, ребята, я и не думала спать, — сказала она осипшим спросонья голосом. — Я все слышала, о чем вы тут говорили. Могу повторить каждое слово.

— Расскажи нам сказку! — скомандовал Заяц.

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляла Алиса.

— И поторапливайся, — добавил Шляпа, — а то опять уснешь, не добравшись до конца!

— В некотором царстве, в некотором государстве, — скороговоркой начала Соня. — жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

— А что же они там ели и пили? — спросила Алиса,

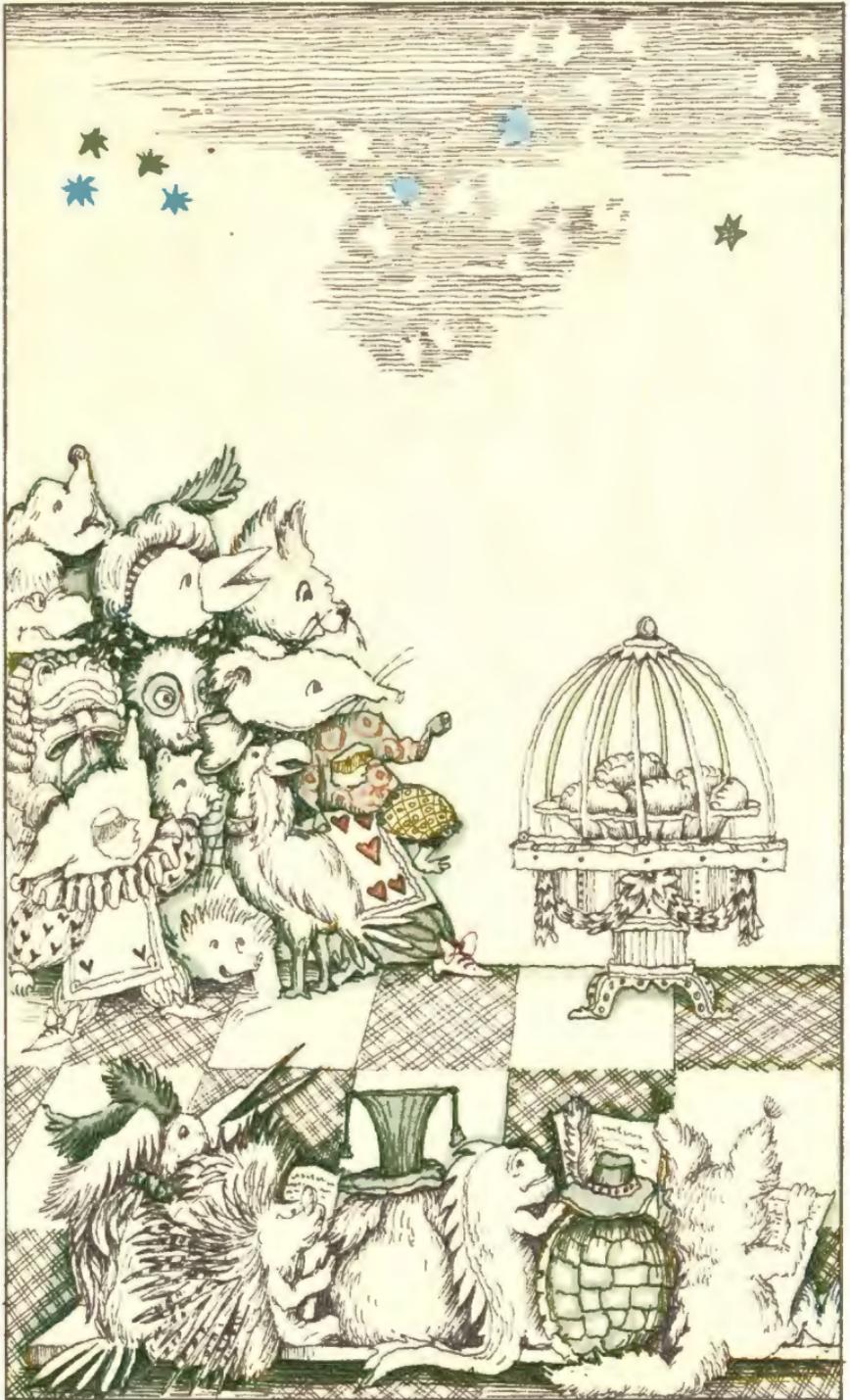

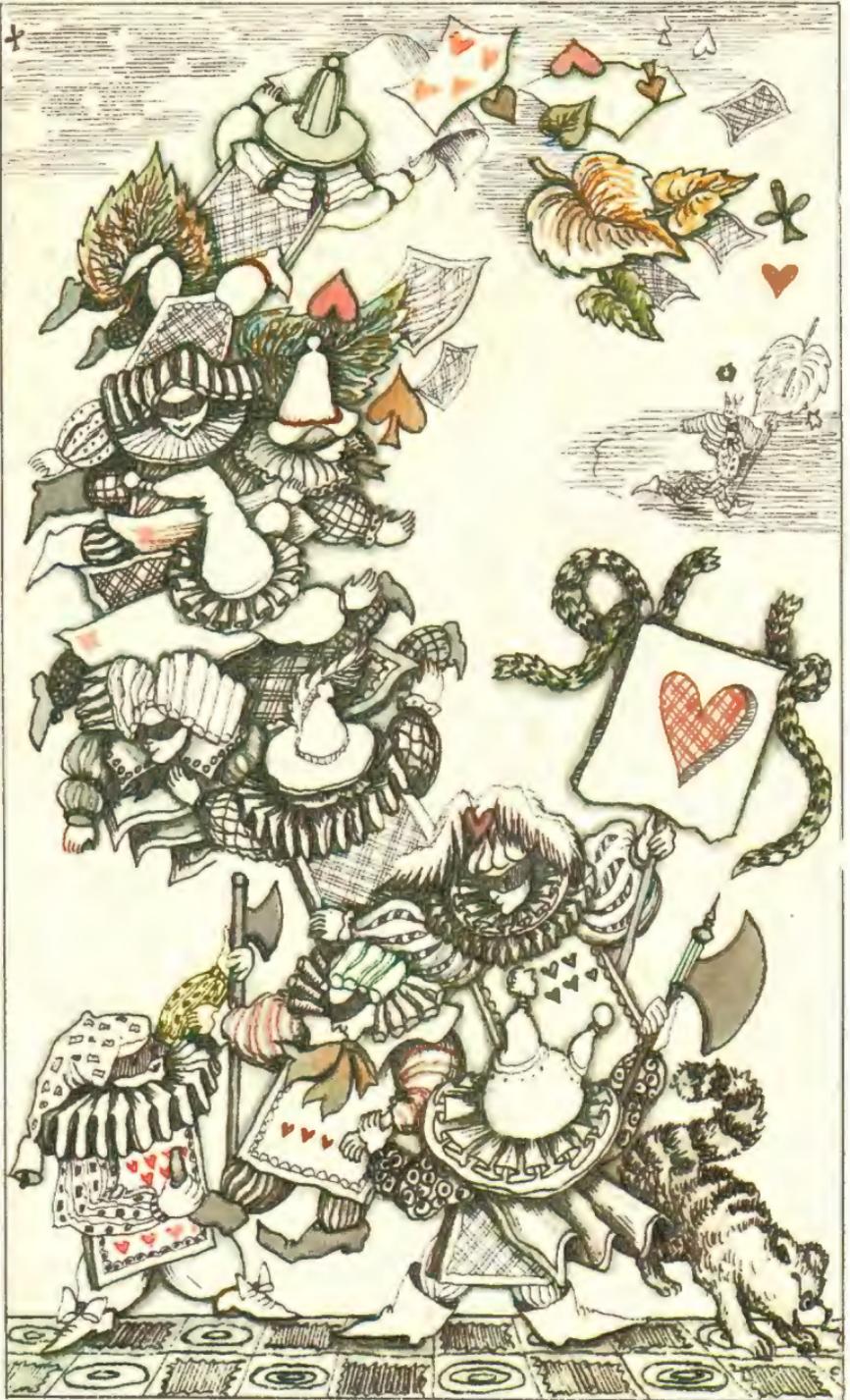

которую всегда весьма интересовали вопросы питания.

Соня долго думала,— наверное, целую минуту,— а потом сказала:

— Сироп.

— Что вы! Этого не может быть,— робко запротестовала Алиса,— они бы заболели!

— Так и было,— сказала Соня,— заболели, да еще как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки!

Алиса попыталась себе представить, что ей самой вдруг пришлось вести такую странную жизнь. Но у нее что-то ничего не получилось. Тогда она возобновила расспросы.

— А зачем они поселились в колоде, да еще на самом дне?

— Почему ты не пьешь больше чаю?— спросил Заяц заботливо.

— Что значить «больше»?— обиделась Алиса.— Я вообще ничего тут не пила!

— Тем более!— сказал Шляпа.— Выпить больше, чем ничего,— легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего,— это был бы фокус!

— А вас никто не спрашивает!— выпалила Алиса.

— Так-с! Кто теперь делает замечания малознакомым людям?— победоносно сказал Шляпа.

Уничтожающий ответ что-то долго не приходил Алисе в голову, так что она просто-напросто намазала себе бутерброд, налила чаю, а спустя некоторое время, обернувшись к Соне, повторила свой вопрос:

— Так зачем же они поселились на дне колодца?

Соня опять долго думала,— во всяком случае, долго молчала!— а потом сказала:

— Потому что там было повидло!

— Какое повидло?— возмутилась Алиса.— Вы говорили, там был...

Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на нее, а Соня надулась и сказала:

— Не умеешь прилично себя вести — тогда досказывай сама.

— Ой, простите, пожалуйста,— взмолилась Алиса,— пожалуйста, рассказывайте, я вас больше ни разу не перебыю! Вы говорили — там что-то было...— напомнила она.

— Мало ли, что там было,— сказал Заяц.— Что было, то сплыло.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — поддержал Шляпа.

(Алиса сидела тише воды, ниже травы, хотя, говоря по совести, она могла бы Шляпе кое о чем напомнить!)

— Так вот,— наконец возобновила свой рассказ Соня,— они таскали мармалад оттуда..

— Откуда взялся мармелад?..— начала было Алиса, забыв о своем торжественном обещании, и тут же осеклась.

Но Соня, казалось, ничего не заметила.

— Это был мармаладный колодец,— объяснила она.

— Мне нужна чистая чашка,— прервал ее Шляпа.— Давайте подвинемся!

Он тут же пересел на соседний стул; Соня села на его место, Заяц — на место Сони, а Алиса — без особой охоты — пересела на стул Зайца. От всех этих перемещений выиграл только Шляпа, а Алиса, наоборот, сильно прогадала, так как Заяц только что опрокинул молочник.

— Я не понимаю,— очень робко, боясь опять рассердить Соню, начала Алиса,— как же они таскали оттуда мармелад?

— Из обыкновенного колодца таскают воду,— сказал Шляпа,— а из мармаладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что — совсем дурочка?

— Я говорю, как они могли таскать мармелад *оттуда*? Ведь они там *жили*,— сказала Алиса, решив оставить без ответа последние слова Шляпы.

— Не только жили! — сказала Соня.— Они *жили-были!*

И этот ответ настолько ошеломил бедную Алису, что она позволила Соне некоторое время продолжать рассказ без вынужденных остановок. Это было весьма кстати, так как рассказчица отчаянно зевала и усиленно терла глаза.

— Так вот,— продолжала Соня,— этот самый мармалад они ели или пили — делали что хотели...

Тут Алиса не выдержала.

— Как же это они пили мармелад?! — закричала она.— Этого не может быть!

— А кто сказал, что они его пили?— спросила Соня.

— Как — кто? Вы сами сказали.

— Я сказала — они его ели! — ответила Соня. — *Ели и лепили!* Лепили из него все, что хотели, все, что начинается на букву М, — продолжала она, позевывая, — ее сильно клонило ко сну.

— Почему не на букву М? — только и могла спросить Алиса.

— А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад ведь тоже на М», — мелькнуло у нее в голове.

Соня к этому времени успела закрыть глаза и основательно задремать; но Шляпа снова ущипнул ее, и она с легким писком пробудилась и продолжала рассказ:

— На букву М: мышеловки, и морковка, и мартышки, и мальчишки, и мораль, и даже мурашки... Ты видела мурашки, хотя бы на картинках?

— Кажется, да, — начала Алиса неуверенно, — хотя не знаю...

— А не знаешь, так помалкивай, — перебил ее Шляпа.

Совершенно ясно, что Соня имела в виду не мурашек, а мурашки! Это большая разница, хотя бегать по спине могут и те, и другие.

Алиса вытерпела за этот день немало грубостей, но это было уже слишком!

Возмущенная до предела, она, не говоря ни слова, встала и гордо удалилась.

На хозяев ее уход не произвел, увы, особого впечатления. Соня немедленно заснула, а остальные двое, по всей видимости, вообще ничего не заметили, хотя Алиса несколько раз оборачивалась, втайне надеясь, что они одумаются и будут упрашивать ее вернуться. Но, обернувшись напоследок, она увидела только, что они пытаются запихнуть Соню в чайник.

— Ни за что на свете сюда больше не вернусь! — повторяла Алиса, пробираясь между деревьями. Ни за какие коврижки! Никогда с такими дураками чаю не пила!

И тут-то она заметила, что в одном дереве есть дверь и эта дверь открывается прямо в дерево.

«Как интересно! — подумала Алиса. — А если войти, — наверно, будет еще интересней. Пожалуй, войду!»

Она смело вошла — и тут же оказалась в знакомом подземелье, как раз возле стеклянного столика.

— Ну, теперь-то я знаю, что делать! — сказала Алиса, поскорее взяла золотой ключик и отперла дверьцу в сад.

Потом она достала ТОТ кусочек гриба (у нее сохранились остатки в кармашке) и жевала его, пока не стала как раз такого роста, что свободно могла войти в заветную дверь.

Потом она прошла по тесному, как крысиный лаз, коридорчику, а потом... потом она наконец оказалась в чудесном саду, среди ярких, веселых цветов и прохладных фонтанов.

Глава восьмая, в которой играют в крокет у Королевы

У самого входа в сад рос высокий цветущий розовый куст. Розы на нем были белые, но возле куста суетились трое садовников и деловито красили их красной краской. Алиса не поверила своим глазам и решила подойти поближе, надеясь понять, что же там такое творится на самом деле.

— Эй, ты, Шестерка, осторожнее! Ты меня опять всего краской обляпал! — услышала она еще издали.

— А что я сделаю, — мрачно отвечал Шестерка, — меня вон Семерка под руку толкает!

Семерка покосился на него и сказал:

— Молодец ты у нас! Правильно делаешь! Всегда вали с больной головы на здоровую!

— Насчет головы ты бы лучше помалкивал,— сказал Шестерка.— Я сам слышал, Королева вчера говорила — по твоей голове давно топор плачет!

— А за что? — спросил первый садовник, тот, который начал разговор.

— Тебе-то, Двойка, какое дело? — сказал Семерка.— Тебя уж это никак не касается!

— Нет, это всех касается,— сказал Шестерка.— Зачем правду скрывать? Не ты, что ли, принес на господскую кухню хрен вместо редьки?

Семерка бросил свою кисть на землю и только было начал:

— Ну, знаешь, слышал я напраслину, но такой... — как вдруг его взгляд упал на Алису, которая стояла рядом и внимательно слушала.

Он тут же замолчал; остальные тоже оглянулись на нее, и вся троица низко поклонилась.

— Скажите, пожалуйста,— несмело начала Алиса,— а почему вы красите эти розы?

Шестерка с Семеркой переглянулись и, как по команде, поглядели на Двойку.

— Тут, барышня, такая история вышла,— понизив голос, начал Двойка.— Велено нам было посадить розы, полагаются тут у нас красные, а мы, значит, маху дали — белые выросли. Понятное дело, если про то ее величество проведает — пропали, значит, наши головушки. Вот мы, это, и стараемся, значит, грех прикрыть, пока она не пришла, а то...

В это время Шестерка, то и дело тревожно озиравшийся, закричал:

— Королева! Королева!

И все трое пали ниц, то есть повалились на землю лицом вниз.

Послышался мерный топот большой процессии, и Алиса тоже оглянулась — ей, конечно, ужасно захотелось поглядеть на Королеву.

Вскоре шествие показалось. Впереди попарно маршировали десять солдат с пиками; все они были очень похожи на садовников — такие же плоские и прямоугольные, руки и ноги у них росли по углам. За ними, тоже парами, шли придворные в пышных одеяниях;

среди них было, видно, немало Тузов, были и Шуты с бубенчиками, но все выступали прямо-таки козырем; за ними вприпрыжку бежали, резвясь (но тоже попарно), малютки Принцы и Принцессы, в костюмах, расшитых золотом; далее парами следовали гости — все больше Короли и Дамы разных мастей. Алиса узнала среди гостей Белого Кролика, хотя его было трудно узнать: он улыбался всем и каждому, суетился и что-то без умолку тараторил; Алису он не заметил. Далее шел Червонный Валет — он нес на алой бархатной подушке королевскую корону,— и, наконец, замыкали это грандиозное шествие **ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ** и **ЧЕРВОННАЯ ДАМА**, то есть **КОРОЛЕВА**.

У Алисы возникли некоторые сомнения: не нужно ли и ей, по примеру садовников, пасть ниц; но что-то никаких таких правил поведения во время шествий вспомнить она не могла.

«Да и вообще-то,— подумала она,— кому тогда будут нужны шествия, если все кругом будут лежать лицом вниз и ничего не увидят?»

И она решила просто постоять на месте.

Когда процессия поравнялась с ней, все вдруг остановились и с любопытством поглядели на Алису.

— Кто такая? — сердито спросила Королева у Червонного Валета.

Валет вместо ответа поклонился и улыбнулся:

— Болван! — бросила Королева, нетерпеливо потрянув головой.— Твое имя, девочка? — обратилась она к Алисе.

— Алиса, с позволения вашего величества! — весьма учтиво отвечала Алиса, а про себя сказала: «Подумаешь! Какая-то карточная королева! Нечего ее бояться!»

— А это кто такие? — спросила Королева, подбородком указав на трех садовников, которые все так и валялись под кустом. Ведь, как вы помните, они лежали лицевой стороной вниз, а рисунок рубашки был у них один и тот же — как и у всей колоды, и, значит, Королева не могла сейчас их отличить ни от придворных Тузов, ни даже от своих собственных детей — Принцев и Принцесс.

— Откуда я знаю! — в тон Королеве ответила Алиса,

в душе удивляясь собственной отваге.— Это не мое дело!

Королева побагровела от ярости; несколько секунд она, не в силах выговорить ни слова, только бросала на Алису испепеляющие взгляды, а потом завизжала во все горло:

— Отрубить ей голову! Отрубить ей!..

— Глупости! — очень громко и решительно ответила Алиса, и Королева прикусила язычок.

Король робко взял ее за руку и сказал:

— Одумайся, дорогая, — это ведь маленькая девочка!

Королева с раздражением отвернулась от него.

— Перевернуть их! — приказала она Валету.

Валет осторожно, носком ноги, перевернул лежавших.

— Встать! — пронзительным голосом приказала Королева.

Садовники немедленно вскочили и принялись кланяться Королю, Королеве, Принцам, Принцессам — вообще всем и каждому.

— Прекратить поклоны! — завизжала Королева.— У меня голова кружится!

Тут ее взгляд упал на розовый куст.

— Отвечайте: что вы тут делали? — спросила она.

— С дозволения вашего величества, — начал Двойка смиренно, опустившись на колени, — мы, значит, старались...

— Ясно! — закричала Королева, которая в это время внимательно рассматривала розы.— Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, за исключением трех солдат, оставшихся, чтобы выполнить королевский приказ.

Злосчастные садовники кинулись, умоляя о спасении, к кому бы вы думали? Да, да, именно к Алисе!

— Никто вас не тронет! — сказала Алиса. Она легко подняла всех троих и посадила их в большую цветочную вазу, стоявшую поблизости.

Солдаты поискали, поискали обреченных и, никого не обнаружив, преспокойно вернулись на свои места в первых рядах процессии.

— Покончили с ними? — крикнула солдатам Королева.

— Так точно! И следа не осталось, ваше величество! — как один человек, гаркнули brave солдаты.

— Молодцы! — крикнула Королева. — В крокет играть умеем?

Так как солдаты молчали и дружно уставились на Алису, вопрос ее величества, видимо, относился к ней.

— Умеем! — откликнулась Алиса.

— Тогда пошли! — рявкнула Королева.

И Алиса тоже присоединилась к шествию и, шагая среди гостей, с большим интересом ожидала развития событий.

— Чудесный... чудесный денек сегодня, не правда ли? — произнес чей-то робкий голосок.

Алиса обернулась — рядом с ней трусил Белый Кролик, заискивающе заглядывая ей в лицо.

— Очень чудесный! — согласилась Алиса. — А где же Герцогиня?

— Тсс! Тсс! — зашикал на нее Кролик.

Он испуганно, тревожно огляделся кругом, а потом, поднявшись на цыпочки, прошептал ей в самое ухо:

— Приговорена к смертной казни!

— Как так? — удивилась Алиса.

— Вы сказали «как жаль»? — испуганно переспросил Кролик.

— Да нет, — сказала Алиса, — особенно жалеть не о чем. Я хотела сказать — за что?

— Она дала Королеве по уху... — начал Кролик.

Алиса так и прыснула.

— Тише! — снова опасно шикнул на нее Кролик. — Королева может услышать! Понимаете, она опоздала, а Королева сказала...

— По местам! — раздался громовой голос Королевы, и все начали как безумные носиться взад и вперед, поминутно натываясь друг на друга и кувыркаясь.

Тем не менее не прошло и пяти минут, как все оказались на своих местах и игра началась.

«Ну и ну, — подумала Алиса вскоре, — они как-то странно играют тут в крокет!»

Если вам не приходилось играть в крокет, мне вас жаль. Это очень, очень веселая летняя игра! Мне особенно нравится, что можно просто выиграть, а можно стать разбойником и сбивать чужие шары с позиций. Кому очень захочется узнать, как по-настоящему

му играют в крокет, пусть напишет в журнал «Пионер» и попросит напечатать правила этой игры.

Действительно, площадка была вся в буграх и рытвинах, кочках и ямках, вместо шаров были живые ежи, вместо молотков — живые фламинго, а солдаты, встав на четвереньки и изогнувшись дугой, выполняли обязанности крокетных ворот.

Алисе всего труднее давалось искусство управляться со своим фламинго; ей, правда, удалось довольно удобно взять птицу под мышку, так, чтобы длинные ноги не мешали, но едва она успевала аккуратно выпрямить фламинго шею и собиралась стукнуть его носом в шар (то бишь, ежика), как он обязательно оборачивался и заглядывал ей в глаза с таким забавным удивлением, что ей ничего не оставалось, как покатиться со смеху.

С большим трудом она умудрялась заставить фламинго снова опустить голову, но тут оказывалось, что ежик уже развернулся и удрал; это было уж вот до чего обидно!

Мало того, обычно как раз там, куда она собиралась направить ежа, был на дороге бугор или ямка. И сверх всего этого солдаты, служившие воротами, то и дело поднимались и разгуливали по площадке, чтобы поразмяться.

Словом, можно согласиться с Алисой: играть в крокет здесь было трудновато!

Игроки били по шарам все сразу, никто не соблюдал очереди хода, зато все непрерывно скандалили и спорили, а то и прямо дрались из-за ежей; игра только началась, а Королева была уже в безумной ярости и вопила «Отрубить ему голову!» (или «Отрубить ей голову!») ежеминутно, а то и чаще.

Алиса порядком струхнула: правда, пока что она ни разу не навлекла на себя гнева ее величества, но была уверена, что взрыв не заставит себя долго ждать. «А что же тогда со мной будет?— думала она.— Ведь это ужас как они тут любят рубить людям головы: прямо чудо, что кто-то еще в живых остался!»

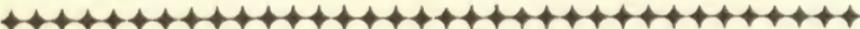
Она начала подумывать, как бы незаметно улизнуть подобру-поздорову. И, озираясь, она вдруг заметила в воздухе какое-то странное явление. Сначала Алиса ни-

как не могла понять, что это такое, но, понаблюдав некоторое время, догадалась, что это — просто улыбка.

«Ура! — подумала она. — Это Чеширский Кот; теперь хоть будет с кем поговорить».

— Ну, как успехи? — спросил Чеширский Кот, как только рот его достаточно проявился, чтобы говорить.

Алиса обождала, пока появятся глаза, и тогда молча кивнула.

«Говорить с ним еще рано, — думала она, — надо подождать ушей. Или хоть одного уха».

Нё прошло и минуты, как голова появилась целиком; Алиса поставила своего фламинго на землю и, очень довольная, что наконец нашла слушателя, приступила к отчету о ходе игры.

Кот, по-видимому, решил, что проявил себя достаточно, и на этом остановился; остальные его части так и не появились.

— По-моему, они вообще неправильно играют, — начала Алиса жалобным тоном, — и они все так жутко ссорятся, что сам себя не слышишь; и они, наверное, никаких правил не знают, а если и знают, то не выпол-

няют! И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые! Например, я должна была пройти в эти ворота, а они уже вон где — видите? — на том конце площадки! А вот сейчас я могла крокировать королевиного ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...

— Как тебе нравится Королева? — понизив голос, спросил Кот.

— Никак не нравится! — сказала Алиса. Она так ужасно... — Тут она заметила, что Королева стоит за ее спиной и внимательно прислушивается, и продолжала так: — ...Сильно играет, что прямо хоть сразу сдавайся!

Королева милостиво улыбнулась и прошла мимо.

— С кем ты говоришь, девочка? — спросил Король. Он незаметно подошел к Алисе и разглядывал Кота с большим интересом.

— Это мой друг, Чеширский Кот, — сказала Алиса, — разрешите вас познакомиться.

— У него нерасполагающая внешность, — сказал Король. — Впрочем, он может поцеловать мне руку, если хочет.

— Спасибо, обойдусь,— сказал Чеширский Кот.

— Не говори дерзостей,— сказал Король.— И не смотри на меня так! — закричал он и спрятался за спину Алисы.

— А кошкам разрешается смотреть на королей,— сказала Алиса.— Я читала об этом в одной книжке, только не помню в какой.

«И кошка может посмотреть на короля» — это просто английская поговорка. Почему Алиса говорит, что читала об этом в одной книжке, я никак не могу понять. Про эту кошку и про то, как она смотрела на короля, правда, написано в книге про Мэри Поппинс, но Алиса уж никак не могла ее читать!

— Все равно этого надо убрать! — сказал Король с глубоким убеждением и закричал проходившей неподалеку Королеве: — Дорогая, я просил бы, чтобы ты приказала убрать этого кота.

Королева знала только один способ разрешения всех проблем, больших и малых.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не обернувшись.

— Я лично сбегаю за Палачом! — немедленно откликнулся Король и помчался со всех ног.

Алиса все-таки решила вернуться и посмотреть, как идет игра. До нее еще издали донесся голос, вернее, вопль разъяренной Королевы. Королева приказывала казнить трех играющих сразу за то, что они пропустили свой ход, и Алисе это крайне не понравилось, потому что игра так запуталась, что сама Алиса давно не имела никакого понятия о том, когда ее ход. Она поскорее отправилась на поиски своего ежика и разыскала его, как раз когда он вступил в сражение с каким-то другим ежом. Алиса обрадовалась: перед ней была блестящая возможность крокировать хоть одного ежа! Увы, оказалось, что ее фламинго, как назло, улетучился. Алиса с трудом нашла его в другом конце сада, где он неуклюже пытался взлететь на дерево. Когда же она в конце концов изловила его и притащила на место, сражение уже окончилось и оба его участника скрылись...

— Ну, ладно, не беда,— утешила себя Алиса,— все равно и ворота все поразбежались!

Она устроила фламинго у себя под мышкой поудобнее, чтобы он опять не удрал, и отправилась продолжать беседу со своим приятелем — Котом.

К ее удивлению, там собралась целая толпа народа. Между Палачом, Королем и Королевой шел жаркий спор: все трое говорили одновременно, и все трое очень громко; зато все остальные уныло молчали.

Едва показалась Алиса, как трое спорщиков бросились к ней и потребовали, чтобы она рассудила их спор. Они дружно принялись повторять ей свои доводы, но, так как они по-прежнему говорили все сразу, ей было нелегко понять, кто что утверждает.

Кажется, Палач утверждал, что нельзя отрубить голову, если не имеется тела, от которого ее можно отрубить, что он никогда такими вещами не занимался и на старости лет заниматься не собирается!

Король утверждал, что лишь бы была голова, а отрубить ее можно, и нечего болтать чепуху!

А Королева утверждала, что, если все не будет исполнено сию секунду и даже значительно раньше, она велит отрубить головы всем без исключения.

(Именно это последнее заявление и привело всех присутствующих в такое похоронное настроение.)

— Ведь он Герцогинин,— сказала Алиса,— вы бы лучше спросили у нее!

Это было все, что она смогла придумать.

— Она в тюрьме,— сказала Королева Палачу.— Доставить ее сюда!

И Палач полетел стрелой. Но в ту же минуту голова Кота начала бледнеть и таять, а к тому времени, как Палач возвратился с Герцогиней, исчезла совсем.

Король и Палач как угорелые кинулись искать Кота, а все остальные возобновили игру.

Глава девятая, в которой рассказана история Деликатеса

— Ах ты, моя душечка-дорогушечка, ты себе не представляешь, как я рада снова тебя видеть! — сказала Герцогиня с чувством. Она нежно взяла Алису под руку, отвела ее в сторонку, и они пошли дальше вместе.

Алиса была тоже очень рада — рада видеть Герцогиню в таком милом настроении; она подумала, что, наверное, это от перца в кухне та была такая злющая.

«Когда я стану Герцогиней,— сказала она себе (правда, без особой уверенности),— у меня на кухне вообще не будет перцу! Зачем он нужен? Суп и так можно есть! Ой, вообще, наверно, это от перцу люди делаются вспыльчивые,— продолжала она, очень довольная, что сама обнаружила вроде как новый закон природы,— а от уксуса делаются кислые... а от хрена — сердитые... а от... а от... а вот от конфет-то дети становятся ну прямо прелесть! Потому их все так любят! Вот хорошо бы все это узнали, тогда бы не ворчали на них из-за них, а наоборот, сами...»

Хотя Алиса не говорит, кого все так любят — детей или конфеты, но мне кажется, что она-то все-таки больше любит конфеты. «Ворчать на них из-за них» — не очень удачное выражение, но зато чувствуется, что Алиса очень увлеклась любимым предметом!

К этому времени она совершенно позабыла про Герцогиню и даже слегка вздрогнула, услышав ее голос над самым ухом:

— Ты о чем-то задумалась, дорогая, и позабыла, что нужно поддерживать беседу. А какая отсюда мораль, я сейчас не могу тебе сказать, но скоро вспомню.

— А может быть, никакая,— отважилась сказать Алиса.

— Что ты, что ты, деточка,— сказала Герцогиня,— во всем есть мораль, только надо уметь ее найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе еще теснее.

Это Алисе не особенно понравилось,— во-первых, потому, что Герцогиня была уж *чересчур* некрасивая, а во-вторых, она была как раз такого роста, что подбородок ее пришелся Алисе на плечо, а подбородочек у Герцогини был нестерпимо острый.

Но Алиса не хотела быть грубой и потому смолчала.

— Игра как будто повеселей пошла,— немного погодя заметила она просто так, чтобы немного поддерживать разговор.

— Верно, моя душечка! — сказала Герцогиня.— А отсюда мораль: «И вот на чем вертится свет!»

— Недавно кто-то говорил,— шепнула Алиса,— свет вертится оттого, что некоторые люди не суют нос в чужие дела.

Герцогиня услышала, но несколько не смутилась.

— Ах, душечка,— сказала она,— это одно и то же.— И она добавила, поглубже вонзив свой подбородочек в Алисино плечо:— Отсюда мораль: «Не смейся языком, смейся делом!»

Герцогиня немного ошиблась: по-настоящему эта пословица звучит так: «Не спеши языком, спеши делом!»

Автор тоже немного ошибся — с его стороны неосторожно помещать в этой книге такие пословицы!

«Почему это некоторые так любят всюду искать мораль?» — подумала Алиса.

— А я знаю, о чем ты, душечка, задумалась! —

сказала Герцогиня.— Ты задумалась о том, почему я тебя не обнимаю? Угадала? Но дело в том, что мне внушает сомнение характер твоего фламинго. Или рискуешь, как ты думаешь?

— Он ведь может ущипнуть! — предостерегающе сказала Алиса, совершенно не заинтересованная в том, чтобы Герцогиня так рисковала.

— Совершенно верно! — сказала Герцогиня.— Фламинго щиплются не хуже горчицы. Отсюда мораль: «Видно птицу по полету»... Ну, и так далее.

— А горчица-то не птица! — сказала Алиса.

— Ты права, как всегда! — сказала Герцогиня.— И как ты, душечка, во всем так хорошо разбираешься?

— Горчица — это, кажется, минерал...

— Вот именно, минерал! — подхватила Герцогиня. Она, по-видимому, готова была согласиться со всем, что бы Алиса ни сказала.— Тут неподалеку что-то минировали горчичными минами, совсем на днях. А отсюда мораль: «Чему быть — того не минировать!»

— Ой, вспомнила! — закричала Алиса (последние слова Герцогини ее миновали).— Это фрукт! Она по виду не похожа, но она — фрукт!

— И еще какой фрукт! — радостно согласилась Герцогиня.— А отсюда мораль: «Будь таким, каким хочешь казаться», или, если хочешь, еще проще: «Ни в коем случае не представляй себе, что ты можешь быть или представляться другим иным, чем как тебе представляется, ты являешься или можешь являться по их представлению, дабы в ином случае не стать или не представиться другим таким, каким ты ни в коем случае не желал бы ни являться, ни представляться».

— Наверно, я бы лучше поняла,— сказала Алиса, чрезвычайно учтиво,— если бы это было написано на бумажке, а так я как-то не уследила за вами.

— Это еще пустяки по сравнению с тем, что я могу сказануть, если захочу! — сказала Герцогиня, явно очень довольная собой.

— Спасибо, не надо, не надо,— сказала Алиса,— не беспокойтесь, пожалуйста!

— Какое тут беспокойство, душечка! — сказала Герцогиня.— Я только рада, что могу сделать тебе маленький подарок — все, что я могу сказать!

«Хорошенький подарочек, большое спасибо! — подумала Алиса. — Хорошо, что на рождение таких не приносят!»

Но вслух она этого, естественно, не произнесла.

— Мы опять задумались? — сладким голосом спросила Герцогиня, еще глубже вонзив свой подбородочек в плечо Алисы.

— Разве мне запрещено думать? — ответила Алиса, пожалуй, резковато. Правда, ее терпение было уже на исходе.

— Нет, душечка, — сказала Герцогиня, — и поросяткам не запрещено летать, а мор...

Тут, к большому удивлению Алисы, голос Герцогини замер — замер посредине ее любимого слова, и рука, вцепившаяся в руку Алисы, задрожала.

Прямо перед ними, скрестив руки на груди, стояла Червонная Королева, хмурая и зловещая, как грозовая туча.

— П-прекрасный денек, ваше величество, — начала было Герцогиня еле слышным голосом.

— По доброте своей всемилостивейше предупреждаю, — крикнула Королева, топнула ногой, — или тебя, или твоей головы здесь не будет — и не сию минуту, а в сто раз быстрее! Выбирай!

Герцогиня выбрала — и исчезла, причем уложилась точно в назначенный срок.

— Вернемся к игре! — сказала Королева Алисе.

Алиса была так напугана, что не произнесла ни слова и молча поплелась за Королевой на крокетную площадку.

Остальные игроки, воспользовавшись отсутствием ее величества, расположились на отдых в тени, но едва она показалась, как они немедленно возобновили игру.

Промедление было смерти подобно — Королева мимоходом заметила, что, кто хоть чуточку опоздает, будет казнен без опоздания.

Игра пошла по-прежнему; Королева не переставала со всеми спорить, скандалить и кричать: «Отрубить (соответственно, ему или ей) голову!»

Солдаты брали под стражу приговоренных; разумеется, для этого им приходилось покидать свои посты, и в результате не прошло и получаса, как ворот вооб-

ще не осталось, а все, кто пришел повеселиться, были арестованы и ожидали казни.

Тут Королева наконец решила передохнуть (она порядком запыхалась) и сказала Алисе:

— Уже видела Бывшего Деликатеса?

— Нет,— ответила Алиса.— Даже не слышала про такого!

— Из него готовят рыбацкую уху и многое другое,— объяснила Королева.

— Очень интересно,— сказала Алиса.

— Тогда идем,— приказала Королева,— он сам все расскажет.

Уходя, Алиса успела услышать, как Король тихонько сказал, обращаясь ко всему обществу сразу:

— Вы помилованы.

«Ну вот, это совсем другое дело!»— радостно подумала она. Все эти бесчисленные смертные приговоры сильно ее огорчали.

Вскоре они с Королевой наткнулись на Грифона, крепко спавшего на самом солнцепеке.

— Вставай, ленивая тварь,— сказала Королева,— и отведи юную леди к Деликатесу! Пусть он ей расскажет свою историю. А мне надо вернуться и присмотреть за домашними делами. Я там распорядилась кое-кого казнить.

Она ушла, и Алиса осталась наедине с Грифоном.

Хотя наружность чудища не слишком пришлась Алисе по душе, она подумала, что его общество ничуть не опаснее, чем общество кровожадной Королевы. И она решила подождать.

Грифон приподнялся, сел и протер глаза: он долго смотрел вслед Королеве, а когда она окончательно скрылась из виду, фыркнул.

— Комедия!— сказал он, то ли про себя, то ли обращаясь к Алисе.

— Где комедия?— спросила Алиса.

— Да вон пошла!— сказал Грифон.— Все ведь одна комедия! У нас тут никто никого не казнит, не волнуется. Пошли!

«Только и слышишь: «Пошли! Пошли!»— думала Алиса, неохотно следуя за Грифоном.— Все, кому не лень, командуют! Прямо загоняли меня тут».

Они прошли совсем немного, и вот уже в отдале-

нии показалась поникшая фигура Деликатеса. Он в грустном одиночестве сидел на обломке прибрежной скалы, и далеко разносились его душераздирающие стенания и вздохи.

Алисе стало его ужасно жалко.

— У него какое-то большое горе?— спросила она Грифона.— Кто его обидел?

Грифон отвечал ей почти теми же самыми словами, что и раньше:

— Какое там горе! Одна комедия! Никто его не обидит, не волнуйся! Пошли!

И они подошли к Деликатесу, который только посмотрел на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

— Слушай, старик,— сказал Грифон,— тут вот молодая леди хочет узнать твою историю. До зарезу.

— Я все поведаю, не тая,— сказал Деликатес протяжно и уныло.— Садитесь оба, и молчите оба, пока я не окончу свой рассказ.

Гости сели, и несколько минут никто не произносил ни слова.

«Не понимаю, как он может когда-нибудь окончить, раз он и не собирается начинать»,— успела подумать Алиса, но продолжала терпеливо ждать.

— Был некогда я рыбой,— сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом,— настоящей...

За сим последовало долгое-долгое молчание — его нарушали лишь редкие восклицания Грифона (приблизительно: «Гжхкррх!»), а также беспрерывные вздохи и стоны Деликатеса.

Алиса уже не раз хотела встать и сказать: «Большое спасибо за ваш интересный рассказ», но она все-таки немножко надеялась, что продолжение следует, и крепилась: сидела смирно и молчала.

— Когда мы были маленькими,— заговорил Деликатес менее патетическим тоном (хотя время от времени возвращался к прежним стенаниям),— мы ходили в школу в море. Учителем был сущий Змей Морской. В душе — Удав! Между собой его мы называли Питоном.

— А почему же вы его так называли, раз он был Удав, а не Питон?— заинтересовалась Алиса

— Он был питон! Ведь мы — его питонцы! — с не-

годованием ответил Деликатес.— Боюсь, дитя, ты умственно отстала!

— Стыдно, лапочка, не понимать таких простых вещей! — подлил масла в огонь Грифон, и оба чудища молча уставились на бедную Алису, которой хотелось только одного: поскорее еще раз провалиться сквозь землю.

Между прочим, питон и удав — это одно и то же. Алиса это знать не обязана, а вам — не мешает. Слово «питонцы», по-моему, эти чудища выдумали сами, так что нечего было им так уж стыдить Алису!

Наконец Грифон сказал Деликатесу:

— Ну ладно, старик, давай! Поехали! Нельзя же весь день толочь воду в ступе.

И Деликатес продолжал:

— Да, посещали мы морскую школу... хоть, кажется, ты этому не веришь...

— Я не говорила «не верю!» — перебила Алиса.

— А вот и сказала! — сказал Деликатес.

— Помолчала бы лучше, барышня, — добавил Грифон, прежде чем Алиса успела сказать, что нехорошо придирается к словам.

— Уж у нас школа была — первый сорт! — продолжал Деликатес.— Ты, может, и этому не поверишь, но даю честное слово: у нас занятия были каждый день!

— Я, если хотите знать, тоже ходила в школу каждый день, — сказала Алиса.— Что тут особенного? Нечего так уж хвалиться!

Деликатес встревожился.

— Каждый день? — повторял он в раздумье.— Да-а, интересно, на каком же уровне твоя школа?

— Простите, я не понимаю, — сказала Алиса, — что значит на каком уровне?

— На каком уровне она стоит! — пояснил Деликатес.— Ну от поверхности моря, поняла?

— Там моря нет, — сообщила Алиса.— Она стоит в городе. Но я думаю, все-таки выше моря, конечно, над водой.

— Выше? *Над* водой? — переспросил Деликатес.— Ты серьезно?

Алиса молча кивнула.

— Ну, тогда это не серьезно! — с облегчением сказал Деликатес. — Какое же тогда может быть сравнение с нашей школой? Это... это верхоглядство, а не образование, вот что это такое.

Грифон фыркнул.

— Да уж, воображаю, какие вы там получаете поверхностные знания! — сказал он. — У нас мальков — и тех учат гораздо глубже! А уж кто хочет по-настоящему углубиться в науку, тот должен добраться до самого дна! Вот это и называется Законченное Низшее Образование! Но, конечно, — покачал он головой, — это не каждому дано!..

— Мне вот так и не удалось по-настоящему углубиться! Не хватило меня на это, — сказал Деликатес со вздохом. — Так я и остался при Высшем Образовании...

— А что же вы учили? — спросила Алиса.

Деликатес неожиданно оживился.

— Кучу всяких наук! — начал он. — Ну, первым делом, конечно, учились Чихать и Пихать. Потом арифметика, вся насквозь: Почитание, Уважение, Давление и Искажение.

— Почитание — понимаю. Уважение — понимаю. Давление — понимаю, а вот «Искажение»? Что это такое? — сказала Алиса.

Грифон с деланным удивлением всплеснул лапами.

— Не знаешь «Искажения»? И чему вас там только учат! — ужаснулся он. — Ну, хоть такое простое слово «реставрировать» слыхала?

— Ну как же, — не слишком уверенно начала Алиса. — Это... это... по-моему, это — делать, как было раньше.

— Вот именно. А уж если ты после этого не понимаешь, что такое «Искажение», — значит, ты девица-тупица! — победоносно объявил Грифон, после чего Алисе совершенно расхотелось задавать вопросы на эту тему.

Она вновь переключилась на Деликатеса.

— А какие у вас еще были предметы? — спросила она.

— Ну, конечно, Истерия, — отвечал Деликатес, загибая лучи на своих плавниках. — Истерия, древняя

и новейшая, с Биографией. Потом... раз в неделю приходила старая Мурена. Считалось, что она нас учит Рисковать Угрём и прочей муре — ну, там Лживопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею...

— Как-как?— спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как,— сказал Деликатес,— старею, суставы не гнутся. А Грифон этого не проходил, кажется.

— Времени не хватило,— сказал Грифон.— Я увлекался Литературой, изучал классиков. Помнишь нашего словесника? Порядочный был Жук, ничего не скажешь!

— Ну как же! Я его не слушал, и то он мне все уши прожужжал! — со вздохом сказал Деликатес.— Древний Грим, Древняя Грация, эта — Или Ада, Или Рая, или как ее там звали... Смех — и Грехческий язык, Нимфология и так далее... Все — от Арфы до Онеги!

— Да, было время, было время! — в свою очередь, вздыхая, подтвердил Грифон, и оба чудища умолкли и закрыли лица лапами.

Судя по названиям всех этих наук, не только Грифону, но и Деликатесу все-таки удалось довольно основательно углупиться. Наверное, поэтому они и закрыли лица лапами: им стало стыдно.

— А сколько у вас в день было уроков?— спросила Алиса; ей хотелось поскорее отвлечь собеседников от печальных мыслей.

— Как обычно: в первый день десять уроков,— сказал Деликатес,— на следующий — девять, потом восемь и так далее.

— Какое смешное расписание! — воскликнула Алиса, быть может не без зависти.

— А с нашими учителями иначе не получалось,— сказал Грифон.— Текущий состав: каждый день кто-нибудь пропадал. Поэтому их и называют пропадаватели, кстати.

Алиса слушала его краем уха: ее весьма заинтересовала сама мысль о том, чтобы каждый день заниматься на час меньше.

— Так, выходит, на одиннадцатый день у вас уже были каникулы?— спросила она, закончив подсчеты.

— Само собой! — ответил Деликатес.

— А как же потом?— с еще большим интересом спросила Алиса.

— Вот что: хватит уже про науки! — решительно прервал Грифон.— Ты расскажи ей, старик, как мы в наше время веселились.

Глава десятая, в которой танцуют Раковую Кадриль

Деликатес глубоко вздохнул и смахнул плавником слезу.

Обернувшись к Алисе, он попытался заговорить, но голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две.

— Похоже, что ему кость не в то горло попала,— деловито предположил Грифон и принялся трясти своего друга и похлопывать его по спине.

Наконец Деликатес кое-как справился с собой и, хотя слезы по-прежнему струились по его щекам, заговорил:

— Быть может, вы никогда не живали подолгу на морской глубине...

— Не жила,— вставила Алиса.

— ...и, быть может, вы никогда не встречались с Морскими Раками — например, с Омарами...

Алиса было начала:

— Я один раз попробо...— но тут же осеклась и поправилась: — Нет, никогда!

— ...так что вы и представить себе не можете всю прелесть Раковой Кадрили.

— Даже не слыхала! — сказала Алиса. — А что же это за танец?

— Слушай меня! — сказал Грифон. — Сначала вы выстраиваетесь в линию на пляже, у самого прибоя...

— Да что ты говоришь, любезный друг! — перебил Деликатес. — В две линии! — всхлипнул он. — Ведь там черепахи, лососи, тюлени и мало ли кто еще? Потом, предварительно расчистив в море приличную площадку от медуз...

— Это обычно отнимает порядочно времени, — вставил Грифон.

— ...делаете два шага вперед — авансе! — продолжал Деликатес.

— За кавалеров у всех Морские Раки, чаще всего Омары! — крикнул Грифон.

— Это само собой понятно! — перехватил Деликатес. — Под руку с Омаром два шага вперед — поворот к визави.

— Смена кав... Омаров — и два шага назад в прежнюю позицию! — не уступал Грифон.

— Ну, а затем, — опять начал Деликатес, — вы бросаете...

— ...Омара! — завопил Грифон, изо всех сил подпрыгнув.

— ...в море! Главное, как можно дальше! — пискнул Деликатес.

— Сами кидаетесь за ним вплавь! — крикнул Грифон.

— Делаете в воде сальто-мортале! — еще громче крикнул Деликатес и сам прошелся колесом.

«Авансе» — это значит «вперед»; «визави» — это та пара в танце, которая напротив вас. Не знаю, зачем Деликатес употребляет иностранные слова. Правда, это танцевальные термины.

И вообще оба они — Грифон и Деликатес — ведут себя неприлично. Разве можно так перебивать друг друга?

— Опять меняетесь партнё... Омарами! — во всю мочь завопил Грифон.

— Возвращаетесь на берег, и на этом первая фигура кончается,— неожиданно упавшим голосом закончил Деликатес.

И оба чудака, которые только что прыгали и вопили как безумные, уселись и затихли, печально глядя на Алису.

— Наверно, это очень хорошенький танец,— нерешительно сказала Алиса.

— Тебе хочется самой на него посмотреть, да? — с надеждой в голосе спросил Деликатес.

— Конечно,— вежливо сказала Алиса,— очень хочется.

— Ну что, любезный друг, покажем ей первую фигуру? — сказал Деликатес Грифону.— Обойдемся и без Омаров, правда? Только вот кто подпоет?

— Пой уж ты,— сказал Грифон.— Я слов не помню.

И два старых друга с важным и торжественным видом пустились в пляс вокруг Алисы, поминутно наступая ей на ноги и размахивая передними конечностями в такт мелодии, которую медленно и грустно пел Рыбный Деликатес:

Барабанит в дверь Сардинка:

— Эй, Улитка, выходи!

Мы с тобой и так отстали —

Даже Раки впереди!

Долго ждать тебя не буду —

Слышишь, мой Конек заржал?

Он мне хвост еще отдавит —

Так спешит на бал!

Ты-то что же? Ты же тоже

Побежишь на бал!

Ты же тоже, ты же тоже

Побежишь на бал!

Конек — это, конечно, морской конек, очень забавная и милая рыбка. Умеют ли морские коньки ржать — это науке еще не известно. Скорее всего, умеют.

— Ты представь себе, Улитка,
Как шумит-звонит прибой,
Как тебя Морские Раки

Увлекают за собой!
Но Улитка отвечала:
— Слишком уж далекий путь!
Нет, спасибо! Я не выйду!
Я уж как-нибудь!
Вот уж нет уж! Вот уж нет уж!
Я уж как-нибудь!
Что значит «слишком далеко»,
О чем тут рассуждать?
Где далеко от Лондона —
Париж рукой подать!
Уплыл от этих берегов —
Глядишь, к другим попал!
Словом, хватит ныть, Улитка,
И пошли на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

— Спасибо, очень приятно было посмотреть на ваш интересный танец,— сказала Алиса (по правде говоря, ей всего приятнее было то, что танец наконец кончился).— А как мне понравилась эта забавная песенка про сардинок!

— Да, кстати о сардинках,— сказал Деликатес,— они... ты их видала, конечно?

— Да, на тарелке...— начала было Алиса, запнулась и поправилась: — В банке!

— В банке? Странно,— удивился Деликатес,— в мое время у них, помнится, не водилось лишних денег! Хотя все может быть, много воды утекло... Но если ты их, как говоришь, часто видала, то ты, конечно, знаешь, как они выглядят?

Деликатес опять все путает! При чем тут деньги, если сардинки лежат в банке,— Алиса совершенно правильно рассказывает!

— Ну да,— Алиса теперь взвешивала каждое свое слово,— они все в масле... И все почему-то безголовые.

— Боюсь, дитя, насчет масла ты что-то путаешь,— сказал Деликатес.— Сардинки народ чистоплотный, по-

том море, сама понимаешь, какое уж тут масло... Но вот что они безголовые — это факт, а причина в том...— И тут Деликатес неожиданно зевнул и закрыл глаза.— Расскажи ей, любезный друг, про причину и тому подобное,— сказал он Грифону.

— Причина в том,— сказал Грифон,— что они уж больно любят танцевать с Морскими Раками. Ну, Раки и увлекают их в море. Ну, они и увлекаются. Ну, раз

увлекаются, значит, теряют голову. Ну, а потом не могут ее найти! Вот тебе и все.

— Спасибо,— сказала Алиса,— мне было очень интересно. Я никогда не слыхала так много про сардинок.

— Если тебя так интересуют сардинки, я могу еще много о них порассказать,— сказал Грифон.— Ты, например, знаешь, почему они называются «сардинки»?

— Никогда об этом не задумывалась,— сказала Алиса.— А почему?

— Очень музыкальны, вот почему,— сказал Грифон весьма серьезно.

Алиса ничего не понимала.

— Музыкальны? — повторила она в изумлении.

— Ну да! — сказал Грифон. — Тебе когда-нибудь приходилось играть на скрипке в комнате, где люди спят?

— Никогда! — уверенно сказала Алиса. — Меня учат играть только на пианино, к счас... к сожалению, — добавила она.

— И все-таки запомни, чтобы не дать маху: в таких случаях играют всегда под сардинку.

— А не под сурдинку? — спросила Алиса. — Кажется, я слышала такое слово.

— Не знаю, что ты там слышала, но у нас играют под сардинку! — внушительно произнес Грифон. — А ты знаешь, чем скрипачи натирают смычки?

— Кани... телью, кажется, — сказала Алиса без особой уверенности.

Ну, тут уж путает сама Алиса, — смычки натирают канифолью, а не канителью, за это я ручаюсь!

— Может быть, у вас и так... а у нас безо всякой канители смычки мажут просто медом, — заявил Грифон. — Поэтому скрипки и поют так сладко!

— Откуда же вы в море берете мед? — удивилась Алиса.

— А на что у нас, по-твоему, медузы? — с раздражением сказал Грифон. — Странные вопросы ты задаешь! Действительно, любой малек больше тебя знает!

— Нет, вот если бы я была сардинкой, — сказала Алиса, решив вернуться к прежней, менее рискованной теме, — я бы ни за что не позволила Морскому Коньку наступать мне на хвост. Я бы его прогнала — и все!

— Да что ты говоришь, девочка, — неожиданно вмешался Деликатес. — Ни одна рыба добровольно не расстанется с коньком!

— Почему это? — очень удивленно спросила Алиса.

— Потому! — сказал Деликатес. — Потому что никто не может обойтись без своего любимого конька!

— Правда? — по-прежнему не понимала Алиса.

— Конечно! Ведь без него будет очень скучно жить на свете! — сказал Деликатес. — У тебя есть свой конек?

— Нет, но у меня есть кошка, — сказала Алиса. — Ее зовут...

— Прекрасно! — обрадовался Грифон.— Давно пора тебе рассказать нам о себе и о своих приключениях! А то мы тебе, можно сказать, выложили всю подноготную, а ты от нас все скрываешь!

— Я с удовольствием расскажу вам о себе,— начала Алиса робко,— но только про то, что было сегодня. А про то, что было раньше, и рассказывать не стоит — я тогда была еще не такая!

— Что ты хочешь этим сказать? Объясни! — потребовал Деликатес.

— Нет, нет, не надо! — прервал его Грифон испуганно.— Давай сначала приключения! А то объяснениям конца не будет, я уж это знаю, ученый, слава богу!

И вот Алиса принялась рассказывать обо всем, что с ней приключилось с тех пор, как она впервые увидела Белого Кролика.

Сначала она чуточку робела — уж очень близко к ней подсели оба чудища и уж очень широко они разинули глаза, а главное, рты; но постепенно она увлеклась своим рассказом и совершенно перестала бояться.

Слушали они ее, надо отдать им справедливость, затаив дыхание, и только когда она добралась до того места, где читала Синему Червяку «Вечер был, сверкали звезды» и перепутала все стихи, Деликатес шумно вздохнул и сказал:

— Да, это очень странно!

— Очень близко к дальше ехать некуда! — сказал и Грифон.

— Все стихи шиворот-навыворот! — задумчиво произнес Деликатес.— Любопытно было бы послушать еще что-нибудь в этом роде. Вели ей прочесть, любезный друг! — обратился он к Грифону, словно был уверен, что тот имеет полное право приказывать Алисе.

— Вот что: встань и продекламируй: «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят?» — распорядился Грифон.

«Ой, они меня прямо затыркали! — подумала Алиса.— Каждый распоряжается, каждый вызывает отвечать уроки! Хуже, чем в школе! Честное слово!»

Тем не менее она послушно встала и начала читать.

Вот только в голове у нее все еще звучала Раковая Кадриль, и потому образовалась такая каша из Раков, Улиток и прочего, что бедняжка сама плохо понимала,

что говорит, и стихи получились опять ни на что не похожие:

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —
Говорил Вареный Рак.—
Что бы там ни говорили,
Поступайте только так!
Утверждаю это смело:
Если хочешь долго жить,
Должен ты любое дело
Первым делом отложить!

Черепях (да и Улиток)
Я прошу иметь в виду —
Тот из нас, кто слишком прыток,
Первым попадет в беду!
Где дурак устроит гонку,
Там разумный наш собрат
Или отойдет в сторонку,
Или пятится назад!

Вот и я — засуетился
И попал в рыбацью сеть...
Суетился, кипятился —
И приходится краснеть.
Потому что в этой спешке
Я сварился кое-как...
Подделом терплю насмешки! —
Говорил Вареный Рак.

«Завтра, завтра, не сегодня!»
Хорошо сказал поэт!
Лишь бы вы не забывали
Этот правильный совет!
Может, спорить кто посмеет?
Только где уж вам, мальки!
Кто из вас, как я, сумеет
Носом вывернуть носки?!

— Да-а, это совсем не похоже на то, что я учил, когда я был дитятею! — сказал Грифон.

— Я лично вообще впервые слышу подобную чушь, — сказал Деликатес. — Тут у меня нет никаких сомнений!

Алиса молчала: она села, закрыла лицо руками и в

отчаянии думала: неужели никогда не вернется нормальная жизнь?..

— Весьма желательно, чтобы она нам все это объяснила и растолковала! — сказал Рыбный Деликатес.

— Да что ты, что ты! Она не сумеет! — опять всполошился Грифон. — Пусть лучше еще что-нибудь прочитает!

— Нет, любезный друг, пусть объяснит хотя бы про нос и про носки! — не уступал Деликатес. — Откуда у Рака взялся нос? И тем более носки! И как в таких условиях он может носом вывернуть носки?

— Да это не те носки, — беспомощно пролепетала Алиса. Объяснять было ей довольно трудно, потому что она сама абсолютно ничего не понимала. — Это, наверно, — как когда танцуют, выворачивают носки по первой позиции!

Бедняжка была в полной растерянности.

Грифон, видимо, сжалился над ней.

— Ладно, возьмем что-нибудь попроще, — великодушно предложил он. — Ну хоть про Козлика сможешь прочесть?

Алиса, хотя и не сомневалась, что опять ничего хорошего не выйдет, не посмела отказаться и дрожащим голосом начала:

Математик и Козлик

Делили пирог.

Козлик скромно сказал:

— Раздели его вдоль!

— Тривиально! — сказал Математик. —

Позволь,

Я уж лучше

Его разделю поперек! —

Первым он ухватил

Первый кус пирога.

Но не плачьте,

Был тут же наказан порок:

«Пи» досталось ему

(А какой в этом прок?!),

А Козленку...

Козленку достались

Рога!

— Слушай, дитя, какой смысл произносить всю эту чепуху,— проворчал Рыбный Деликатес,— если ты даже ничего не можешь толком объяснить? Это что-то неслыханное!

— Да, тяжелый случай,— поддержал друга Грифон.— Лучше прекратим!

И Алиса, надо сказать, очень обрадовалась.

— Не пройти ли нам вторую фигуру Раковой Кадрили? — предложил Грифон.— Или ты, может быть, предпочитаешь, чтобы Деликатес спел тебе еще песенку?

— Да, песенку, конечно, песенку! Дяденька Деликатес, будьте так добры! — закричала Алиса с таким энтузиазмом, что Грифон даже немного обиделся.

— Гм! Ну что ж, как угодно,— проворчал он.— О вкусах не спорят! Спой ей «РЫБАЦКУЮ УХУ», старик!

Рыбный Деликатес испустил тяжелый вздох и голосом, прерывающимся от рыданий, запел:

Чудо-Уха! Что сравнится с ней!
Что ароматней, вкусней, сытней?
Люди простят вам любые грехи
Ради тарелки рыбацкой ухи —
Деликатесной ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

Деликате-е-есной

Дивной рыбацкой

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

Мясо и дичь — все чепуха!
Радует душу только Уха!
Кто не отдаст все на свете за две л-
Ожки ухи, тот, конечно, не ел
Дивной рыбацкой ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

Деликате-е-есной

Дивной рыбацкой

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

— Припев два раза! — крикнул Грифон, и Деликатес начал было повторять припев, как вдруг издали донесся крик:

— Суд идет!

— Бежим! — завопил Грифон и, схватив Алису за руку, помчался со всех ног, не дожидаясь окончания песни.

— Какой суд? — спросила Алиса, задыхаясь от бега.

Но Грифон только повторил: «Бежим!» — помчался еще быстрее, и лишь легкий морской ветерок приносил к ним замиравшие в отдалении душераздирающие слова:

Ах! Ох! Ух! И! И! И!

Ах! Ох! Ухи!

Глава одиннадцатая, в которой выясняется, кто стащил пирожки

Когда Алиса с Грифоном прибежали, Король и Королева уже сидели на троне, а кругом собралась огромная толпа: пичужки, зверюшки всех видов и пород, не говоря уже о картах всех мастей. Перед судейским тронном стоял в цепях под охраной двух солдат — один справа, другой слева — Червонный Валет.

По правую руку от Короля находился Белый Кролик, с трубой в одной лапке и пергаментным свитком в другой.

А в самом центре судебного зала стоял стол, а на нем красовалось большое блюдо с пирожками, и вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюн-

ки потекли. «Хорошо бы, суд уже кончился и позвали к столу!» — подумала она.

Но так как, судя по всему, до этого было еще очень далеко, она, чтобы скоротать время, стала рассматривать все окружающее.

Хотя Алиса раньше никогда не бывала в суде, она читала про суд в книжках, и ей было очень приятно отметить, что она знает, как тут все — или почти все — называется.

«Вот это судья, — сказала она про себя. — Кто в большом парике, тот и судья».

Между прочим, в Англии судьи и до сих пор носят парики, хотя лягушки, караси и лякеи уже давно их не носят (а может быть, и никогда не носили). Спрóсите, зачем носят? По-моему, для важности.

Судьей, кстати, был сам Король, и, так как на парик ему пришлось надеть корону, он очень стеснялся — такой наряд был ему явно не к лицу.

«А вот эти двенадцать тварюшек (она не могла найти другого слова — ведь там были и птички и зверьки) — это, наверное, пристяжные... нет, присяжные!»

Алиса не без гордости раза два-три повторила это слово. «Вряд ли много найдется девочек в моем возрасте, а то и старше, — подумала она, — которые слышали такое слово и знают, что оно значит».

Пожалуй, она была права, хотя слово «заседатели» было бы ничуть не хуже.

Если вы не будете путать присяжных (заседателей) и пристяжных (лошадей), у вас будет не меньше оснований гордиться собой, чем у Алисы. Даже больше: ведь сейчас гораздо реже, чем сто лет назад, встречаются и те и другие.

Присяжные сидели на большой скамье, стоявшей на возвышении («Это скамья присяжных», — подумала Алиса). У всех у них были грифельные доски, и все они что-то деловито записывали.

— Что это они? — шепнула Алиса Грифону. — Записывать-то нечего, суд еще не начался!

— Они записывают свои имена,— тоже шепотом ответил Грифон,— боятся забыть, как их зовут, пока процесс кончится.

— Вот дураки-то! — начала было Алиса громко выражать свое возмущение, но тут же осеклась — Белый Кролик закричал:

— Соблюдать тишину в зале заседания!

А Король надел очки и обвел зал настроженным взглядом, разыскивая нарушителя тишины.

Присяжные (Алиса прекрасно это видела) принялись записывать на своих досках: «Вот дураки-то»; она даже заметила, что один из них не знал, как пишется слово «дураки», и попросил соседа подсказать.

«Да уж они там понапишут,— подумала Алиса,— могу себе представить!»

На беду, у кого-то из присяжных грифель все время отчаянно скрипел. Алиса, понятно, не могла этого вынести; она незаметно подобралась к присяжному сзади и, улучив момент, выхватила у него грифель. Прodelала она это так ловко и быстро, что бедняга присяжный (это был как раз Тритон Билль) даже не понял, что произошло. Он долго искал свой грифель, но так и не нашел и в конце концов решил писать просто пальцем. Правда, пользы от этого было не особенно много, так как палец не оставлял на доске никаких следов.

— Глашатай! Огласи обвинительное заключение! — произнес Король.

Белый Кролик выступил вперед, трижды протрубил в свою трубу, развернул пергаментный свиток и торжественно начал читать:

Эне, бене, рес —
Квинтер, финтер, жес!
Эне, бене, раба —
Квинтер, финтер, жаба!
Все пришли к Червонной Даме
Выпить чаю с пирожками.
Пирожков у дамы нет:
Пирожки стащил Валет!

— Удаляйтесь на совещание! — приказал Король присяжным.

— Что вы, рано, рано! — поспешно вмешался Кролик. — У нас еще целая куча работы!

— Ну что ж, куча так куча, — уныло сказал Король. — Вызвать первого свидетеля!

Белый Кролик вновь трижды протрубил в трубу и провозгласил:

— Вызывается первый свидетель!

Первый свидетель оказался Шляпой. Он явился с чашкой чаю в одной руке и бутербродом в другой.

— Прошу прощения, ваше величество, что я все это прихватил с собой, — сказал он, — но, когда за мной пришли, я еще не кончил пить чай-с.

— Надо было кончить! — сказал Король. — Ты когда начал?

Шляпа оглянулся на Очумелого Зайца (тот, под руку с Соней, тоже притащился за ним в суд).

— Кажется, четырнадцатого марта-с. Вроде так-с, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Заяц.

— Шестнадцатого, — сказала Соня.

— Запишите это, — повелел Король присяжным, и они старательно записали все три даты на своих досках, потом сложили все числа, а сумму разделили между собой.

Тут Король спохватился.

— Снимите свою шляпу, — приказал он Шляпе.

— Она не моя-с! — ответил Шляпа.

— Краденая! — закричал Король, повернувшись к присяжным, которые немедленно принялись записывать и это.

— Я их ношу на продажу-с, — объяснил Шляпа. — А сам я их не ношу-с! Я шляпный мастер!

Тут Королева надела очки и пристально посмотрела на Шляпу, который под ее взглядом побледнел и стал корчиться, как жук на булавке.

— Свидетель, давайте показания, — сказал Король, — и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте.

Но кажется, слова Короля не очень помогли бедному Шляпе справиться с волнением: он продолжал переминаться с ноги на ногу, опасливо поглядывая на Королеву, и с перепугу откусил даже порядочный кусок чашки вместо бутерброда.

Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что с ней

происходит что-то странное. Сперва она никак не могла понять, в чем дело, но в конце концов догадалась: она опять начала расти! Она было хотела встать и уйти из зала, но потом передумала и решила остаться, пока сможет тут помещаться.

— Перестань меня давить! — сказала ей Соня (они сидели рядом). — Мне уже дышать нечем.

— Не могу перестать! — виновато сказала Алиса. — Я расту!

— Не имеешь права тут расти! — сказала Соня.

— Что за глупости, — сказала Алиса уже не так виновато. — Ты ведь тоже растешь!

— Мало ли что! Я расту, как все, прилично, — сказала Соня. — А ты безобразничаешь!

Она встала с очень обиженным видом и ушла в самый дальний конец зала.

Королева все это время не сводила сурового взгляда со Шляпы, и как раз, когда Соня пересаживалась, она сказала кому-то из судейских чинов:

— Принесите-ка мне программу последнего концерта!

При этих словах злосчастный Шляпа так затрясся, что ботинки сами собой слетели у него с ног.

— Свидетель, давайте показания! — повторил Король гневно.— Иначе я велю вас казнить, можете не волноваться!

— Я человек маленький, ваше величество,— начал Шляпа. Голос его дрожал и прерывался.— И не успел я сесть попить чайку, а масло — оно кусается, да и хлеб тоже, опять же крокодильчики, качая...

— Что качая? — с изумлением спросил Король.

— Начинается с чая,— сказал Шляпа.— Опять же...

— «Качая» кончается на «чая», а не начинается! — возмутился Король.— Вы меня за дурака принимаете? Продолжайте!

— Я человек маленький,— продолжал Шляпа,— и потом все стало качаться, а Очумелый Заяц и говорит-с...

— Не было этого! — немедленно перебил Заяц.

— Было-с,— сказал Шляпа.

— Отказываюсь! — сказал Заяц.

— Он отказывается от своих слов,— сказал Король.— Оставь его в покое и иди дальше.

— Ну, во всяком случае, Соня и говорит-с...— тут Шляпа тревожно оглянулся на Соню: не будет ли она отказываться от своих слов, но Соня ни от чего не отказывалась,— она спала как убитая.

— Дальше? Дальше,— продолжал Шляпа,— намазал я себе бутерброд-с...

— А что же Соня сказала? — спросил кто-то из присяжных.

— Того не упомяну-с! — сказал Шляпа.

— Обязаны упоминать,— заметил Король,— иначе будете казнены!

Бедняга свидетель выронил чашку, бутерброд и сам упал — упал на колени.

— Я человек маленький, ваше величество-с,— опять начал он.

— Сам вижу, что не великий... не великий мастер говорить! — сказал Король.

Тут какая-то Морская Свинка заплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами. (Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой брезентовый мешок. Они сунули туда Свинку вниз головой, на веревке опустили

мешок за окно, немного подергали веревку, и Морская Свинка весело выскочила во двор.)

«Очень хорошо, что я увидела, как это делается,— подумала Алиса,— а то в газетах часто пишут: «выдворили из пределов», а я до сих пор не понимала, что это значит!»

— Свидетель,— строго сказал Король,— если вы на этом закончили показания, можете сесть!

— Спасибо, мы стоим,— сказал Шляпа.— За что же это меня сажать? Я не виноват-с.

— Не хотите сидеть, можете прилечь! — сказал Король.

Тут вторая Морская Свинка заплодировала и тоже была выдворена. «Ура, больше ни одной не осталось! Без Морских Свинок дело пойдет веселей!» — подумала Алиса.

— Я бы лучше пошел попил чайку-с,— сказал Шляпа, с опаской глядя на Королеву, все еще читавшую программу концерта.

— Можете идти,— сказал Король, и Шляпа кинулся прочь со всех ног, забыв даже надеть свои ботинки.

— А попутно отрубить ему голову! — распорядилась Королева, но Шляпы уже и след простыл, так что выполнить приказание было затруднительно.

— Вызвать следующего свидетеля! — сказал Король.

Следующий свидетель оказался свидетельницей — это была повариха Герцогини. Она не выпускала из рук огромной перечницы, и об ее приближении Алиса догадалась задолго до того, как Повариха вошла в зал,— так дружно принялись чихать все, кто сидел у входа.

— Давайте показания,— сказал Король.

— Не-а! — сказала Повариха.

Король растерянно поглядел на белого Кролика, и тот, понизив голос, сказал:

— Надо подвергнуть ее допросу с пристрастием, ваше величество.

— Ну что ж, надо так надо,— сказал Король без особого энтузиазма. Он скрестил руки на груди, так страшно нахмурился, что глаза его превратились в черточки, и сказал СТРАШНЫМ ЗАГРОБНЫМ ГОЛОСОМ:

— Из чего делают пирожки?

— Все больше из перца,— сказала Повариха.

— Из мар-ма-ла-да,— произнес чей-то сонный голос.

— На цепь эту Соню! Придушить эту Соню!! Отрубить Соне голову! Выдворить Соню! Ущипнуть ее! Оторвать ей хвост! — завершала Королева.

Несколько минут в судебном зале царила ужасная суматоха — все пытались поймать и выдворить Соню. А когда кутерьма кончилась, Повариха уже исчезла.

— И слава богу,— сказал Король, вздохнув с большим облегчением. Он вполголоса добавил, обернувшись к Королеве: — Я тебя очень прошу, дорогая, следующего свидетеля допрашивай с пристрастием ты! У меня вся кожа на лице заболела!

Алиса с любопытством следила, как Белый Кролик копается в своих бумажках,— ей было очень интересно, кого же еще могут вызвать свидетелем. «Пока что у них никаких улик нет»,— думала она.

Представьте же себе, как она удивилась, когда Белый Кролик во весь свой пискливый голосишко возгласил:

— Алиса!

Глава двенадцатая, в которой Алиса свидетельствует

— Я-а! — крикнула Алиса и вскочила с места.

Второпях она совершенно забыла, как сильно за последнее время выросла, и, вскакивая, зацепила краем юбки скамью присяжных. Скамейка опрокинулась, и все присяжные полетели вверх тормашками на головы публики. Они беспомощно бились на полу, и Алиса вдруг

живо вспомнила, как бились на полу золотые рыбки из аквариума, который она нечаянно опрокинула несколько дней назад.

— Ох, простите, пожалуйста! — с искренним огорчением крикнула она, поспешно усаживая присяжных на места. Алиса безумно торопилась, так как случай с золотыми рыбками не шел у нее из головы и ей почему-то казалось, что если присяжных не посадить на место как можно скорее, то они тоже могут погибнуть.

— Судоговорение не может продолжаться, — сказал Король строго, — пока все присяжные не будут, как подобает, водворены на место. ВСЕ! — повторил он, сурово глядя на Алису.

Алиса оглянулась на скамью присяжных и обнаружила, что впопыхах она так и сунула Тритона Билля на скамью вверх тормашками, и бедняга, не в силах перевернуться, только меланхолически помахивал хвостиком. Она поскорее схватила его и посадила как следует, хотя и подумала про себя:

«Какое это имеет значение? По-моему, что так, что так — пользы тут от него столько же!»

И действительно, когда все присяжные пришли в себя и, получив обратно свои письменные принадлежности, принялись деловито писать отчет о недавнем происшествии, бедняга Билль продолжал сидеть без движения, разинув рот и глядя в потолок.

— Что вам известно, свидетельница, по данному делу? — обратился Король к Алисе.

— Ничего, — сказала Алиса.

— И ничего больше? — спросил Король.

— И больше ничего, — ответила Алиса.

— Это чрезвычайно важно! — сказал Король, глядя на присяжных.

Они было уже принялись записывать эти слова на своих досках, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше величество желали, несомненно, сказать НЕважно, — произнес он весьма почтительно, хотя грозно нахмурился и сделал Королю страшную гримасу.

— Да, да, я хотел сказать НЕважно, — торопливо поправился Король. — НЕважно. Важно, неважно, важно, неважно... — забормотал он вполголоса, словно проверяя, какое слово лучше звучит.

В результате одни присяжные записали «Важно»,

другие — «Неважно». Алиса прекрасно это видела. «А в общем, тут все неважно!» — подумала она.

В эту минуту Король, который что-то поспешно писал в своей памятной книге, крикнул:

— Тишина! «Закон номер Сорок Два! — громко прочел он. — Всем лицам ростом больше версты надлежит покинуть зал суда».

И все присутствующие уставились на Алису.

— Я меньше версты! — сказала Алиса.

— Нет, больше! — сказал Король.

— Не меньше двух верст! — вставила Королева.

— Все равно не уйду! — сказала Алиса. — И вообще это не настоящий закон! Вы его сейчас выдумали!

— Это самый старый закон в книге! — сказал Король.

— Тогда он должен быть Номер Первый! — сказала Алиса.

Король побледнел и торопливо захлопнул книгу.

— Удаляйтесь на совещание! — еле-еле смог он выговорить, с испугом глядя на присяжных.

— Ваше величество! — крикнул Белый Кролик, поспешно вскочив с места. — Обнаружены новые доказательства! Только что найдена вот эта бумага.

— И что в ней есть? — спросила Королева.

— Я ее еще не разворачивал, — сказал Белый Кролик, — но есть... есть предположение, что это письмо от обвиняемого к... к... к кому-то!

— Раз письмо — значит, к кому-то, — сказал Король, — писать никому пока не в обычае!

— А кому оно адресовано? — заинтересовался кто-то из присяжных.

— Никому, — сказал Кролик. — Я хочу сказать, снаружи ничего не написано, — торопливо поправился он, развернул бумажку и добавил: — Ну конечно! Это даже и не письмо — это просто стишки!

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— В том-то и дело, что нет, — сказал Белый Кролик, — и это особенно подозрительно!

Присяжные растерянно захлопали глазами.

— Выходит, он подделал чей-то почерк? — сказал Король.

Присяжные успокоились и просветлели.

— Ваше величество! — неожиданно заговорил Ва-

лет.— Я этого не писал, и никто не докажет, что я это писал: там нет никакой подписи.

— Тем хуже для вас, если подписи нет,— сказал Король.— Не будь у вас на уме злодейства, вы бы подписались, как честный человек!

И тут все захлопали, и не зря: действительно, это были первые умные слова, какие Король произнес за весь день.

— Итак, вина его доказана,— начала Королева,— и пора уже отру...

— Ничего тут не доказано! — перебила Алиса.— Да вы что? Вы даже не знаете, про что эти стихи!

— Огласи их,— сказал Король.

Белый Кролик напялил на нос очки.

— С чего начинать, ваше величество? — спросил он.

— Начни с начала,— торжественно произнес Король,— и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись!

В судебном зале воцарилась мертвая тишина, и Белый Кролик прочитал вслух следующие строки:

Ни он, ни я, ни мы, ни вы
Не ведали беды.
Но он поверил ей, увы,
Что я боюсь воды!

Меня пытались не мытьем,
Так катаньем донять.
Они — вдвоем, а мы — втроем,
А дважды два — не пять!

Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!
Она ему — оно!
Хотя они — он знает сам! —
Вернулись к ней давно!

«Ты измываться им не дашь!» —
Он сам так утверждал!
И что ж? Она же входит в раж,
Подняв такой скандал!

И лучшие умы страны
Гадают до сих пор:

Они ли, мы ли, вы ль должны
Смыть кровью свой позор!

Во имя нашей чистоты
Пушай не знает свет:
НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫ — МЫ — ТЫ
ОНИ С НЕЙ
ИЛИ НЕТ?

— Это самое важное доказательство вины подсудимого,— сказал Король, удовлетворенно потирая руки.— Оно перевешивает все остальные улики, так что пусть присяжные удалят...

— Да это же просто чепуха! — крикнула Алиса (она к этому времени настолько выросла, что не побоялась перебить самого Короля).— Я отдам наперсток тому, кто объяснит, про что тут говорится! Тут нет ни на вот столечко смысла!

Присяжные в полном составе записали на своих досках: «Тут нет ни на вот столечко смысла», но никто из них не рискнул попробовать объяснить стихи.

— Ну что ж, если тут нет смысла,— сказал Король,— тогда у нас гора с плеч: нам незачем пытаться его найти! Сэкономим кучу работы! И все же,— продолжал он, расправив бумажку у себя на коленях и мельком взглянув на нее,— мне кажется... мне кажется, что я усматриваю тут некий смысл, что ни говорите... «Поверил ей, увь, что я боюсь воды!» — прочитал он и обернулся к Червонному Валету.— Обвиняемый, вы боитесь воды?

Валет печально кивнул.

— Разве по мне не видно? — сказал он.

(И действительно, это было сразу видно — ведь он был из тонкого картона, как и все карты.)

— Тэк-с, отлично,— сказал Король. Он продолжал бормотать вполголоса строки стихотворения: — Мммм... «Пусть лучшие умы страны...» — это, конечно, присяжные. Мммм... «Она ему — оно...» — ну, это, несомненно, о Королеве... Мммм... «Меня пытались не мытьем, так катаньем донять» — это ясно без слов... Мммм... «Ой ей — ты мне. Мы вам — вы нам!» Тут нет никаких сомнений — вот что случилось с пирожками!

— А дальше, дальше! — закричала Алиса.— Там же сказано: «Они вернулись к ней давно!»

— А как же, вот они! — ликуя, крикнул Король, царственным жестом указав на блюдо с пирожками.— Это поистине ОЧЕВИДНО! Мммм... Дальше: «И что ж? Она же входит в раж...» Вот это странно! Ты разве когда-нибудь входила в раж, душечка? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — бешено крикнула Королева и запустила чернильницей в скамью присяжных.

Чернильница угодила в Билля-Тритона, и несчастный маленький Билль (он давно оставил свои бесплодные попытки писать пальцем на грифельной доске) тут снова судорожно принялся писать, макая палец в чернила, которые потекли по его лицу.

— Ты могла бы сказать еще лучше — НИ РАЖУ! — с улыбкой произнес Король и самодовольно оглядел публику.

Ответом была гробовая тишина.

— Это каламбур! — крикнул Король сердито.— Остроумная шутка!

Тут все захохотали.

— Удаляйтесь на совещание! — сказал Король, вероятно, в двадцатый раз за день.

— Нечего там! — сказала Королева.— Сперва разговор, посовещаются потом!

— Как не стыдно! — во весь голос заявила Алиса.— Стыдно даже болтать такие глупости!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея от ярости.

— Как же! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — завопила Королева во всю глотку.

Никто не пошевелился.

— Да кто вас боится! — сказала Алиса (она уже достигла своего настоящего роста).— Вы просто несчастные карты — и все!

При этих словах вся колода карт взвилась в воздух и полетела ей в лицо; Алиса вскрикнула — полуиспуганно, полусердито,— стала от них отбиваться... и вдруг оказалось, что она лежит на берегу, положив голову сестре на колени, а та осторожно смахивает с ее личика сухие листья, слетевшие с соседнего дерева.

— Просыпайся, дорогая,— сказала сестра.— Что-то ты очень разоспалась.

— Ой, а какой я забавный сон видела! — сказала Алиса.

И она принялась рассказывать сестре все, что сумела запомнить, про свои странные приключения — то есть все то, что вы только что прочитали. А когда она кончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Сон был и правда очень занятный, а сейчас беги пить чай, а то опоздаешь.

Алиса послушно вскочила и побежала домой, но и по дороге она все думала, какой же это был чудесный сон — сон, который, наверное, никогда не забудешь...

твое время, да и ничье-то время», а точнее, сто четыре года тому назад появилась на свет эта книга.

Написал ее Льюис Кэрролл, он же — Чарльз Лутвидж Доджсон, и уже одно это говорит, что он был человек необыкновенный. Кто же еще может похвалиться, что у него есть пять имен сразу?

Поэтому никто бы не удивился, если бы дальше было написано:

«У Кэрролла была длинная зеленая борода и страшные острые зубы. За поясом у него торчал кинжал, а на боку висел пистолет. Глаза у него, уважаемый читатель, были желтые, как у кота, а уши — огромные, как тарелки. Этот известный английский писатель говорил жутким басом и катался верхом на носороге. Больше всего на свете он любил дразнить малышей и издеваться над старушками. В выходные дни он обычно бил стекла соседям, а в будни стрелял из рогатки в кошек. Таков (вкратце) его портрет».

И кое-кто, возможно, поверил бы, что так оно и есть: что поделаешь — необыкновенный писатель.

Но на самом-то деле правды в этой ерунде всего два слова: Льюис Кэрролл действительно английский писатель. А все остальное я выдумал специально для того, чтобы вы поняли, что слова «необыкновенный», «со странностями», «чудаковатый» и даже, если угодно, «экстравагантный», может быть, и имеют какое-то отношение к Кэрроллу, но уж во всяком случае их недостаточно, чтобы все о нем рассказать.

Да и потом, если Кэрролл кажется вам непонятным или странным, то это беда не Кэрролла, а ваша.

Необыкновенны в этой книге не шутки Кэрролла. Необыкновенно то, что он САМ ИХ ПРИДУМАЛ. Причем не нарочно — они получились у него сами собой. И вот это воистину достойно удивления.

Он не вычитал их в книжке, не отыскал в календаре, не услышал от знакомых — они сами пришли ему в голову. А ему оставалось только записать их на бумаге.

Правда, уже до Кэрролла (и задолго до Кэрролла) англичане знали и почитали Шалтая-Болтая, Тилибома и Тарарама, а также Льва и Единорога, которые и по сей день не сходят с британского герба, но после Кэрролла все они приобрели самую настоящую мировую известность.

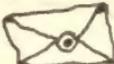
Так что отчасти Шалтай-Болтай прав — он тоже История Родного Края, история Англии и ее народа.

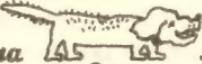
Но «необыкновенный», пожалуй, слишком слабое слово. Кэрролл был невероятный человек, о чем судить можно по одному его письму, которое он послал своей знакомой, совсем маленькой девочке. Вот оно, это письмо. Наверное, ничего похожего никто никогда никому не писал:

До я Ива!

Я, правда, не подарил тебе под на день

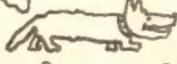
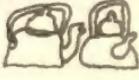
 дня, но вот — пишу тебе деньрожденное

 . Я подошел к твоему и уже хотел

было по ть в , но тут на меня
наскочила . Она приняла меня за ,

загнала на , и там я отдышался.

Я кое-как добрался до , но там я повстречал

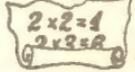
 , которая наобо , приняла меня
за и стала в меня швыряться

и . А авай бежать: выскочил на улицу и

наткнулся на , которая приняла меня за

 . Ну, она и потащила меня в город Мэрроу.

Вот поэтому я и не сумел до тебя добраться. Очень

хорошо, что ты вы зубрила всю . Меня

э давало. Я успел заглянуть на кухню и увидел
праздничный из крошек, и горога

„Ну вот, — подумал я, — теперь она будет
по- тоящему счастлива!!!” и с радостной

пошел своей .

По-моему, каждый был бы рад получить такое письмо. Итак, мы установили: Льюис Кэрролл был невероятный человек. Впрочем, своей удивительной фантазией, неправдоподобной силой воображения он обязан не только себе.

Эта фантазия, свобода мысли, вид свободомыслия были, наверно, развиты в нем еще и благодаря его профессии — труду математика.

Кэрролла можно считать одним из основателей высшего раздела математики — математической логики. И вполне понятно, что как раз основателю науки и требуется возможно большая свобода суждений: ведь перед ним стоит почти неразрешимая задача — придумать новую науку. Это так же трудно, как придумать новую шутку.

И то и другое легко, кажется, почти без труда, давалось Кэрроллу.

Его литературный дар вырос из сравнительно незначительной задачи — развлечь чем-нибудь трех сестер, девочек по фамилии Лидделл, которых он катал на лодке по узкой речке Айсиз.

Его математические труды впрямую связаны с теми шутливыми задачами и парадоксами, которые он придумал, чтобы развлечь себя и своих домашних.

Но даже из этого удивительно счастливого для нас соединения дарований могло бы ничего не получиться, если бы не одно обстоятельство: Кэрролл родился и вырос в Англии, он был воспитан на всем лучшем, что к тому времени создала английская литература — и народная, и профессиональная.

Ему, как вы уже знаете, были отлично известны и

Шалтай-Болтай, и Тилибом, и Тарарам; он прекрасно знал историю трех поросят; он читал Свифта, и важный титул короля Лилипутии — Гольбасто момарен эвлем гердайло шефин молли олли гой — был известен ему не хуже, чем имя царствовавшей в 1871 году английской королевы (ее звали Виктория); он знал и Стерна, и Диккенса — вероятно, самых остроумных из всех английских писателей.

И вот это знание (в которое, на полном серьезе, входит и знание «Трех поросят») того, что написано его предшественниками и современниками, того, что сложено самим английским народом, — это знание и есть та третья сила, которая вызвала к жизни две самые замечательные книги Кэрролла — «Алису в Стране Чудес» и ту, которая сейчас перед вами.

Есть такой город Лимерик. Говорят, когда-то какой-то человек из этого самого города первый придумал смешной, дурацкий стишок из пяти строчек. Эта форма всем англичанам очень понравилась, и все, кому хотелось пошутить, стали писать лимерики (так их называли, эти стихи, в честь города). Писал лимерики и Льюис Кэрролл. Может быть, если привести тут несколько лимериков, станет понятнее, что обычно имеется в виду, когда говорят об «английском юморе» (название не очень честное — любой человек может научиться шутить так же).

Воскликнул один бородач:

«Ну что же мне делать!

Хоть плачь!

Живут, как в гнезде,

В моей бороде

Сорока, ворона и грач».

*

Девушка из города Ницца

Худела — и стала как спица.

И дома, одна,

Боится она

Сквозь щелку в полу провалиться.

*

Жил-был один парень в

Испании,

Любитель животных усиленно
Ватрушками потчевал филина.
Поскольку ватрушки
Вкусней, чем лягушки,
И очень полезны для филина.

*

Страдавший от недосыпания.
Он спал на столе,
На голой земле
И даже во время купания.

*

Поэт сочиняет поэму,
Поэму про страуса эму,
Мечтая о том,
Как выпустит том,
В котором наконец полностью разовьет эту,
достойную такой длинной строчки, блестящую
тему.

Только у одного из этих пяти лимериков есть свой, определенный автор. Все остальные написаны неизвестно кем и неизвестно когда. А теперь представьте себе, что таких лимериков — сотни, что они, можно сказать, носятся в воздухе. Тут уж хочешь не хочешь, а станешь шутить. И если к этому еще добавить невероятность Кэрролла и математический склад его ума, то неувидительно, что...

Нет, вероятно, ни одного поэта на свете, у которого не было бы стихотворения про зеркало. Странно, не правда ли?

Впрочем, не так уж странно. Зеркало — предмет, как будто специально предназначенный для поэзии. Оно словно само подставляет себя так, чтобы его заметили, чтобы о нем написали.

Во-первых, зеркало всегда отражает не все, что мы видим по эту его сторону. Значит, неизвестно, что находится за зеркалом в тех местах, куда мы не можем заглянуть. Может быть, так же как по нашу сторону, там стоит диван или книжный шкаф, а может быть, и нет.

Во-вторых, в зеркале мы не всегда видим то, что есть на самом деле. Например, часы. Зазеркальные часы

вообще идут в другую сторону — против часовой стрелки, в чем вы можете убедиться сами. Наше отражение держит ложку в левой руке и читает книжки, напечатанные совершенно немыслимым образом.

В-третьих, как ни старайся — в зеркале не удастся увидеть себя таким, какой ты есть. В тот момент, когда мы попытаемся украдкой посмотреть на собственное отражение, оно сделает то же самое, и мы так и не узнаем, как мы выглядим, когда, например, читаем книжку или моем руки.

Значит, про то, что существует за зеркалом, мы знаем пока очень-очень мало.

Откуда же все-таки можно узнать, что происходит в тех местах Зазеркалья, которых мы с вами в принципе не можем разглядеть? Нам может помочь в этом только наше воображение. Силой данного нам воображения мы можем населить невидимую часть Зазеркалья кем только нам вздумается, сделать его большим или маленьким, веселым или унылым.

Следовательно, невидимое по эту сторону Зазеркалье — целиком и полностью плод нашей фантазии. И то, как выглядит Зазеркалье, зависит от того, кто о нем думает, кто фантазирует.

В книге Кэрролла — это Зазеркалье девочки Алисы, оно, если угодно, устроено, как сама Алиса, вернее, как очень важная ее часть — фантазия.

Но сама Алиса в этом не очень уверена: все время ее занимает, она ли «автор» Зазеркалья. Или, может быть, все это — сон не слишком симпатичного Черного Короля? Ведь именно это втолковывают Алисе обитатели Зазеркалья.

Самое удивительное, пожалуй, то, что Алисе, как она ни будет стараться, не удастся их переспорить. Ведь любое доказательство, что она существует на самом деле, что она «взаправдашняя», можно вывернуть наизнанку; так и поступают Тилибом и Тарарам — они объявляют, что и сама Алиса, и ее слезы, и то, что она говорит, — всего лишь чужой сон.

Обидно, правда? Но как раз в этом-то «обидно» и скрыт настоящий ответ. «Обидно» — это то, что внутри Алисы; «не хочу быть сном» — тоже внутри Алисы. Это она наверняка чувствует сама. И значит, не снится Черному Королю, а существует на самом деле!

В книге Кэрролла — пусть в виде сказки — утверждается очень важная для всех нас мысль: мысль о свободе, о силе человеческого духа, о том, что человек не снится, он есть на самом деле.

Зазеркальный мир... Мы уже заметили, какой он странный, как он не похож на наш. Часы в нем идут задом наперед, да и других необычностей более чем достаточно.

Кстати, даже научиться передвигаться за зеркалом человеку не просто. Ведь, наученные нашим обычным опытом, мы и за зеркалом будем двигаться по направлению к какому-то предмету — и тем самым удаляться от цели, его отражения.

Оказывается, то, что происходит за зеркалом в сказке Льюиса Кэрролла, очень напоминает то, как представляют себе наш мир физики. Вот, например, Белая Королева, которой, как она говорит, целых сто лет. Она ведь не просто привирает. Если допустить, что в Зазеркалье можно двигаться очень быстро (а вы потом увидите, что так оно и есть), то по одному закону природы окружающим действительно должно казаться, что Белая Королева уже целый век носится по Зазеркалью.

А на самом-то деле она даже немножко моложе Алисы (ей лет семь, не больше).

И вообще все в Зазеркалье удивительно. Вот у нас — иди хоть целый месяц, а назад никак не попадешь (если, конечно, идти все время вперед), а вот за зеркалом все не так: попадешь назад и даже поворачивать не придется.

Но для того чтобы толком в этом разобраться, обязательно нужно очень много знать (и между прочим, хорошо знать математику). Так что с более обстоятельными объяснениями читателям поменьше придется подождать.

Итак, Зазеркалье. А в Зазеркалье, оказывается, шахматная страна. Значит, и про шахматы нужно знать хоть что-нибудь. Но рассказывать о них пришлось бы очень долго, так что попробуем покороче.

Вот перед вами шахматная доска. Фигуры стоят, как положено перед началом игры. Снизу — белые, сверху — черные. Под каждой фигурой подписано, как она называется.

В шахматах имена есть не только у фигур, но и у

клеток. Шахматисты, как моряки, называют каждую клетку (или квадрат) буквой и цифрой. Если вы когда-нибудь играли в морской бой, то сразу поймете, как это делается.

(Последние несколько строк, конечно, относятся к самым маленьким читателям. И пусть те, что постарше, да и взрослые, не обижаются. Ведь нужно, чтобы все, кто будет читать эту книгу, ее поняли.)

Почему же именно шахматы оказались по ту сторону зеркала? Да очень просто. Шахматы ведь и в зеркале остаются точно такими же, им, следовательно, легче, чем нам, селиться в Зазеркалье. Такими же, да не совсем. Вот если мы договоримся, что за зеркалом все черное — белое, а белое — черное, тогда те шахматы будут в точности такими же, как эти. Почему — я объяснять не буду: подумайте и догадайтесь сами.

Ну вот. Перед нами Зазеркалье — страна странных законов, край, где белое — черное, а черное — белое, место, где часы идут задом наперед. Сюда и попадает девочка Алиса, которая уже знакома вам по первой книге Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». И ожидает ее масса удивительных приключений.

А ведь Алиса была самой настоящей девочкой, звали ее Алиса Плезанс Лидделл, и именно для нее Кэрролл сочинил эту невероятную историю. И конечно, как раз ее он имел в виду, когда описывал путешествие Алисы за зеркалом.

Ей посвятил он грустные стихи, которыми начинается и кончается книжка; грустные они потому, что уже сто четыре года тому назад Алиса была совсем взрослой, и Кэрролл боялся, что читать эту сказку ей будет не очень интересно.

Но это был, пожалуй, единственный случай, когда Льюис Кэрролл ошибся: и Алиса Лидделл, и англичане, которые прочли его книгу вместе с ней, и все, кто читает ее теперь, думают совершенно по-другому.

Но не только Алиса была на самом деле. Все остальные герои сказки тоже существовали: правда, в жизни они были не такими смешными, но все-таки были.

Поэтому, когда был начат перевод этой книги, было решено, что переводчик тоже обязательно должен иметь в виду каких-то живых людей, которые похожи на персонажи книги Кэрролла. Потому что хотелось, чтобы и

по-русски они вышли живыми, а не просто придуманными.

Можно считать, что эти люди помогли перевести книжку, а значит, в предисловии их обязательно нужно назвать. Но чтобы некоторые из них не обиделись слишком сильно, назовем их так, чтобы только они сами догадались, что это они и есть.

Итак, большое спасибо девочке Лене, успешно выступившей в роли Алисы, Топсику, замечательно исполнившему роль Топсика, а также М. Ц., М. З., В. Ч., В. О., Л. Л., С. Л., Л. К., П. Л., А. Г., О. А., Т. Е. и многим другим.

И наконец, последнее. Это — книжка для всех: для детей и взрослых, мальчиков и девочек, и, конечно, если кто-нибудь из этих мальчиков, девочек и взрослых когда-нибудь прочтет эту книжку на том языке, на котором она была написана,— по-английски, всем нам останется только им позавидовать.

Вл. Орел

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(В положении перед началом игры)

БЕЛЫЕ

Фигуры

Тарарам
Единогорг
Коза
Белая Королева
Белый Король
Старик, Упавший
с Каланчи
Рыцарь на Бе-
лом Коне
Тилибом

Пешки

Маргаритка
Зантц
Карась
Топсик
Олененок
Карась
Шлямпник
Маргаритка

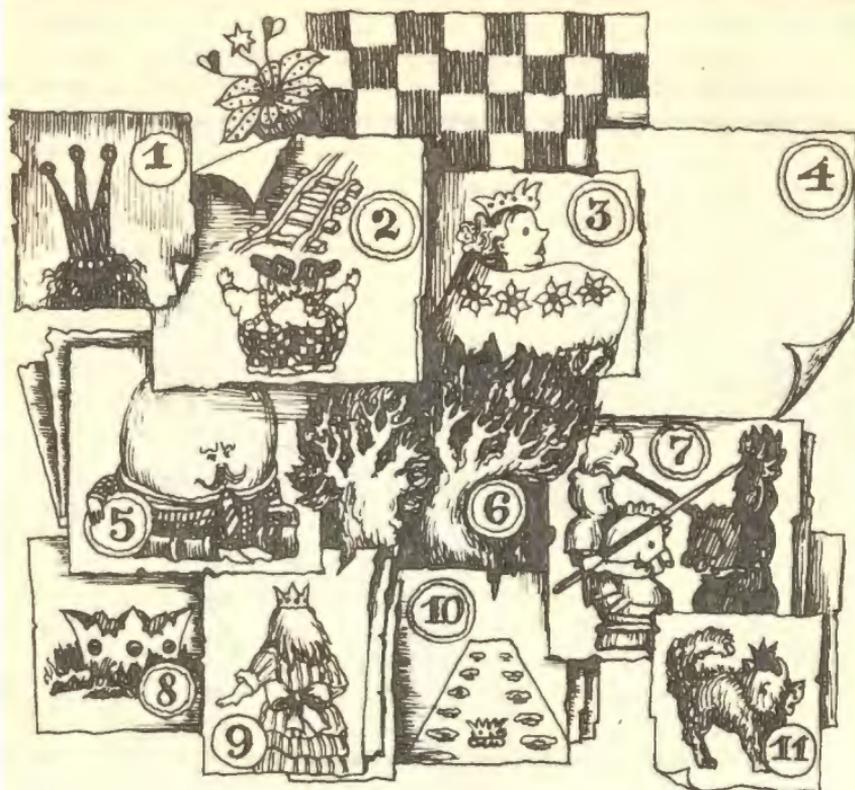
ЧЕРНЫЕ

Фигуры

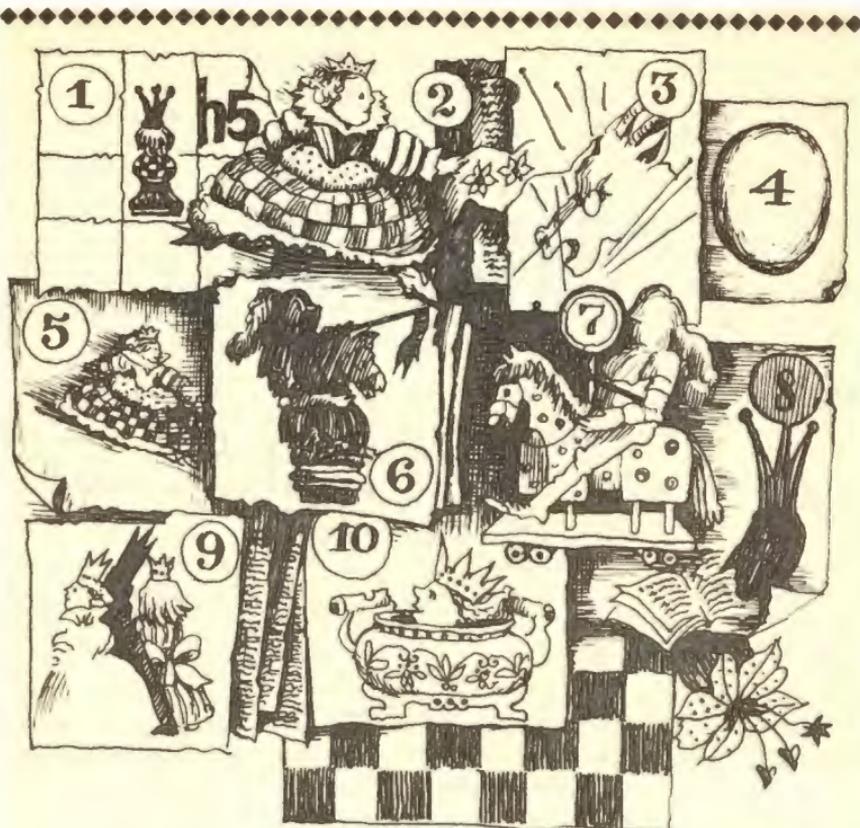
Шалтай-Болтай
Плотник
Тюлень
Черная Королева
Черный Король
100 ворон
Рыцарь на Чер-
ном Коне
Лев

Пешки

Маргаритка
Посыльный
Карась
Рододендрон
Роза
Карась
Лягушка
Маргаритка

1. Алиса встречается с Черной Королевой
2. Алиса через d3 (по железной дороге) на d4 (к Тилибому и Тарараму)
3. Алиса встречает Белую Королеву (с шалью)
4. Алиса на d5 (лавка — река — лавка)
5. Алиса на d6 (Шалтай-Болтай)
6. Алиса на d7 (в лесу)
7. Рыцарь на Белом Коне берет Рыцаря на Черном Коне (в плен)
8. Алиса вступает на последнюю клетку (коронация)
9. Алиса становится Королевой
10. Алиса рокируется (пир в замке)
11. Алиса берет Черную Королеву (за шиворот) и выигрывает

1. Черная Королева на h5
2. Белая Королева на С4 (ловит шаль)
3. Белая Королева на С5 (превращается в Козу)
4. Белая Королева на F8 (оставляет яйцо на полке)
5. Белая Королева на С8 (убегает от Рыцаря на Черном Коне)
6. Рыцарь на Черном Коне на E7 (шах)
7. Рыцарь на Белом Коне на С5
8. Черная Королева на E8 (экзамен)
9. Королевы рокируют (входят в замок)
10. Белая Королева на A6 (суп)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Поскольку шахматная задача, предложенная на предыдущей странице, оставила в недоумении некоторых моих читателей, следует сказать, что сами по себе ходы в ней безупречны. Возможно, чередование ходов черных и белых соблюдается не слишком строго, а под рокировкой трех Королев просто подразумевается, что они вошли в Замок, но каждый, кто даст себе труд расставить фигуры и разобрать партию в предложенном порядке, обнаружит, что шах на шестом ходу, взятие Рыцаря на Черном коне на седьмом ходу, а также итоговый мат Черному Королю находятся в строгом соответствии с правилами игры.

В связи с новыми словами в стихотворении «Умзра Зум» (см. стр. ...) возникли различные мнения о том, как их следует читать. Уместно дать разъяснения и по этому поводу. Имя «Умзар» следует произносить с ударением на первом слоге — как «повар», а слово «чудо-юдоострый» с двумя ударениями: на третьем и пятом слогах от начала.

Рождество 1896 г.

Дитя с безоблачным челом
И безмятежным взглядом!
Помчалось время напролом,
Но вот мы снова рядом:
И рой волшебных небылиц
К тебе слетает со страниц.

Я позабыл твои черты,
Но не страшусь возврата.
Давно меня забыла ты,
Но это не утрата.
Мы вместе, и при свете дня
Ты снова слушаешь меня.

Ты помнишь: полдень золотой,
Рассказ чудесный начат,
Шумит весло, и так светло...
Ты помнишь? Это значит,
Что убегающим годам
Я нашу память не отдам.

Там, на дворе, опять пурга
И вьюги людоедство.
А дома — свет от очага,
Тепло и нежность детства.
Метели за окном метут.
А сказка снова тут как тут.

Печаль попала на постой
В повествованье это:
Ведь кончен «полдень золотой»
И отзвенело лето...
Но следом за печалью зло
К нам в нашу сказку не пришло.

Глава первая Дом в Зазеркалье

Одно было совершенно ясно: белый котенок был совсем ни при чем. Набезобразничал черный котенок. Все дело в том, что последние полчаса белый котенок был занят — он терпеливо дожидался, пока кошка Дина его умоет. Так что, как видите, к тому, что случилось, никакого отношения он не имел.

Кошка Дина всегда умывала котят так: одной лапой она придерживала котенка за ухо, а другой — терла ему мордочку (от носа к ушкам). Как я уже сказал, сейчас она умывала белого котенка, который покорно сидел и даже иногда подмурлыкивал... вне всякого сомнения понимая, что это делается ради его же блага.

Но черный котенок был уже умыт и теперь, воспользовавшись тем, что Алиса задремала в углу огромного старого кресла, вступил в неравный бой с клубком шерсти. Котенок катал его по полу до тех пор, пока клубок окончательно не размотался и не превратился в кучу спутанных ниток. Котенок забрался на эту кучу и принялся ловить собственный хвост.

— Ах ты разбойник! — закричала Алиса, схватила котенка и легонько шлепнула его по носу в знак того, что он попал в немилость. — До сих пор не научился, как себя вести!.. Дина, да когда же ты возьмешься за его воспитание?! — добавила она строго, обращаясь к кошке.

Тут Алиса подняла нитки, опять удобно устроилась

в кресле и начала работу сначала. Но дело как-то не клеилось — ведь Алиса все время болтала: то с котенком, то сама с собой. Котенок чинно сидел у нее на коленях и с притворным интересом следил за тем, как постепенно растет клубок. Время от времени он вытягивал лапу и осторожно до него дотрагивался, словно пытался помочь Алисе.

— А знаешь, что ЗАВТРА будет? — спросила Алиса котенка.— Ты бы наверняка догадался, если бы утром выглянул в окошко... Да, но ведь Дина как раз тебя умывала... Ты знаешь, я видела, как мальчишки таскали хворост для костра... Представляешь, сколько его нужно, чтобы костер хорошо горел?! Правда, потом повалил снег, и пришлось все отложить до завтра... Но зато з а в т р а мы с тобой обязательно пойдем поглядим на костер.

Тут Алиса намотала на шею котенку нитку: просто чтобы узнать, идет ему этот цвет или нет. Нитка запуталась, котенок спрыгнул на пол, и клубок снова наповину размотался.

— Ух, как я на тебя рассердилась, когда увидела, что ты натворил! — продолжала Алиса, снова забираясь на кресло.— Честное слово, я хотела взять тебя за шиворот и выставить на улицу! И ты этого заслужил, хулиган! Что ты можешь сказать в свое оправдание? Помолчи, не перебивай меня,— добавила Алиса и погрозила котенку пальцем.— Сейчас я перечислю все твои грехи. ВО-ПЕРВЫХ, ты два раза запищал, пока Дина тебя умывала. Не спорь со мной! Я сама слышала! Что ты сказал? (Тут Алиса притворилась, будто котенок ей что-то ответил.) Она попала тебе лапой в глаз? Сам виноват — нужно было зажмуриться, и ничего бы не случилось. Да помолчи ты немножко! Лучше послушай. ВО-ВТОРЫХ: когда я дала Снежку молока, ты потянул родного брата за хвост. Что? Тебе захотелось попить? А Снежку что, не хотелось? И В-ТРЕТЬИХ: стоило мне отвернуться, как ты размотал целый клубок! Видишь, что ты натворил?! А ведь я еще тебя не наказала. Тебе отлично известно, что все наказания я откладываю до среды... Представляю, что было бы, если бы со мной так поступали! — воскликнула Алиса, обращаясь уже не к котенку, а к самой себе.— Если бы меня наказывали за все сразу... в конце года!

Наверно, меня бы посадили в тюрьму... Или оставили бы без обеда. Даже — без пятидесяти обедов сразу! Ну, это как раз не очень-то страшно! Лучше остаться без пятидесяти обедов, чем съесть их в один присест!..

Слышишь, за окном падает снег? Как мягко опускаются снежинки на подоконник... Наверно, они о чем-то друг с другом разговаривают... А как нежно они шепчутся с деревьями и травой... Снег покрывает густым, теплым пухом всю землю и бормочет: «Спите все, спите все, до весны, до весны». А весной деревья просыпаются и, чуть задует ветер, начинают плясать... Как здорово! — засмеялась Алиса, всплеснула руками (и уронила клубок). — Если бы все так и было на самом деле... А осенью, когда желтеют листья, деревья начинают зевать, а потом засыпают...

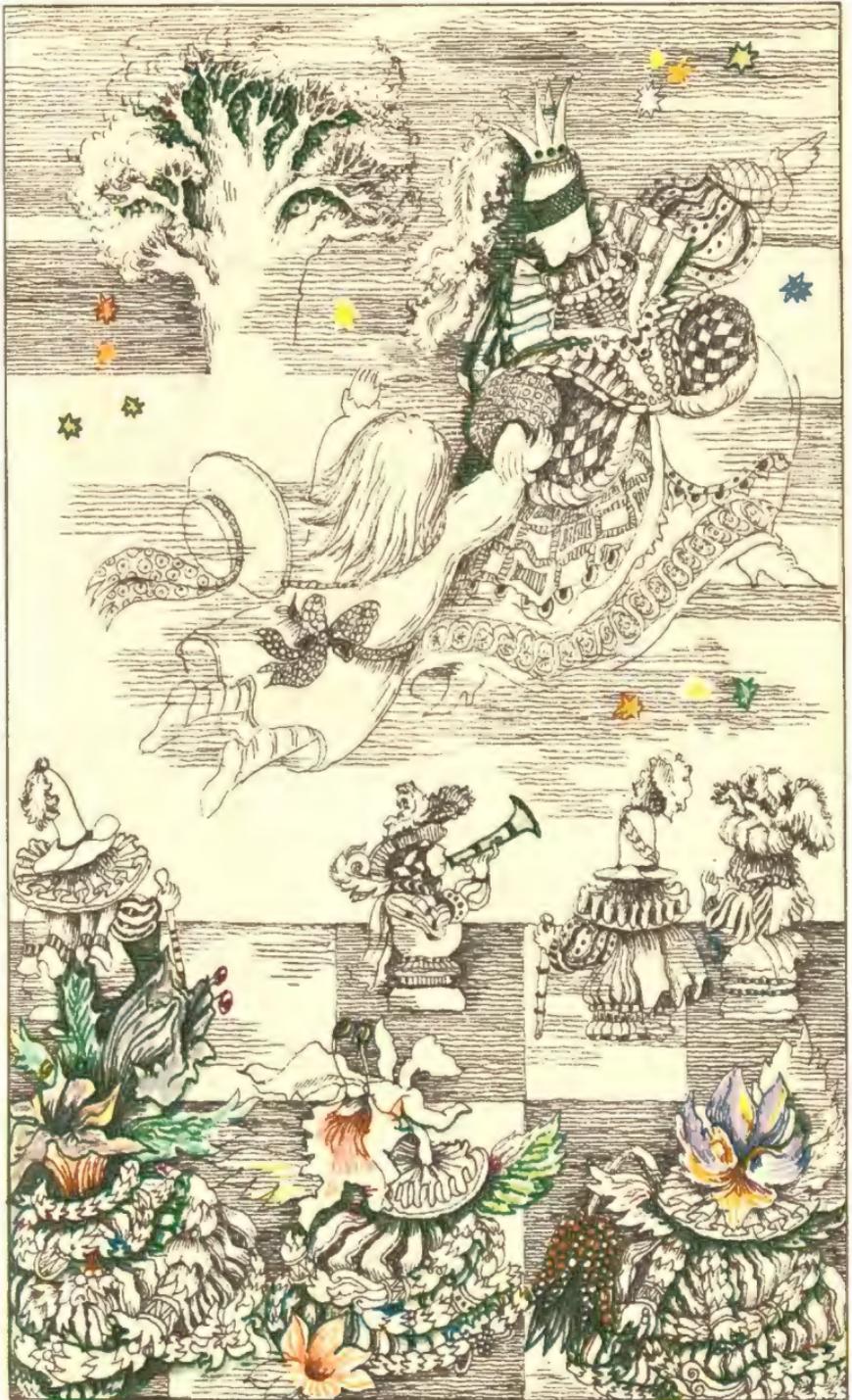
Глупый котенок, скажи, ты умеешь играть в шахматы? Не смейся, я серьезно! Вчера, когда мы с сестрой играли, ты следил за нами так, как будто что-то понимаешь. А когда я сказала «Шах!», ты замурлыкал. И правильно — это был отличный шах. Я бы обязательно выиграла, если бы этот несчастный Конь не мешал моим фигурам. Слушай, давай понарошку...

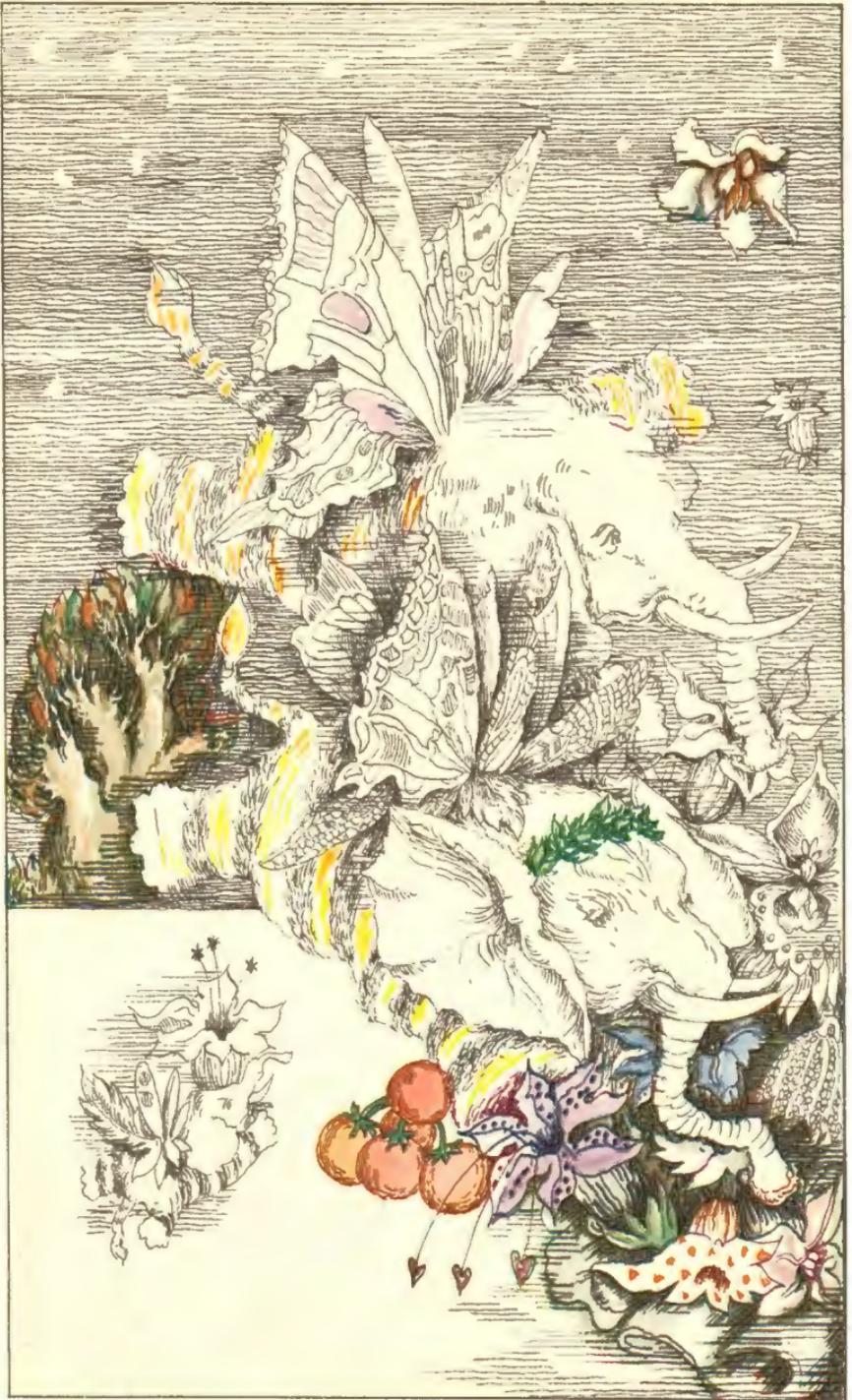
О чем бы Алиса ни говорила, всюду она вставляла это «понарошку». Позавчера они с сестрой поссорились... и все из-за того, что Алиса предложила: «давай играть, как будто мы с тобой понарошку короли и королевы». На это ее серьезная и почти совсем взрослая сестра возразила, что так они играть не могут и ничего у них не получится — ведь их всего двое. В конце концов Алиса сказала: «Ну и ладно. Ты будешь одной королевой, а я — всеми остальными». А еще она однажды страшно напугала свою старую няню, закричав ей прямо в ухо: «Няня! Я понарошку буду Злобной Гиеной, а ты — кроликом!»

Но мы отвлеклись от того, что Алиса говорила котенку:

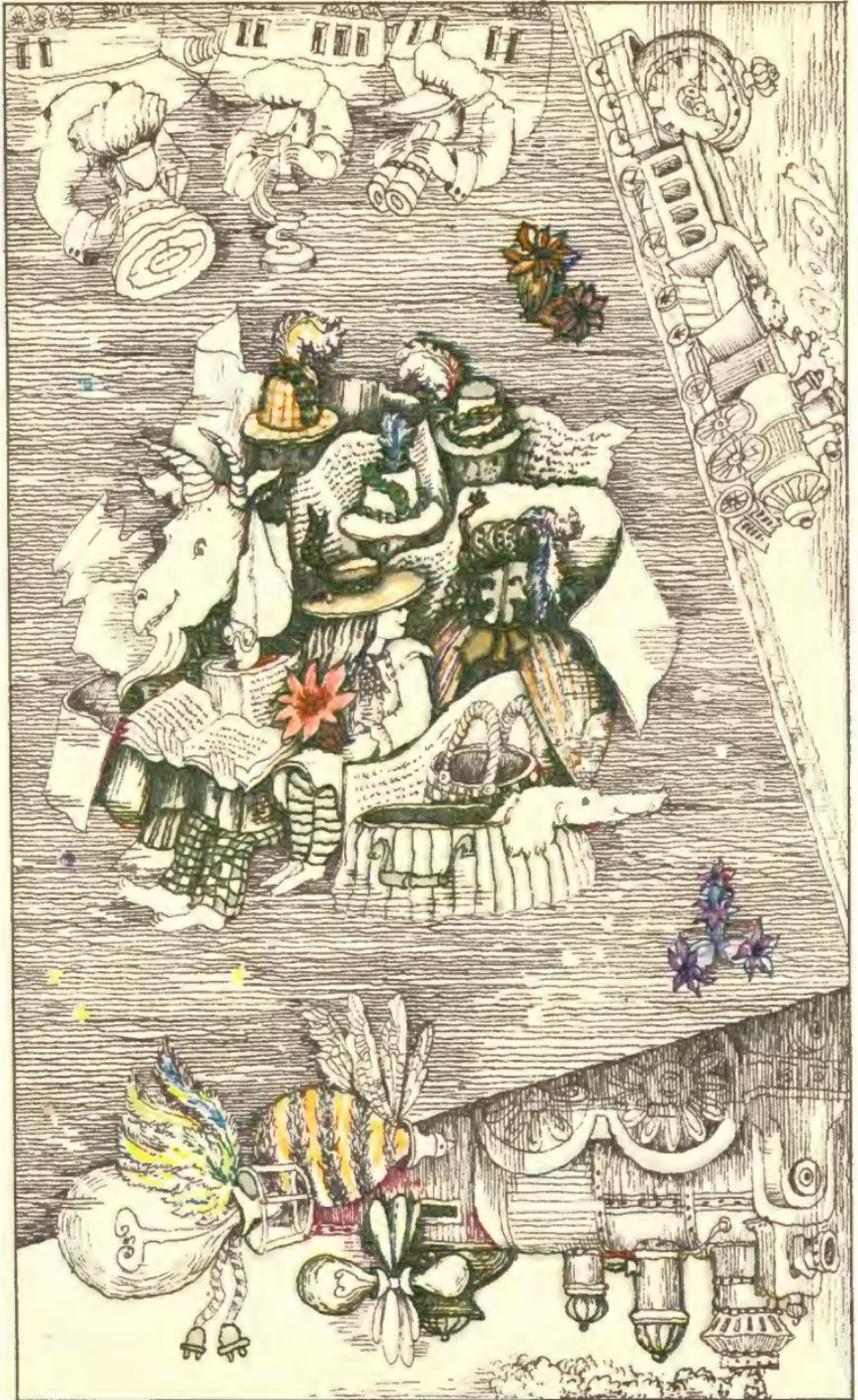
— Давай понарошку ты будешь Черной Королевой, ладно? Знаешь, если ты сложишь лапки на животе, ты будешь **ВЫЛИТАЯ** Черная Королева. Ну-ка попробуй!

Алиса сняла Черную Королеву со стола и поставила ее перед котенком, но ничего не вышло; котенок никак не хотел правильно сложить лапы. Алиса рас-

сердилась и поднесла его к зеркалу, чтобы он полюбовался, до чего он непослушный и невоспитанный.

— Если ты будешь себя плохо вести,— заявила она,— я перенесу тебя за Зеркало и оставлю жить в Зазеркальном Доме. Что ты на это скажешь?.. Ну, а теперь, если ты будешь слушать внимательно и не станешь меня перебивать, я расскажу тебе, как устроен этот Зазеркальный Дом. Во-первых, в нем есть та комната, которую сейчас видно в Зеркало... в точности такая же, как наша. Только все вещи там стоят наоборот. Если залезть в кресло, то видно почти всю зазеркальную комнату, кроме маленького уголка у камина. Ох, если бы еще увидеть и этот уголок!.. Интересно, горит в зазеркальном камине огонь или нет? И как это узнать? Правда, если у НАС камин дымит, то дым виден и в той комнате. Но может быть, это только ПОНАРОШКУ: чтобы мы подумали, что ТАМ тоже есть огонь. Потом, там есть книжки, почти такие же, как наши, только все слова в них написаны наоборот, я-то знаю: как-то раз я поднесла книжку к Зеркалу, а с той стороны тоже появилась книжка, и я успела ее рассмотреть... А ты хочешь попасть в Зазеркальный Дом, котенок? Интересно, дадут тебе там молока? Наверно, зазеркальное молоко ужасно невкусное. Да, послушай, там ведь еще есть коридор!.. Если открыть НАШУ дверь, то в Зеркале будет виден маленький кусочек зазеркального коридора. Он **ОЧЕНЬ** похож на наш, но дальше-то он может оказаться совсем другим. Ох, как мне хочется попасть в Зазеркалье! Там наверняка столько удивительных вещей! Давай играть, как будто мы с тобой можем пройти сквозь Зеркало, как будто Зеркало понарошку превратилось в туман. Ох! Оно и вправду становится каким-то туманным... Теперь через него можно...

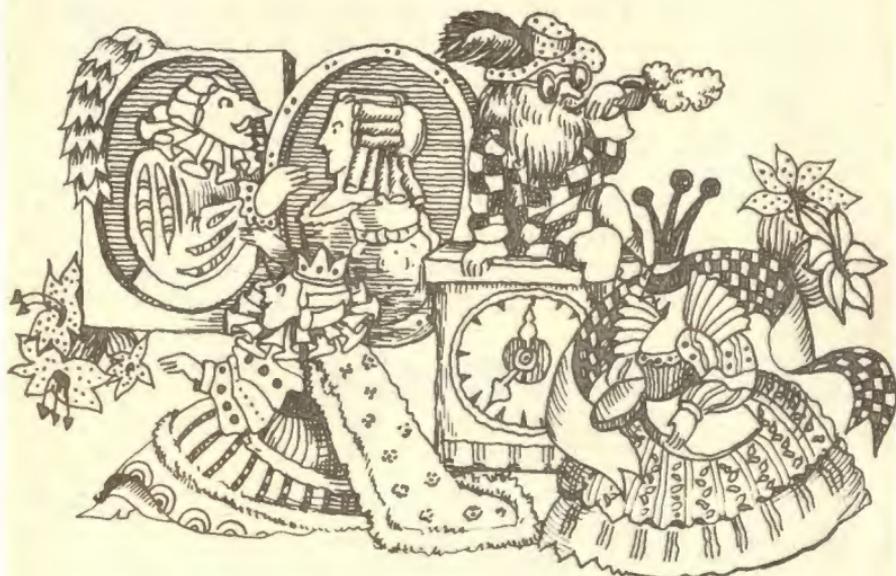
Тут — сама не понимая как — Алиса очутилась на камине, над которым висело Зеркало. Оно действительно постепенно таяло и превращалось в серебристую блестящую дымку.

В ту же минуту Алиса шагнула вперед и спрыгнула с зазеркального камина на зазеркальный пол. Вот так она и попала в Зазеркалье.

Прежде всего Алиса проверила, горит ли огонь в камине, и убедилась в том, что горит,— самый настоящий яркий огонь, такой же, как у нее дома.

«Ну, значит, я не замерзну! — подумала Алиса.— Тут не то что у нас: никто меня не будет гнать от камина, так что я буду греться сколько душе угодно. А что с ними со всеми будет, когда они меня увидят в Зеркале, а добраться до меня не смогут!»

Она внимательно огляделась по сторонам. Все, что было видно в Зеркале из той комнаты, оказалось совершенно обычным. Зато все остальное выглядело со-

всем иначе, чем дома. Например, картины на стенах ожили, а часы, заднюю стенку которых Алиса много раз видела в зеркале, превратились в маленького добродушного старичка. Старичок подмигнул Алисе и ухмыльнулся.

«Ну и беспорядок!» — подумала Алиса, заметив в золе у камина несколько шахматных фигур. Но в то же мгновение, ахнув, она встала на четвереньки и принялась внимательно их разглядывать. Фигуры... прогуливались по каминному коврику!

— Вот Черный Король и Черная Королева, — прошептала Алиса. — А вот Белая Королева и Белый Король. Они забрались на кочергу. А вот гуляют Ладьи...

Кажется, они меня не слышат,— добавила она, когда Ладьи оказались совсем рядом.— И не видят. Я стала НЕВИДИМКОЙ!

Тут за спиной у Алисы кто-то запищал. Обернувшись, она увидела, что одна из стоявших на столе пешек упала и дрыгает ногами. Алиса с величайшим интересом глядела на нее, ожидая, что будет дальше.

— Дочка! — взвизгнула Белая Королева и полезла вверх по каминной решетке, по дороге зацепив шлейфом Белого Короля и опрокинув его прямо в золу.— Обожаемый Топсик! Царственное дитя!

— Царственное помело...— проворчал Король, потирая нос, пострадавший при падении. Он был вправе слегка обидеться на Королеву: ведь это из-за нее он упал и теперь весь — с головы до ног — был осыпан золой.

Алиса решила вмешаться: лежа на столе, пешечка продолжала пищать. Поэтому Алиса схватила Королеву и быстро поставила ее рядом с Топсиком.

Королева сказала «Ах!!» и тоже упала: ее оглушил стремительный перелет с камина на стол. Минуты две она молча сжимала Топсика в объятиях. Наконец, придя в себя, она подошла к краю стола и громко крикнула Королю, отрешенно сидевшему в куче золы:

— Прочь с ВУЛКАНА!

— С какого ВУЛКАНА? — заволновался Король и стал торопливо разгребать золу, как будто и впрямь рассчитывал найти под ней вулкан.

— Только что... меня... извергло...— задыхаясь, прокричала Королева, которая еще не совсем пришла в себя.— Постарайся... добраться сюда... обычным способом... Не позволяй... себя... ИЗВЕРГАТЬ!

Алиса увидела, как Король начал медленно карабкаться по каминной решетке.

— Так вы и за два дня не доберетесь,— сказала она.— Давайте я помогу.

Но Король не ответил: очевидно, он и не догадывался о ее присутствии.

Алиса осторожно взяла его в руки и медленно поднесла к столу (намного медленнее, чем Королеву). Но тут ей пришло в голову, что неплохо было бы сдуть с Короля золу.

Впоследствии она не раз говорила, что НИКОГДА

В ЖИЗНИ ей не приходилось видеть более уморительной физиономии, чем у Короля в тот момент, когда он внезапно повис в воздухе. Еще сильнее поразило Короля то, что невесть откуда налетел страшный ветер. От ужаса он не мог пошевелиться, но глаза у него делались все круглее и круглее, а рот открывался все шире и шире, пока Алиса не захохотала, да так, что ее рука задрожала и Король чуть было не полетел на пол.

— Ну и смешной же ты! — воскликнула Алиса, совершенно позабыв о том, что Король ее не слышит. — Я чуть тебя не уронила! Да закрой же рот — зола залезет... Ну, вот я тебя и почистила, — сказала она и, пригладив Королю волосы, поставила его на стол рядом с Королевой.

Король закатил глаза и упал. Так он и лежал, не шевелясь. Алиса забеспокоилась и обошла всю комнату в поисках воды, чтобы привести Короля в чувство. Правда, нашла она только бутылку чернил, но, вернувшись к столу, увидела, что Король уже пришел в себя и что-то испуганно шепчет Королеве, что именно, Алиса разобрала с трудом.

Король сказал:

— Дорогая, я весь дрожу: от пяток до кончиков бакенбард!

На что Королева ответила:

— Пятки у тебя есть. А бакенбард нету!

— Мне никогда, никогда не забыть, — заявил Король, — это кошмарное мгновение!

— Ты непременно о нем забудешь, — сказала Королева, — если не запишешь его в записную книжку.

Алиса с любопытством наблюдала за тем, как Король достал из кармана чудовищных размеров записную книжку и принялся писать. Но тут ее осенила неожиданная мысль: Алиса ухватила за конец карандаша, который был настолько велик, что доставал до королевского плеча, и стала водить им по собственному усмотрению.

Сперва несчастный Король молча боролся с карандашом, но Алиса была сильнее, и в конце концов он пробормотал:

— Дорогая! Я буду **ВЫНУЖДЕН** купить карандаш помягче: у этого слишком твердый характер. Он пишет, что ему вздумается...

— А что ему вздумалось?— осведомилась Королева, заглядывая в тетрадь (где, не без помощи Алисы, Король накорябал: «Белая Ладья сидит верхом на кочерге и скоро с нее свалится»).— По-моему, это не твои мысли, а чьи-то чужие.

На столе лежала книжка, и наблюдая за Королем, которого она была готова в любую минуту обрызгать чернилами, конечно, только в том случае, если он снова упадет в обморок,— так вот, наблюдая за Королем, Алиса листала страницы, пытаясь найти хоть какое-нибудь вразумительное место, потому что «вся книжка,— как она решила,— написана на каком-то странном языке».

На одной странице было напечатано:

Свержалося... энжйохЭ
Волннлрлр У лэвэрл.
Дрорбжжкв я влжжжэ эсэжжт
Нржк хожэ свэвнвэвлл.

Алиса долго ломала голову над тем, что бы это могло значить. Наконец ей в голову пришла блестящая мысль: «Ведь это зазеркальная книжка! Значит, если поднести ее к зеркалу, все слова встанут на свои места и будут написаны обычно, а не задом наперед!»

И вот что прочла Алиса:

Ты Умзара страшись, мой сын!
Его следов искать не смей
И помни: не ходи один
Ловить Сплетнистых Змей!
Свой чудо-юдоострый меч
Он взял и дринулся вперед,
Он — полон дум,— он под Зум-Зум
раскидистый идет,
И вот, пока он скрепко шпал,
Явился Умзар огневой,
И он на Рыбцаря напал:
Ты слышишь зронкий вой?
Да, чудо-юдоострый меч
Сильнее Умзара стократ!
Зверой побрит, Герой спешит,
Спешит споржественно назад.

«Я побредил его, Старик!
Позволь, тебя я обниму!»—
«Вот это час, вот это миг!» —
Отец сказал ему.
Сверкалось... Скойкие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел.

«ОЧЕНЬ красивые стихи! — решила Алиса, дочитав их до конца.— Но НЕМНОЖКО непонятные. (Как видите, даже самой себе Алиса не призналась, что ничего не поняла.) — Правда, в голове у меня теперь полно всяких мыслей... только вот о чем они — не знаю! Понятно, что КТО-ТО был побрит и КТО-ТО КОГО-ТО побредил, но все-таки...»

— Ой! — закричала она, захлопывая книжку.— Мне ведь еще нужно посмотреть, что здесь за комнаты!.. Пока не пришлось возвращаться домой. Но сперва надо взглянуть на Зазеркальный Сад.

Она выскочила из комнаты и побежала по лестнице... то есть не побежала, а полетела. КАК И ПОЛОЖЕНО В ЗАЗЕРКАЛЬЕ (так решила Алиса). А ПОЛОЖЕНО В ЗАЗЕРКАЛЬЕ было так: нужно было одной рукой держаться за перила и плыть по воздуху, не касаясь ногами ступенек. Так Алиса и сделала: она выплыла в прихожую и непременно треснулась бы о дверь, если бы вовремя не уцепилась за ручку. От долгого полета по воздуху у нее закружилась голова, и она очень обрадовалась, когда оказалось, что в Зазеркальном Саду ПОЛОЖЕНО уже не летать, а — просто ходить.

Глава вторая В саду Говорящих Цветов

«Надо забраться на Гору,— решила Алиса.— Оттуда будет виден весь Сад. А забраться туда лучше всего по этой дорожке... ну, конечно, не ЛУЧШЕ ВСЕГО... Идти все равно придется долго (так решила Алиса, когда прошла еще немного вперед и обнаружила, что дорожка все время крутится из стороны в сторону), придется идти очень долго, но В КОНЦЕ КОНЦОВ я все-таки заберусь на самый верх... Ну и ну, сколько же можно поворачивать?! Никакая это не дорожка, а просто ю л а какая-то... Наконец-то! Теперь остался один малюсенький кусочек... Ой, да что же это такое! Я О П Я Т Ь вернулась назад! Придется пойти по другой дорожке!»

Так она и сделала. Дорожки уводили ее то назад, то вперед, но каждый раз упорно приводили ее обратно к Дому. Как-то раз, слишком быстро завернув за угол, Алиса не успела остановиться и уткнулась носом прямо в дверь.

— Отстань, пожалуйста,— обратилась Алиса к Зеркальному Дому, делая вид, что он ей что-то сказал.— Все равно ОБРАТНО я не вернусь. Ни за что! Конечно, сперва ты просишь, чтобы я открыла дверь, а потом захочешь, чтобы я прошла через Зеркало... и вернулась домой... и чтобы на этом кончились все мои приключения!

С этими словами Алиса решительно повернулась спиной к Дому и снова направилась к той же самой дорожке, твердо решив: ни за что не сходить с нее, пока не

удастся забраться на вершину Горы. Несколько минут все вроде бы шло хорошо, и Алиса подумала: «Ну вот, я своего добилась!», но тут дорожка внезапно повернула направо и пожала плечами (по крайней мере так про это рассказывала Алиса). В тот же миг Алиса обнаружила, что поднимается вовсе не на Гору, а на крыльцо.

— Ужас какой-то! — воскликнула Алиса. — До чего же мне надоел этот Дом! Что он ко мне пристал!

Далеко впереди виднелась Гора. Оставалось только начать всё сначала. Теперь Алиса оказалась около огромной клумбы, в середине которой торчал Фикус в кадке, а по бокам росли Маргаритки.

— Уважаемый Гладиолус, — сказала Алиса, обращаясь к Гладиолусу, который при каждом дуновении ветра внушительно покачивал головой. — Уважаемый Гладиолус, как жаль, что ты не можешь сказать ни слова.

— Отчего же, могу, — вымолвил Гладиолус. — Могу, если рядом есть кто-нибудь, кто этого ЗАСЛУЖИВАЕТ.

Ошеломленная Алиса целую минуту стояла молча. Она просто была не в состоянии что-нибудь сказать. В конце концов, когда Гладиолус снова затряс головой, Алиса обратилась к нему, но очень робко, почти шепотом:

— Простите, разве цветы умеют говорить?

— Не хуже тебя, — сказал Гладиолус. — И уж во всяком случае значительно громче.

— Мы не привыкли первыми вступать в разговор, — сказала Роза. — Ах, как я ждала, когда же ты заговоришь! «Ну, — думаю я себе, — в этой особе ЧТО-ТО есть, но что это за ЧТО-ТО — вот вопрос». Как-никак ты очень милого цвета, а это ведь не мелочь!

— Цвет роли не играет, — заметил Гладиолус. — Обидно, что лепестки у нее не торчат вверх, это ее здорово портит.

Алисе было неприятно, что ее так обсуждают, а потому она принялась задавать вопросы:

— Скажите, а вам тут не страшно? Ведь вы совсем одни, и поухаживать за вами некому.

— Да вон же Фикус стоит! — сказала Роза. — Для чего же он, по-твоему, нужен?!

— Но ведь в случае опасности он вам ничем не поможет, — возразила Алиса.

— Это еще почему? — удивилась Роза. — Конечно, поможет. Он будет кусаться.

— Мы его потому и прозвали Фи-КУС, что он кусается,— пояснила бледная Маргаритка.

— Неужели ты даже этого не знаешь? — взвизгнула другая Маргаритка, и тут они завизжали все вместе и визжали так, что очень скоро во всем Саду ничего, кроме их визга, не осталось.

— Кхе-кхехм... Цыц! — рявкнул Гладиолус и бешено затряс головой, весь дрожа от возмущения.— Проклятье! Пользуются тем, что я не могу до них добраться! — пропыхтел он, повернувшись к Алисе.— Совсем от рук отбились!

— Не обращайтесь на них внимания! — сказала Алиса, чтобы его успокоить, и, подойдя к Маргариткам, которые снова завершали, тихонько сказала: — Немедленно замолчите, иначе я вас посрываю.

Наступила тишина. Маргаритки позеленели от ужаса.

— Так им и надо! Поделом! — прокряхтел Гладиолус.— Все зло в мире — от Маргариток. Кроме того, они мне слова не дают сказать — перебивают. Я чуть не увял, когда услышал их дикие вопли.

— И все-таки непонятно, как вы научились говорить! — сказала Алиса, пытаясь его приободрить.— Вы изумительно говорите! Сколько раз я бывала в самых разных садах, но говорящих цветов никогда не видела.

— А ты приложи руку к земле,— посоветовал Гладиолус,— и тебе все станет ясно.

Так Алиса и сделала.

— Земля очень твердая,— сказала она.— Но причем тут земля?

— Как правило,— ответил Гладиолус,— клумбы делают очень мягкими, поэтому цветы все время клюют носом и, понятное дело, молчат.

Алисе страшно понравилось это объяснение.

— Никогда бы не подумала! — воскликнула она.

— НА МОЙ ВЗГЛЯД, ты вообще никогда не думала, без всяких «бы»,— строго сказала Роза.

— Да уж, в жизни не видели такой идиотки,— пропищали Анютины Глазки и нахально подмигнули Алисе, так неожиданно, что она подскочила на месте (до этого Анютины Глазки не сказали ни слова).

— Заткните фонтан! — заорал на них Гладиолус.—

Вы вообще никого в жизни не видели. Храпите целыми днями в тени, Глазок не продираете. Докатились: ничего не соображаете — вроде Божьей Коровки.

— Скажите, тут есть еще какие-нибудь люди? — спросила Алиса, предпочитая не отвечать на выпады Розы и Аютиных Глазок.

— Как же, конечно, есть, — сказала Роза. — Тут иногда появляется один цветок вроде тебя. Правда, лепестки у него не похожи на твои... уж не знаю почему.

— Вечно ты со своими «почему», — проворчал Гладиолус.

— А он, этот цветок, на меня похож? — заинтересовалась Алиса, потому что решила, что в Саду есть еще одна девочка.

— Ну, в общем-то у него такой же нелепый вид, — сказала Роза. — Только лепестки короче. И темнее, чем у тебя.

— Они закрыты, как у Георгина, — заметил Гладиолус, — а не распушены, как у тебя.

— Но ты не огорчайся, — доброжелательно сказала Роза. — Просто ты начинаешь увядать: вот лепестки у тебя и обвисли. Конечно, это не слишком опрятно...

Алисе все это очень не понравилось. Поэтому, чтобы переменить ход разговора, она сказала:

— А что, этот цветок когда-нибудь здесь появится?

— Ты, наверно, скоро его увидишь, — ответила Роза. — Узнать его легко — у него целых девять тычинок.

— Где? — в изумлении спросила Алиса.

— А на голове, — заявила Роза. — Я страшно удивилась, что у тебя их нет. Я-то считала, что это общее правило.

— А вот и она! — крикнул Рододендрон. — Я слышу шаги на дорожке.

Алиса огляделась по сторонам и наконец заметила Черную Королеву. «Ну и вымахала!» — подумала Алиса, и с ней нельзя не согласиться: раньше, у камина, Королева была ростом с оловянного солдатика... а теперь она была на полголовы выше Алисы!

— Это все от свежего воздуха, — сказала Роза. — У нас тут дивный воздух.

— Я пойду к ней навстречу, — решила Алиса, потому что, как ей ни было интересно беседовать с цветами,

она понимала, что переброситься парой слов с настоящей Королевой еще интереснее.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказала Роза. — На твоём месте я бы пошла не НАВСТРЕЧУ, а в прямо противоположную сторону.

Алиса подумала, что уж это наверняка вздор, ничего не ответила Розе и направилась напрямик к Черной Королеве. Но, к её удивлению, она тут же потеряла Королеву из виду и обнаружила, что снова шагает к крыльцу Зазеркального Дома.

Разозлившись, Алиса двинулась обратно и принялась разыскивать Королеву (которая и обнаружилась через некоторое время на противоположном краю Сада). Тут Алисе пришло в голову, что, пожалуй, стоит последовать совету Розы, и на этот раз она пошла не к Королеве, а ОТ нее.

План полностью себя оправдал. Не прошло и минуты, как Алиса очутилась лицом к лицу с Черной Королевой и, главное, почти у самой Горы, на которую она уже давно пыталась забраться.

— Ты это куда? — спросила Черная Королева. — Ты это откуда? Отвечай вежливо, стой прямо и не грызи ногти.

В ответ Алиса объяснила — так ясно, как только могла, — что потерялась и уже не в первый раз попадает на эту вот дорожку.

— Что значит «ЭТА ВОТ ДОРОЖКА»? — холодно спросила Черная Королева. — Тут нет ЭТИХ и ТЕХ дорожек. Все они попросту МОИ... И вообще, зачем ты сюда явилась? — добавила она уже более любезно. — Пока думаешь, что мне сказать, сделай реверанс. Реверансы экономят массу времени.

Алису это немного удивило, но Королева нагнала на нее такого страха, что в конце концов Алисе ПРИШЛОСЬ ей поверить. «Нужно будет дома попробовать, — подумала она. — Если я буду опаздывать в школу, сделаю реверанс и сэкономлю массу времени».

— Твое время истекло. Отвечай, — сказала Королева, глядя на часы. — Когда начнешь говорить, рот открой чуточку шире. И не забывай обращаться ко мне «Ваше Величество».

— Я просто хотела поглядеть на Сад, Ваше Величество...

— Умница,— ласково сказала Королева и взъерошила Алисе волосы (Алисе это совсем не понравилось).— Ты вот сказала «сад». А ведь мне доводилось видеть сады, по сравнению с которыми этот — п у с т ы р ь.

Алиса не стала спорить и продолжала:

— А потом я решила взобраться на Гору и...

— Ты вот говоришь — «на гору»,— перебила ее Королева.— А ведь я видывала горы, по сравнению с которыми эта — к а н а в а.

— Этого не может быть! — вступила Алиса в спор.— Гора не может быть канавой! Это чушь какая-то!

— С твоей точки зрения, это, возможно, и чушь,— покачав головой, сказала Черная Королева,— но я слыхивала чушь, по сравнению с которой эта — п р о п и с н а я и с т и н а.

Алиса опять сделала реверанс, боясь, как бы Королева ненароком не рассердилась. После этого они молча двинулись по дорожке, пока не дошли до вершины Горы.

Сперва Алиса только молча вертела головой и все рассматривала страну, которая теперь лежала перед ними. А страна была ПРЕСТРАННАЯ: прямые узкие ручейки пересекали ее на ровные полосы, а каждую полосу делили на клетки низкие заборчики, тянувшиеся от одного ручейка до другого.

— Да это же точь-в-точь шахматная доска! — воскликнула наконец Алиса.— Если бы на ней еще были фигуры... Ой, да вот же они! — проговорила она в восторге.— Так, значит, тут разыгрывается Настоящая Шахматная Партия?! И целый мир — шахматная доска. Если, конечно, это настоящий мир. Как здорово! Как бы я хотела туда попасть! И... и стать пешкой... если позволят! Хотя БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ я хотела бы стать Королевой.

Сказав это, она робко глянула на Настоящую Королеву, но та лишь любезно улыбнулась и сказала:

— Это мы устроим. Если хочешь, можешь стать Белой Пешкой, а то Топсик еще слишком мал для серьезной игры. Начнешь со Второй Клетки, а когда дойдешь до Восьмой — станешь Королевой...

В ту же минуту они почему-то бросились бежать.

И много позже Алиса никак не могла понять, с чего это им вдруг вздумалось. Помнила она одно: они бежали, схватившись за руки, и Черная Королева неслась так

быстро, что Алиса еле за ней попевала. Королева то и дело покрикивала: «Давай! Давай!», но Алиса-то понимала, что не может бежать еще быстрее (правда, у нее не осталось сил на то, чтобы сказать об этом Королеве).

Главная же странность заключалась в том, что, пока они бежали, вокруг ничего не менялось. Как они ни спешили — все деревья оставались на своих местах. «Неужели они бегут вместе с нами?» — подумала озадаченная Алиса. А Королева, словно угадав ее мысли, опять закричала:

— А ну быстрее! И молчи у меня!

Но у Алисы и в мыслях не было говорить. Ей казалось, что она никогда не сможет сказать ни слова — так она устала. А Королева все кричала: «Быстрее! Быстрее!» — и тащила ее все дальше.

— Теперь уже близко? — задыхаясь, спросила Алиса.

— Близко? — удивилась Королева. — Мимо БЛИЗКО мы пробежали минут десять назад. А ну быстрее!

И они побежали дальше в полном молчании. Ветер свистел в ушах у Алисы и, как ей показалось, пытался заплести ее распущенные волосы в косичку.

— Давай! Жми! — закричала Королева. — Быстрее! Еще быстрее!

И они побежали так быстро, что почти полетели по воздуху, не касаясь ногами земли. Внезапно, как раз когда Алиса почувствовала, что совсем выбилась из сил, они остановились.

Наконец до Алисы дошло, что она уже давно сидит на твердой земле и тяжело дышит.

Королева усадила ее поудобнее и ласково сказала:

— Можешь передохнуть.

Алиса удивленно взглянула на нее:

— По-моему, мы все время оставались под этим деревом. Вокруг — все то же самое.

— Разумеется, — сказала Королева. — А как же иначе?

— Ну, у меня дома, — все еще с некоторым трудом проговорила Алиса, — если уж начнешь бежать и будешь бежать ОЧЕНЬ долго, в конце концов окажешься на новом месте, а не на том же самом.

— Значит, твоя страна ТЯЖЕЛА НА ПОДЪЕМ, — сказала Королева. — Вот у нас приходится бежать во весь дух, чтобы остаться на месте. А если нужно попасть

куда-то еще, приходится бежать чуть не в два раза быстрее.

— Нет уж, лучше в другой раз,— сказала Алиса.— Мне и здесь очень нравится... только ужас как жарко... и пить хочется.

— Ну, это не беда! — добродушно сказала Королева и вытащила из кармана что-то завернутое в старую газету.— Хочешь воблы?

Алиса решила, что отказываться невежливо, хотя воблы ей совсем не хотелось. Она взяла ее и попыталась разгрызть: вобла была **ОЧЕНЬ** сухая и **ОЧ-ЧЕНЬ** соленая. Алиса подумала, что, наверно, никогда еще вобла не была **ТАК** некстати.

— Пока ты утоляешь жажду,— сказала Королева,— я произведу необходимые измерения.

Она вытащила из кармана рулетку и принялась что-то мерить, время от времени втыкая в землю колышки.

— Когда я дойду до этого места,— сказала она, втыкая первый колышек,— ты получишь **Надлежащие Инструкции**... Еще воблы?

— Нет, нет, спасибо,— ответила Алиса.— **ОДНОЙ** вполне достаточно!

— Значит, с жаждой мы покончили? — спросила Королева.

Алиса не знала, что ответить, но, к счастью, Королева и не стала дожидаться ответа: она опять взялась за рулетку.

— У второго колышка я повторяю **Инструкцию**... чтобы ты чего-нибудь не позабыла. У третьего — скажу «До свидания!». А у четвертого мы расстанемся.

Теперь все колышки торчали из земли, и Алиса с живейшим интересом следила за тем, как Королева вернулась к дереву, а от дерева пошла к первому колышку.

Остановившись около него, она обернулась и сказала:

— За первый ход Пешка проходит две Клетки. Поэтому ты должна поскорее проскочить Третью Клетку — лучше всего на поезде. Тогда ты окажешься сразу на Четвертой Клетке. Там живут Тарарам и Тилибом... На Пятой Клетке в основном пух и перья... На Шестой — Шалтай-Болтай... Ты чего молчишь?

— А разве... я... должна что-то сказать? — испуганно спросила Алиса.

— Ты **ОБЯЗАНА** сказать: «Благодарю вас за эти

ценные сведения!» — сурово ответила Черная Королева. — Ну да ладно, будем считать, что ты это уже сказала... На Седьмой Клетке — Лес... Ну ничего, там тебя проводит Рыцарь на Белом Коне... А на Восьмой Клетке ты станешь Королевой (такой же, как я), и мы затим ПИР ГОРОЙ!

Алиса встала, сделала реверанс и опять села.

У следующего колышка Черная Королева остановилась, опять обернулась и на этот раз сказала:

— Если забудешь какое-нибудь слово, справишься о нем в Орфографическом Словаре... Сперва ступай на носок, а потом на пятку... Уважай старших... И веди себя как следует!

На этот раз она не стала ждать, пока Алиса сделает реверанс, быстро дошла до колышка, крикнула оттуда: «Привет!» — и побежала к последнему колышку.

Алиса так и не поняла, как это вышло, но у самого колышка Королева исчезла. То ли она растаяла в воздухе, то ли просто очень быстро добежала до Леса («Это она умеет!» — подумала Алиса), сказать трудно, но так или иначе, а Королева куда-то подевалась. Тут Алиса вспомнила, что теперь она — Белая Пешка и скоро ее очередь делать ход.

Глава третья Зазеркальные насекомые

Прежде всего, решила Алиса, нужно внимательно изучить страну, по которой собираешься путешествовать. «Я как будто отвечаю по географии, — подумала она,

привстав на цыпочки и пытаюсь разглядеть, что происходит внизу.— «Назови главные реки Зазеркалья!» — «Главных рек нет».— «Главные горы Зазеркалья?» — «Есть одна, я как раз на ней стою, но как она называется, не знаю!» — «Где находится столица Зазеркалья?»... Ой, КТО это там летает над цветами? Конечно, это никакая не пчела... Пчелу НЕВОЗМОЖНО разглядеть на таком расстоянии!» Алиса молча смотрела, как Неизвестное Существо кружилось над цветами, время от времени запуская в них свой хоботок.

Да, это была вовсе не пчела. Это был... СЛОН, о чем в конце концов догадалась Алиса. Правда, сперва она в это не поверила... «И цветы, наверно, такие же огромные,— поразила ее.— Каждый цветок как дом или еще больше... И сколько же в нем меда! Надо поскорей спуститься вниз... Нет, уж лучше я потом спущусь,— решила она, остановившись (наверно, Алиса чуточку испугалась).— В ту сторону пока лучше не ходить. Ведь мне придется отгонять этих СЛОНОВ, если им захочется меня ужалить... А как замечательно будет, когда потом меня спросят: «Как вы пролись?» — а я отвечу: «Ой, спасибо (тут Алиса вежливо кивнула головой), большое спасибо. Правда, было ч у т ь - ч у т ь душновато... и потом, всю дорогу надо мной тучей вились СЛОНЫ!» Пойду-ка я лучше в другую сторону,— решила она,— а на слонов посмотрю как-нибудь в другой раз. И вообще мне давно пора на Третью Клетку!»

Алиса сбежала вниз, к подножию Горы, и перепрыгнула через первый из шести маленьких ручейков.

.....

— Предъявите билеты! — сказал Кондуктор, просунув голову в окошко.

В тот же миг все пассажиры уже держали в руках по билету (билеты и пассажиры были одинакового размера, так что в вагоне сразу стало тесно).

— Предъяви билет, девочка! — потребовал Кондуктор, сурово глядя на Алису.

И тут раздалось Великое Множество Голосов («Как самый настоящий хор!»— подумала Алиса):

— Не задерживай его, девочка. У него совсем нет времени. Ведь время стоит ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — минута!

— У меня нет билета, — испуганно сказала Алиса. — На Горе, с которой я сюда попала, не было кассы.

И снова раздался Хор Голосов:

— На Горе не было места для кассы. Ведь земля на Горе стоит ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — клочок!

— Это дела не меняет, — сказал Кондуктор, — ты должна была купить билет у Машиниста.

И опять раздался Хор Голосов:

— У Человека, Который Ведет Паровоз. Ведь даже Паровозный Дым стоит ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — колечко!

«Не стану я им отвечать», — подумала Алиса. На этот раз Хора Голосов она не услышала, но зато, к ее величайшему удивлению, все пассажиры подумали хором (надеюсь, ты понимаешь, что значит «подумать хором», потому что мне это, честно говоря, не ясно): «Помалкивай. Ведь разговоры стоят ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — слово!»

«Они только и думают, что об этой несчастной ТЫСЯЧЕ ФУНТОВ», — решила Алиса.

Все это время ее внимательно рассматривал Кондуктор: сперва в телескоп, потом в микроскоп, а потом в театральный бинокль. В конце концов он сказал:

— Ты едешь не в ту сторону, — закрыл окно и ушел.

— Девочки, — сказал Джентльмен, сидевший напротив Алисы (он весь был завернут в белую бумагу), — девочки обязаны знать, куда они едут, даже если они не знают, который час.

Козел, дремавший слева от Бумажного Джентльмена, открыл глаза и сказал:

— Девочки обязаны знать, где находится касса, даже если они не знают, сколько будет дважды два!

Рядом с Козлом сидел Жук (это был очень странный поезд, и ехали в нем самые разные пассажиры). Все говорили по очереди, и теперь настала очередь Жука. Поэтому он небрежно заметил:

— Ее нужно отправить обратно. В багажном вагоне.

Алиса не видела, кто сидит рядом с Жуком, но тут она услышала, как чей-то голос игриво произнес:

— Скажите, неужели нельзя прицепить второй паровоз?

После этого послышался кашель, и игривый голос замолк.

«По-моему, это Лошадь», — решила Алиса. В то же

время у самого ее уха раздался НЕВЕРОЯТНО ТО-
НЕНЬКИЙ ГОЛОСОК:

— Вы могли бы изумительно пошутить... в том духе, что вот у Лошади грива, а выражается она игриво... Что-то в этом роде.

На другом конце вагона чей-то голос тихо сказал:

— Наклеим на нее бумажку: «АЛИСА. НЕ КАН-
ТОВАТЬ».

А другие голоса («Сколько же здесь народу!» — подумала Алиса) заговорили в ответ:

— Давайте отправим ее заказным письмом... Или пошлем по телеграфу... Или заставим тянуть наш вагон вместо паровоза! — и так далее и тому подобное.

Но Джентльмен, Завернутый в Белую Бумагу, наклонился к ней и прошептал:

— Ничего не бойся, девочка, и на каждой остановке бери два обратных билета...

— Не хочу! — нетерпеливо перебила его Алиса. — И вообще я не имею никакого отношения к этому поезду... Я только что была в Лесу... и хочу обратно!

— Вы могли бы отлично пошутить, — сказал ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК у нее над ухом. — В том духе, если уж ВЛЕЗ В ЛЕС, то чего же оттуда вылезать... Что-то в этом роде.

— Не хочу! — сказала Алиса, безуспешно пытаюсь понять, кто это говорит. — Шутите, пожалуйста, сами, если считаете нужным.

ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК тяжело вздохнул: он, видимо, был очень несчастен, и Алисе захотелось его утешить. «Хоть бы он вздохнул, как все остальные», — подумала она. Но вздох был такой с л а б ы й, что она ни за что бы его не услышала, если бы он не раздался у самого ее уха. Из-за этого в ухе стало шекотно, и это отвлекло ее от страданий ТОНЕНЬКОГО ГОЛОСКА.

— Я знаю, вы мне друг, — продолжал ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК, — добрый, старый, надежный друг. И вы не обидите меня только за то, что я... Насекомое.

— Насекомое? А какое? — встревоженно спросила Алиса. На самом деле она просто хотела узнать, может ли это насекомое у ж а л и т ь или, чего доброго, укусить, но решила, что спросить об этом прямо — невежливо.

— Ах, значит вы не любите... — начал было ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК, но его заглушил гудок паровоза.

Все пассажиры повскакивали со своих мест. Вскочила и Алиса.

Лошадь высунулась из окна, после чего снова уселась на место и спокойно сказала:

— Ничего страшного. Сейчас поезд будет прыгать через ручей.

Все сразу успокоились. Одна Алиса чуть-чуть волновалась. Ей почему-то казалось, что поезда не умеют прыгать. «Зато мы попадем на Четвертую Клетку», — подумала она.

В тот же миг Алиса почувствовала, как вагон поднимается в воздух, и в ужасе ухватилась за ближайший предмет. Предметом оказалась Козлиная Борода.

Но Борода растаяла и исчезла, как только Алиса за нее схватилась, и в тот же миг она очутилась на траве, под деревом, а Комар (потому что именно он разговаривал с Алисой **ТОНЕНЬКИМ ГОЛОСКОМ**) уселся на ветке у нее над головой и обмахивал Алису своими крыльями.

Это был огромный Комар, «ростом с цыпленка», подумала Алиса. Впрочем, его она не боялась — ведь они уже успели поговорить в поезде.

— Итак, вы вообще не любите насекомых? — спросил Комар как ни в чем не бывало.

— Люблю... если они умеют говорить, — ответила Алиса, — а там, где я живу, ни одно насекомое этого не умеет.

— Обществом таких насекомых вы изволили наслаждаться у себя на родине? — спросил Комар.

— Я вовсе не наслаждалась их обществом, — объяснила Алиса. — Я их ужасно боюсь... особенно тех, что покрупнее. Зато я помню, как их зовут.

— Они, конечно, откликаются, если их позвать? — небрежно заметил Комар.

— Я не знала, что они умеют ... откликаться.

— Зачем же им имена, — возразил Комар, — если они на них не откликаются?

— Насекомым, конечно, незачем, — сказала Алиса. — Но наверно, так удобнее людям. Ведь это люди их как-то называли. А для чего вообще нужны имена?

— Понятия не имею, — ответил Комар. — Дальше в лесу есть такое место, где ни у кого нет имени. Впрочем, это к слову. Вы, кажется, хотели перечислить мне насеко-

мых, с которыми вы знакомы, а теперь тратите время зря.

— Ну, во-первых, пчела и шершень,— сказала Алиса и загнула два пальца.

— Вот именно,— ответил Комар.— Если вы внимательно посмотрите во-о-он на тот цветок, то заметите, что над ним вьется ПЧЕЛАМПА, а неподалеку от нее летает ТОРШЕРШЕНЬ. Они сделаны из стекла, и у обоих есть красивые железные подставки.

— А чем они питаются? — с величайшим любопытством осведомилась Алиса.

— Керосином,— ответил Комар.— Назовите еще кого-нибудь.

«Наверно,— подумала Алиса,— насекомые всегда летят на свет потому, что им хочется превратиться в ПЧЕЛАМПУ И ТОРШЕРШНЯ!» Насмотревшись на них, она сказала:

— Во-вторых, бывает саранча.

— Посмотрите на ветку у вас над головой,— промолвил Комар.— И вы увидите, что на ней сидят САРАНЧАШКА И САРАНЧАЙНИК. У САРАНЧАШКИ на голове блюдце с лимоном, а у САРАНЧАЙНИКА на носике ситечко. Крылья у них у обоих сделаны из пирога с вареньем, а головы — сахарные.

— А чем они питаются? — озабоченно спросила Алиса.

— Трехслойным мармеладом,— ответил Комар.— А гнезятся они в Серванте.

— В-третьих, бабочка,— сказала Алиса, нагледевшись на саранчайника с сахарной головой.

— Взгляните себе под ноги,— заметил Комар (Алиса испуганно отскочила в сторону),— и вы увидите, что на одуванчике сидит БАОБАБОЧКА. Крылья у нее сделаны из веток, а голова — из зеленых листьев БАОБАБА.

— А чем она питается?

— Вареным баобабом.

Алису это смутило.

— А если она не найдет н и к у с о ч к а вареного баобаба? — с тревогой спросила она.

— В таком случае она, разумеется, умрет.

— Но ведь ей, наверно, редко попадается вареный баобаб,— задумчиво произнесла Алиса.

— Он ей никогда не попадается,— ответил Комар.

Минуту Алиса сидела молча, а Комар развлекался тем, что с жужжанием летал у нее над головой.

Наконец он снова уселся на ветку и сказал:

— Надеюсь, вы не намерены потерять свое имя?

— Конечно, нет,— растерянно ответила Алиса.

— Не знаю, не знаю...— пробормотал Комар.— Вы только подумайте, как удобно вернуться домой без имени! Например, вас вызывают на уроке. Учительница говорит: «Иди к доске...» — и тут она замолчит, потому что у вас не будет имени, и вы, разумеется, сможете сделать вид, что зовут не вас, а кого-то там!

— Ничего из этого не выйдет,— сказала Алиса,— и все равно придется отвечать мне, а не кому-то там. Если учительница забудет, как меня зовут, она скажет: «Эй, ты!», или «Эй!», или еще как-нибудь.

— Если она скажет вам «Эй»,— беспечно проговорил Комар,— вы сможете не отвечать ЕЙ. Это шутка. Мне хотелось бы считать, что это в а ш а шутка.

— Почему? — удивилась Алиса.— Ведь это шутка совсем не смешная.

Но Комар только тяжело вздохнул, и Большая Слеза скатилась по его щеке.

— Зачем вы шутите,— сказала Алиса,— если у вас от этого портится настроение?

Комар только вздохнул и, видимо, исчерпал запас вздохов, потому что, когда Алиса оглянулась, на ветке уже никого не было.

Становилось все холоднее, трава стала совсем сырой, а потому Алиса встала и пошла дальше.

Она шла и шла, пока не вышла на большую поляну, за которой снова начинался Лес. В новом Лесу было еще темнее, чем в прежнем, и Алиса за сомневалась, стоит ли ей идти дальше. «Нет, назад я не вернусь,— в конце концов решила она.— Мне ОБЯЗАТЕЛЬНО нужно добраться до Восьмой Клетки!»

— Должно быть, это тот самый Лес,— размышляла она,— про который Комар сказал, что здесь ни у кого нет имени. Интересно, а с моим именем что случится? Оно потеряется? А мне дадут новое... и наверняка страшно уродливое. И мое старое имя привяжется к кому-нибудь другому! Как в объявлении о пропаже: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПЕС ДРУЖОК. БЕЛОЕ ПЯТНО НА ПРАВОЙ ЗАДНЕЙ ЛАПЕ. ОТЗЫВАЕТСЯ ТАКЖЕ НА ИМЕНА ШАРИК И РОЛИК...» И вот потеряю я мое имя и всех, кто мне повстречается по пути, буду спрашивать: «Извините, вы

случайно не Алиса?», пока кто-нибудь не ответит: «Угу». Только кто же мне ответит?

Так она размышляла, пока шла через поляну. В Лесу было темно и прохладно.

— Ну,— сказала Алиса, очутившись в тени,— может быть, я и потеряю имя, но все равно после такой жары так приятно посидеть под... под... под ЧЕМ? — Тут она положила руку на ствол дерева.— Интересно, а оно само как себя называет? Неужели никак? Неужели у него нет имени?

Минуту она постояла молча, а потом снова заговорила:

— Значит, Комар был прав! Ну хорошо, а кто я такая? Сейчас вспомню. Обязательно вспомню. Непременно вспомню!!!

Но ничего не вышло, и все, что Алиса смогла придумать после долгих размышлений, было:

— Могу поспорить, что мое имя начинается на «Ы»! Или, МОЖЕТ БЫТЬ, на твердый знак...

В это время мимо проходил Олененок. Он ни капельки не испугался, когда заметил Алису.

— Иди сюда! — позвала она и протянула руку, чтобы его погладить, но Олененок отскочил в сторону, остановился и снова посмотрел на нее; наконец он спросил:

— Как тебя зовут? (И какой же у него был чудесный, ласковый голос!)

«Действительно, как же меня зовут?» — подумала несчастная Алиса и ответила:

— Никак.

— Это имя тебе не подходит,— сказал Олененок.— Попробуй вспомнить еще какое-нибудь.

Алиса принялась вспоминать, но ничего из этого не вышло.

— А как т е б я зовут? — робко спросила она.— Мне почему-то кажется, что, если ты вспомнишь, у меня это тоже получится.

— Пошли в ту сторону,— предложил Олененок.— Я, наверно, вспомню, но только на опушке.

Алиса обняла его за шею, и они пошли дальше, пока снова не вышли на поляну. Тут Олененок подпрыгнул и рванулся в сторону.

— Я Олененок! — радостно крикнул он.— А ты... Ты человек!

Тут он в ужасе глянул на Алису и в то же мгновение стрелой понесся в Лес.

Алиса глядела ему вслед, чуть не плача от того, что так быстро рассталась с таким симпатичным спутником. «Зато теперь я знаю, как меня зовут,— подумала она.— Это как-то поднимает настроение. АЛИСА... Ни за что больше не забуду! Интересно, а какая стрелка указывает п р а в и л ь н у ю дорогу?»

Вряд ли стоило задавать этот вопрос: через Лес проходила всего одна дорога, и обе стрелки указывали в одну и ту же сторону.

— Посмотрим, что будет на развилке,— решила Алиса.— Там наверняка стрелки будут направлены в разные стороны.

Но Алиса ошиблась. На развилке обе стрелки тоже смотрели в точности в одну и ту же сторону. На одной было написано: «ТАМ ЖИВЕТ ТАРАРАМ», а на другой — «ТАМ ПРОЖИВАЕТ ТИЛИБОМ».

«Скорее всего,— подумала Алиса,— скорее всего, они живут вместе! Странно, как это раньше мне не пришло в голову?.. Но задерживаться у них мне нельзя! Я только скажу «Как поживаете?» и спрошу, как выйти из этого Леса. Пока не стемнеет, я должна добраться до Восьмой Клетки».

И она пошла дальше и шла себе, болтая всякую всячину, пока, завернув за угол, не увидела двух **ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИХ** и **ОЧЕНЬ ТОЛСТЕНЬКИХ** человечков, которые очутились перед ней совершенно не о ж и д а н н о. Так не о ж и д а н н о, что она вздрогнула. Правда, она сразу успокоилась, потому что поняла, что это...

Глава четвертая Тилибом и Тарарам

Они стояли под деревом, взявшись за руки. Алиса почти сразу догадалась, кто они такие: ведь у одного человечка на воротничке было написано «АРАРАМ», а у другого — «ИЛИБОМ».

— Наверно, — решила Алиса, — сзади на воротничках написана буква «Т».

Она было собралась это проверить, но тут Тилибом, который до этого стоял совершенно неподвижно и не мигая глядел на Алису, проворчал:

— Если ты считаешь, что нас **ВЫСТАВИЛИ НА ОБОЗРЕНИЕ**, нечестно смотреть на нас бесплатно. Если уж нас выставили **НА ОБОЗРЕНИЕ**, то не для того, чтобы на нас **ГЛАЗЕЛИ ЗАДАРОМ**. Ни коим образом!

— С другой стороны, — добавил Тарарам, — если ты придерживаешься **ПРОТИВОПОЛОЖНОГО** мнения, нечестно все время молчать.

— Извините меня, пожалуйста, — сказала Алиса, потому что больше ничего не могла придумать. У нее в голове вертелись слова одной старой песенки, и она чуть не прочла вслух:

Тили-тили-тили-бом!
Поехал в гости Тилибом.
Тарарам, оставшись дома.
Сломал трещотку Тилибома.

Тилибом и Тарарам
Подняли страшный тарарам!

Тарарам сказал знакомым,
Что будет драться с Тилибомом.
В тот же миг со всех сторон
Прилетело сто ворон,
А Тилибом и Тарарам
Опять подняли тарарам.

— Я знаю, что тебе пришло в голову,— строго сказал Тилибом,— но **КЛЯНУСЬ**, все было вовсе не так. Никоим образом!

— С другой стороны,— добавил Тарарам,— если все так и было, то все именно так и было. Если же все было бы так, то все не могло бы быть не так. Но поскольку все было не совсем так, все было совершенно не так. Ясно и логично!

— Скажите, пожалуйста,— вежливо спросила Алиса,— как мне выйти из этого Леса? Становится темно, а я сбилась с дороги.

Но братья только переглянулись.

Они были до того похожи на двух школьников, что Алиса, указав на Тилибома пальцем, строго проговорила:

— Встань и отвечай, раз тебя спрашивают!

— Никоим образом! — гаркнул Тилибом и со щелчком захлопнул рот.

— Тогда отвечай ты! — велела Алиса Тарараму, хотя и была совершенно уверена, что он крикнет: «С другой стороны!» (что он и сделал).

— Это **НЕЧЕСТНО**, — возмутился Тилибом. — Первое, что следует сделать, если уж ты пришла в гости, это сказать «Как поживаете?» и пожать руки хозяевам.

Тут братья нежно обняли друг друга, а свободные руки протянули Алисе.

Чтобы никого не обидеть, она пожала им руки одновременно, и в тот же момент оказалось, что они водят хоровод. Алису это ничуть не удивило и, как она рассказывала впоследствии, ей не показалось странным даже то, что в ту же минуту зазвучала музыка. Оказалось, что это играет дерево, вокруг которого они вели хоровод: ветки терлись о корни, как смычки о струны.

— Представь себе,— рассказывала потом Алиса своей старшей сестре,— как мне стало смешно, когда оказалось, что я пою: «Я люблю, конечно, всех, но Тилибома больше всех!» Правда, я не помню, когда мы начали петь, но у меня было такое чувство, что пели мы ужасно долго.

Кавалеры у Алисы были маленькие и толстенские, а потому скоро выдохлись.

— Четырех кругов вполне достаточно. И даже более того,— пропыхтел Тилибом, и они бросили водить хоровод так же внезапно, как и начали. В ту же минуту прекратилась и музыка.

Тилибом и Тарарам опять не мигая уставились на Алису. Наступило неловкое молчание, а она все не могла сообразить, как же начать беседу с людьми, с которыми ты только что водил хоровод. «По-моему, как-то неловко спрашивать, как они поживают,— подумала она.— У меня такое ощущение, как будто про это мы уже говорили».

— Вы, наверно, устали? — наконец спросила Алиса.

— Никоим образом. И большое тебе спасибо за заботу,— ответил Тилибом.

— Очень тебе обязан,— добавил Тарарам.— Кстати, как ты относишься к стихам?

— К стихам? Ну, вообще-то...— осторожно начала Алиса.— Скажите, пожалуйста, если я пойду по этой дороге, я скоро выйду из Леса?

— Что именно ей прочесть? — торжественно спросил Тарарам у Тилибома, не обращая на вопрос Алисы ни малейшего внимания.

— «Тюлень и Плотник», кажется, длиннее всего,— ответил Тилибом и прочувствованно похлопал брата по плечу.

В ту же секунду Тарарам начал:

Вокруг была ночная мгла...

Алиса решительно его перебила.

— Если эти стихи **ОЧЕНЬ** длинные,— сказала она, изо всех сил стараясь быть вежливой,— то, может быть, лучше вы мне сначала скажите, по какой дороге...

Тарарам мило улыбнулся и начал с начала:

Вокруг была ночная мгла,
А по небу луна плыла,
И туча шла за тучей.
Вдобавок солнышко пекло,
И было ужас как светло.
Да, ОЧЧЕНЬ странный случай.

В обиде фыркнула луна:
«Я вам, как видно, не нужна» —
И страшно покраснела.
Шумела мокрая вода,
Песок был желтый (как всегда),
И травка зеленела.

Вот в эту ночь (простите, день!)
У моря Плотник и Тюлень
Гуляли до рассвета.
Тюлень воскликнул: «Вот тоска!
На берегу п о л н о песка.
Меня тревожит это.

Не мог бы ты часам к шести
Весь этот берег подмести?»
Но Плотник не ответил:
Утер слезу и ни гугу
(Ну, а песка на берегу
Он просто не заметил).

«Эй, Караси,— сказал Тюлень,—
Вам что, на дне лежать не лень?
Пойдем пройдемся, братцы!» —
«А ты,— сказали Караси,—
Акулу лучше пригласи.
Счастливо прогуляться!»

Но три НЕОПЫТНЫХ малька
Уже спешат издалека,
Чтобы пройтись с Тюленем,
А Кашалоты и Плотва
Взирают на мальков с едва
Заметным удивленьем.

Они гуляли до утра...
Вдруг плотник закричал: «Ура!

Мы, кажется, у цели!»
Присели на песок они
(Тюлень устроился в тени,
Мальки на солнце сели).

Тюлень сказал: «Я не пойму,
Зачем (а также почему)
На свете есть капуста.
И каковы причины те,
Из-за которых в решете
Подчас бывает пусто».

«Постой,— взмолились Караси,—
Полегче что-нибудь спроси.
Все это странно как-то...»
А Плотник нехотя изрек
(В его глазах стоял упрек):
«Тюлень, побольше такта!»

Тюлень продолжил: «Как всегда,
У нас с собой сковорода,
Горчица и сметана.
А раз у нас все это есть,
То КОЙ-КОГО мы можем съесть!» —
И улыбнулся странно.

Но Караси сказали: «Нет!
Еще не знал весь белый свет
Такого преступленья!»
Тюлень заметил: «До чего ж
Сегодняшний пейзаж пригож...
Прекрасна жизнь тюленья!

Мы очень рады, Караси,
Что вы пришли сюда. СПАСИ-
БО». Плотник лег устало
И прошептал: «Ты что, ослеп?!
Ну кто так толсто режет хлеб?
К тому же перца мало».

Тюлень сказал: «Мне все претит!
Куда пропал мой аппетит?!
Нам не простят обмана!

Мы их съедем в расцвете сил!..»
А Плотник только и спросил:
«Послушай, где сметана?»

Тюлень воскликнул: «Как всегда,
Я помираю со стыда!» —
И сел у сковородки.
В его глазах была тоска
(Он вытер с помощью платка
СЛЕЗУ на подбородке).

Тут Плотник заявил: «Пора!
Мы с Карасями тут с утра.
Скорей пошли обратно!»
Но промолчали Караси.
А почему?.. У них спроси,
Хотя и так понятно.

— Мне больше нравится Тюлень, — сказала Алиса. —
Все-таки ему было ж а л к о бедных Карасей. И потом,
он да же заплакал и вытер слезу платком.

— Но при этом съел больше Плотника, — возразил
Тарарам. — Кроме того, платком он вытирал сметану.

— Безобразие! — возмутилась Алиса. — Раз так, мне
больше нравится Плотник: ведь он съел меньше Тюленя.

— Никоим образом! Ведь он съел все, что ему до-
сталось, — сказал Тилибом.

Задача оказалась неразрешимой. Помолчав, Алиса
ответила:

— Ну и ладно! Оба они хороши...

Но тут она замолчала, потому что из Лесу слы-
шался РЕВ, который она сперва приняла за ГУДОК
паровоза, а потом — за урчание дикого зверя.

— Скажите, тут водятся хищные животные? — роб-
ко спросила она.

— Это храпит Черный Король, — ответил Тарарам.

— Пошли на него посмотрим! — закричал Тилибом,
и братья повели ее к месту, где спал Король.

— Не правда ли, трогательное зрелище? — сказал
Тилибом.

Алиса, честно говоря, так не думала. Король, скрю-
чившись, лежал под деревом и издали напоминал
продавленную кушетку. Вдобавок на нем была мятая

пижама и ночной колпак с кисточкой. Время от времени он звучно всхрапывал.

— И как у него голова не оторвется от храпа? — мимоходом заметил Тилибом.

— Как бы он не простудился — трава совсем сырая, — сказала Алиса (она была очень вдумчивой девочкой).

— Ему снится сон, — сказал Тарарам. — А как ты думаешь, что ему снится?

— Никто этого не узнает, пока Король не проснется и сам не расскажет, — ответила Алиса.

— Вот и нет! Вот и нет! Ему снишься ты! — воскликнул довольный Тарарам и захлопал в ладоши. — А как по-твоему: где ты окажешься, если перестанешь ему сниться?

— Там же, где и была, — ответила Алиса.

— Как бы не так! — презрительно сказал Тарарам. — Тебя вообще нигде не будет. Ведь ты — просто ОДИН ИЗ ЕГО СНОВ!!!

— И если Король проснется, — добавил Тилибом, — ты улетишь — бац! бумм! ПШШШ! — как лопнувший шарик.

— А вот и не улечусь! — сердито закричала Алиса. — Кстати, если Я всего лишь один из снов Короля, то интересно, кто Вы такие?

— Тоже сны, разумеется, — пояснил Тарарам.

Сказано это было так громко, что Алиса заметила:

— Тише! Смотрите, если будете так шуметь, Король проснется.

— Ну, знаешь, не тебе судить, проснется он или нет, — сказал Тилибом, — ведь ты — всего лишь его сон. Ты отлично знаешь, что ты не в а п р а в д а ш н я я.

— Нет, в а п р а в д а ш н я я, — сказала Алиса и заплакала.

— Слезами делу не поможешь, — высказался Тарарам. — От плача в а п р а в д а ш н е е не станешь.

— Если бы я была невзаправдашняя, — ответила Алиса, улыбаясь сквозь слезы (все это было совсем не страшно, и ей в конце концов стало весело), — я бы тогда не умела плакать.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что плачешь НАСТОЯЩИМИ слезами? — с величайшим презрением перебил ее Тарарам.

«Я знаю, что все это понарошку,— подумала Алиса,— и поэтому плакать — глупо». Она вытерла слезы и, стараясь держаться как можно веселее, сказала:

— Ну ладно, мне пора выбираться из Лесу. Становится совсем темно. Наверно, скоро пойдет дождик.

Тилибом раскрыл огромный зонт, спрятался под ним вместе с Тарарамом и посмотрел на небо.

— Может, дождь и будет. Только вряд ли,— сказал он.— По крайней мере под этим зонтиком.

— А что, если дождь пойдет в округ зонтика?

— Это его дело... Пусть идет, если ему хочется пройтись,— ответил Тарарам.— Мы не возражаем...

«Эгоисты!» — подумала Алиса и уже собралась было сказать «До свидания!» и уйти восвояси, как вдруг Тилибом выскочил из-под зонта и схватил ее за руку.

— Каково! КАКОВО?! — спросил он, задыхаясь от возмущения. Глаза у него сделались круглыми и желтыми, как у кота. Дрожащей рукой он указывал на какую-то Разноцветную Штуковину, лежавшую под деревом.

— Это трещотка,— сказала Алиса, внимательно рассмотрев Разноцветную Штуковину.— Она умеет замечательно трещать, и не нужно ее бояться,— добавила она, думая, что Тилибом испугался.— Не нужно! Это самая обычная трещотка, довольно старая и, кажется, сломанная.

— Каково! КАКОВО?! — взвизгнул Тилибом, затопал ногами и затряс головой.— Так и есть! Ее сломали! — тут он взглянул на Тарарам, который тут же спрятался под зонтиком.

Алиса обняла Тилибома и попыталась его утешить.

— Стоит ли расстраиваться из-за какой-то старой трещотки,— сказала она.

— Не старая она, не старая! — разозлившись еще сильнее, заорал Тилибом.— Она новая! Моя чудная, НОВЕХОНЬКАЯ трещотка! Я купил ее ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ...

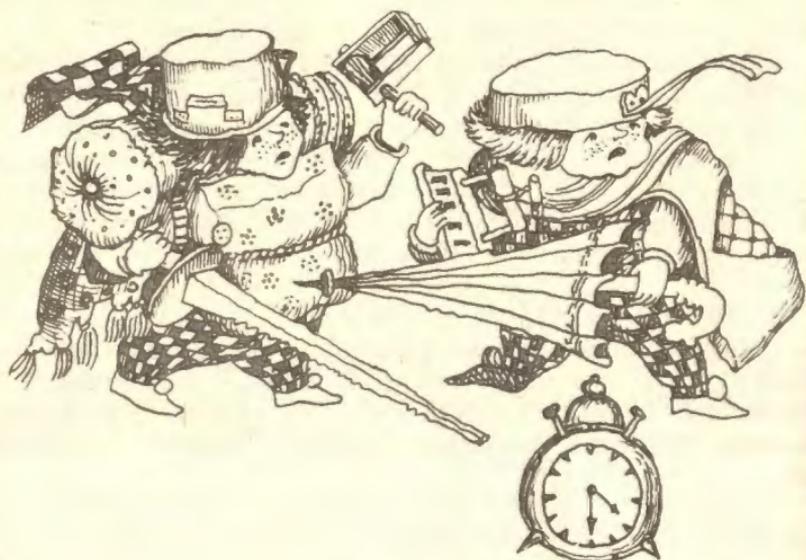
Тут он завизжал на весь Лес.

В это время Тарарам упорно пытался залезть в зонт и закрыться в нем изнутри: это было настолько захватывающее зрелище, что Алиса начисто забыла о разбушевавшемся Тилибومه. Правда, Тарарам так и не смог довести дело до конца: зонт вместе с содержи-

мым покотился по траве, причем около ручки торчала Тарарамова голова. Голова по очереди открывала то рот, то глаза, и все вместе «было удивительно похоже на пойманного карася», как решила Алиса.

— Надеюсь, ты не станешь уклоняться от Честного Боя? — немного успокоившись, спросил Тилибом у Тарарама.

— Не стану, — мрачно ответил Тарарам, выкарабки-

ваясь из зонтика. — Только пусть она поможет нам надеть доспехи.

Тут оба брата, держась за руки, скрылись в Лесу и через некоторое время вернулись, нагруженные всяким добром: диванными валиками, ковриками, кастрюлями, ведрами, одеялами, занавесками, салфетками, утюгами, подушками, сковородками, креслами-качалками и плюшевыми гардинами.

— Надеюсь, ты умеешь ПРИШИВАТЬ и ПРИШПИЛИВАТЬ, — сказал Тилибом Алисе. — Все, что мы принесли, пойдет в дело.

Много позже Алиса признавалась, что никогда в жизни не видела такой суматохи: оба братца ужасно

суетились, надели на себя кучу всяких вещей и все время ругали ее за то, что она ПРИШИВАЕТ и ПРИШПИЛИВАЕТ слишком медленно.

«Когда я все ПРИШПИЛЮ, они будут как две капли воды похожи на огородные пугала,— подумала Алиса, прилаживая на шею Тарараму диванный валик (как он выразился, «чтобы обезопасить голову»).

— Голова,— поучал ее Тарарам,— самое слабое

место в бою. Главное, не потерять голову, если, к примеру, коварный враг захочет ее отрубить.

Алиса засмеялась, но чтобы не обидеть Тарараму, притворилась, что на нее напал кашель.

— Сегодня я, кажется, бледнее обычного? — спросил Тилибом, надевая на голову сковородку.

— Да, чуточку,— ласково сказала Алиса.

— Вообще-то я ОЧЕНЬ отважен,— прошептал Тилибом,— но как раз сегодня у меня разболелась голова.

— А у меня второй день ноют зубы! — немедленно закричал Тарарам.— Зубы важнее головы: значит, мне хуже, чем тебе.

— Тогда лучше все отложить до завтра,— сказала Алиса, считая, что это прекрасный повод для заключения мира.

— Мы обязаны малость подраться,— ответил Тилибом.— Но думается, бой будет не слишком долгим... Который час?

— Полпятого,— ответил Тарарам, взглянув на часы.

— Тогда деремся до шести, а в шесть обедаем! — предложил Тилибом.

— Ладно,— печально согласился Тарарам.— Только пусть ОНА на нас смотрит... Не подходи слишком близко,— добавил он.— Если я настроен воинственно, я кидаюсь с мечом на все, что вижу.

— А я кидаюсь с мечом на все, что подвернется,— крикнул Тилибом,— все равно, вижу или нет!

Алиса засмеялась:

— Вы, наверно, все время попадаете по деревьям. Тилибом с достоинством улыбнулся.

— Не думаю,— сказал он,— что к шести часам здесь останется хотя бы одно целое дерево.

— И все из-за трещотки! — воскликнула Алиса, все

еще надеясь, что им станет хоть чуточку стыдно драться из-за такой чепухи.

— Но ведь она была совсем **НОВАЯ!** Из-за старой я, может быть, и не стал бы драться,— ответил Тилибом.

«Вот если бы сейчас прилетело сто ворон...» — подумала Алиса.

— У нас только один меч,— сказал брату Тилибом.— Но ты, если хочешь, можешь взять зонтик. Он даже острее. Пора начинать, а то темнеет и я почти ничего не могу разглядеть.

— А я не только не могу, но и не хочу,— сказал Тарарам.

Действительно, внезапно стало совершенно темно. Алиса решила, что надвигается гроза.

— Какая черная туча! — воскликнула она.— Как быстро она приближается! Ой, по-моему, у нее крылья!

— Вороны! — завопил Тилибом.

Оба брата дернули что есть мочи и через минуту исчезли из виду.

Алиса побежала за ними, но потом остановилась под высоким деревом.

«Здесь воронам до меня не добраться,— подумала она.— Им ни за что не пролететь через чашу. Хорошо бы, они перестали хлопать крыльями, а то в Лесу начнется самый настоящий ураган! Ну вот, кто-то потерял шаль... Она летит прямо на меня!»

Глава пятая Пух-перо

Алиса поймала шаль и оглянулась по сторонам в поисках хозяйки. В тот же миг из Лесу выскочила Белая Королева. Королева беспомощно размахивала руками, как будто собиралась взлететь. Алиса пошла ей навстречу.

— Хорошо еще, я заметила вашу шаль,— сказала Алиса, набрасывая ее на плечи Королеве.

Королева испуганно посмотрела на Алису и быстро пробормотала что-то вроде «пух-перо, пух-перо». Тут Алиса сообразила, что ей самой придется завести разговор, и робко сказала:

— Простите, но если судить по виду Вашего Величества...

— Как? Судить Повидло Моего Величества? — вздрогнула Королева. — Уверяю тебя, Повидло тут совершенно ни при чем: шаль сама потерялась. Она, знаешь ли, все время норовит куда-нибудь смыться.

Алиса решила, что не стоит начинать разговор с Королевой со Спора о Повидле, и сказала:

— Конечно, конечно, Ваше Величество. Если вы посоветуете мне, с ЧЕГО нужно начать, я постараюсь пришить вашу шаль.

— Ах, нет! Не надо! — простонала несчастная Королева. — Я и так БИТЫЙ ЧАС с ней провозилась.

«Ну, ей не обойтись без посторонней помощи! — подумала Алиса. — Удивительная неряха, хоть и Королева! Платье наизнанку, а шпильки...»

— Т а к хорошо? — спросила она, прищипив шаль.

— Не знаю, просто не знаю, ЧТО С НЕЙ СТЯС-ЛОСЬ! — тоскливо сказала Королева. — У этой шали гадкий, подлый характер! Я ведь прищипила ее и тут, и тут, и ТУТ, но ей никак не угодишь!

— Да, но так она держалась только с одной Стороны, — возразила Алиса и ловко приколола шаль. — О ГОСПОДИ! ЧТО С ВАШЕЙ ГОЛОВОЙ?! По виду Вашего Величества можно подумать...

— Повидлу Моего Величества нельзя подумать. Оно не умеет думать, — раздраженно ответила Королева. — И при чем тут Повидло? Просто у меня в волосах н е м н о ж к о запутался Гребешок. А Расческу я потеряла позавчера.

Алиса аккуратно высвободила Гребешок и принялась причесывать Королеву.

— Ну вот! Теперь совсем другое дело! — воскликнула она, когда все шпильки очутились на своих местах. — Но, ПО-МОЕМУ, вам нужен Парикмахер.

— С удовольствием назначу Парикмахером тебя, — подхватила Королева. — Условия льготные: куча денег и Повидло Моего Величества через день.

Алиса засмеялась и ответила:

— Деньги мне не нужны... А Повидло я терпеть не могу.

— Зря. Повидло что надо, — заметила Королева.

— Ну, с е г о д н я мне Повидла не хочется.

— А с е г о д н я ты его и не получишь, — сказала Королева. — Повидло выдается только ЗАВТРА и ВЧЕРА, но ни в коем случае не СЕГОДНЯ...

— Но ведь ЗАВТРА рано или поздно превратится в СЕГОДНЯ, — не согласилась с Королевой Алиса.

— Не превратится, — сказала Королева. — ЗАВТРА — оно и есть ЗАВТРА. Я же сказала: Повидло выдается ч е р е з день, значит, НЕ сегодня, правда?

— Не понимаю, — ответила Алиса. — Здесь какая-то ошибка.

— Это из-за того, что у меня вся жизнь — ЗАДОМ НАПЕРЕД, — любезно пояснила Королева. — Сперва все удивляются...

— ЗАДОМ НАПЕРЕД? — повторила пораженная Алиса. — Что это значит?

— ... но потом догадываются, что в этом есть извест-

Алисе пришлось заткнуть уши: вопли Королевы отчасти напоминали паровозную сирену.

— В чем дело? — спросила Алиса, когда сирена стала выть потише. — Вы укололись?

— Да нет, пока что не укололась, — спокойно сказала Королева. — Но в ближайшее время уколую. ОЙ-ОЙ-ОЙ-ОЙ!

— И когда же вы собираетесь уколаться? — улыбаясь, спросила Алиса.

— Когда я начну прикалывать шаль, булавка расстегнется, — проговорила измученная Королева, — и я... Ой!

В этот момент булавка действительно расстегнулась, а Королева подхватила ее на лету и попыталась водворить на место.

— Осторожно! — крикнула Алиса и бросилась к Королеве. — Она снова...

Но было уже поздно: булавка вонзилась Королеве в палец.

— Чур, считается за рану, — сказала она Алисе с улыбкой. — Теперь ты поняла, что значит помнить все задом наперед?

— А почему же вы теперь не кричите? — спросила Алиса, с готовностью затыкая уши.

— По этому поводу я уже кричала, — ответила Королева. — Что же, прикажешь все сначала начинать?

Между тем снова стало светло.

— Неужели вороны улетели? — сказала Алиса. — Наконец-то, как я рада! А я-то думала, что уже вечер.

— Вот бы и мне научиться радоваться! — заметила Королева. — Когда-то меня научили, но я позабыла, как это делается. Здорово тебе живется: гуляешь себе по Лесу и радуешься сколько хочешь.

— Мне здесь ТАК одиноко! — тоскливо сказала Алиса и, подумав о том, как ей одиноко, заплакала.

— Немедленно, немедленно прекрати! — воскликнула истерзанная Королева, в отчаянии ломая руки. — Ты сама подумай: ведь ты уже не маленькая. Ты сама подумай: ведь тебе еще долго идти. Ты сама подумай: который сейчас час. ТЫ САМА ПОДУМАЙ... о чем-нибудь, скажем, сколько будет семью девять... Только, пожалуйста, перестань плакать!

Алиса засмеялась сквозь слезы.

— А вы... если начинаете о чем-нибудь думать, разве перестаете плакать? — спросила она.

— Еще бы,— решительно ответила Королева.— Нельзя делать двух дел сразу: ты ИЛИ плачешь, ИЛИ думаешь. Ну вот скажи мне, сколько тебе лет?

— Семь... точнее, семь с половиной.

— Точнее не обязательно,— заметила Королева,— Я тебе и так поверю. А теперь ты попробуй поверить мне: знаешь, мне **СТО ОДИН** год, **ПЯТЬ** месяцев и **ЧЕТЫРЕ** дня.

— Как-то не верится...— сказала Алиса.

— Не верится? — сочувственно переспросила Королева.— Ну попробуй еще раз: встань в исходное положение — руки на поясе, ноги на ширине плеч. Закрой глаза, заткни уши и сделай глубокий вдох. Начали!

Алиса рассмеялась.

— Ничего не выйдет,— сказала она.— Я не умею верить в невероятные вещи.

— Ты просто давно не упражнялась,— предположила Королева.— В твои годы я каждый день занималась этим по полчаса. Случалось, что до завтрака я успевала одним махом поверить в **ШЕСТЬ** невероятных вещей. Ну вот, опять эта шаль!

Булавка опять расстегнулась, и внезапный порыв ветра подхватил шаль и перенес ее через узенький ручеек. Королева снова замахала руками и поспешила за шалью. На этот раз шаль далеко не ушла.

— Поймала! Поймала! — торжествующе закричала Королева.— Теперь я докажу тебе, что сама могу с ней справиться!

— Значит, палец болит меньше? — вежливо поинтересовалась Алиса и тоже перескочила через ручеек.

. . . . .

— Конечно, меньше! — воскликнула Королева и визгливо затянула: — Ме-еньше! Ме-е-еньше! Ме-е-е-еньше! Ммме-е-е-е...

Тут Королева замекала, как самая настоящая коза, да так похоже, что Алиса вздрогнула.

Она взглянула на Королеву, которая, казалось, внезапно обросла козьим пухом. Алиса принялась протирать глаза, после чего обернулась по сторонам. Она

никак не могла понять, что случилось. Где она? Почему вокруг полки, забитые товаром? И потом, КТО ЖЕ ЭТО? Неужели за прилавком сидит Коза? Как Алиса ни терла глаза, все оставалось по-прежнему: она действительно очутилась в крошечном темном магазинчике, а прямо перед ней на табуретке восседала Коза и вязала, время от времени деловито поглядывая на Алису поверх очков.

— Что желаете купить? — осведомилась Коза, на минуту отрываясь от вязания.

— Я еще не знаю, что я хочу купить. — вежливо сказала Алиса. — Я сперва на все вокруг посмотрю (конечно, если вы не против), а потом...

— Я не против, — ответила Коза. — Можешь посмотреть направо, можешь — налево. Но посмотреть на все вокруг ты не сможешь ни при каких обстоятельствах... если, конечно, у тебя нет глаз на затылке.

На затылке у Алисы глаз не было, и она ограничилась тем, что оглянулась по сторонам и подошла к полкам.

Полки, казалось бы, ломились от самых разных товаров, но странность заключалась в том, что стоило подойти к ним поближе, чтобы рассмотреть, что на них лежит, как сразу же оказывалось, что именно эти полки **СОВЕРШЕННО** пустые. Зато все остальные набиты до отказа.

— Мне за ней не угнаться! — жалобно сказала Алиса, после того как несколько минут подряд пробегала за какой-то **БЛЕСТЯЩЕЙ ШТУЧКОЙ**: иногда ее можно было принять за куклу, иногда за помидор, но **ШТУЧКА**, как назло, все время лежала на две полки выше той, на которую смотрела Алиса.

— Это она нарочно! — возмутилась Алиса. — Ну да ладно! — добавила она потому, что тут ее осенила изумительная мысль. — Погоди же!.. Я загоню тебя на самую верхнюю полку... Сквозь потолок тебе наверняка не пролезть!

Но ничего у Алисы не вышло: **ШТУЧКА** лихо проскочила сквозь потолок с таким видом, как будто никогда ничем другим не занималась.

— Ты кто — девочка или мартышка? — спросила Коза и взяла еще пару спиц. — Посиди спокойно, а то у меня из-за тебя голова закружилась.

Алиса взглянула на Козу и обомлела: КОЗА ВЯЗАЛА ЧЕТЫРНАДЦАТЬЮ СПИЦАМИ.

«И как это у нее выходит? — ужаснулась Алиса. — Теперь она похожа не на Козу, а на Дикобраза!»

— Кстати, грести ты умеешь? — спросила Коза, протягивая Алисе пару спиц.

— Немножко умею... но не на полу... и не спицами... — начала было Алиса, но тут спицы в ее руках превратились в весла, и Алиса вместе с Козой очутилась в узенькой лодочке, плывущей по тихой речке между высокими берегами. Алиса сразу же налегла на весла.

— Пух-перо! Пух-перо! — заорала Коза и схватила еще пару спиц.

Похоже было, что ответа Козе не требуется. Алиса промолчала и опять взмахнула веслами. «Что это за вода такая? — подумала она. — Весла в ней застревают так, что не вытащишь».

— Пух-перо! Пух-перо! — снова заорала Коза и схватила еще пару спиц. — Кабан в весла! Поднять порося!

«Откуда поднять? — поразились Алиса. — А вот было бы здорово, если бы сейчас в лодке оказался маленький розовый поросенок!»

— Пух-перо и одна ведьма! — рявкнула Коза, вытаскивая откуда-то новую связку спиц. — Ты что, не слышала, что я сказала? Поднять порося! Кабан в весла! Направление норд-хвост!

— Еще бы не слышала, — сказала Алиса. — Вы это уже несколько раз говорили. Скажите, а где же этот кабан?

— В воде, разумеется! — ответила Коза, затыкая часть спиц за рога (даже она уже не могла с ними справиться). — Пух-перо!

— Скажите, зачем вы все время повторяете: «Пух-перо, пух-перо»? — спросила Алиса, которой это порядком надоело. — Я же не птица.

— Нет, птица, — ответила Коза. — Ты гусыня надутая, вот ты кто.

Алиса обиделась, и несколько минут в лодке царило молчание. А лодку тихо сносило по течению, и время от времени весла застревали в густых водорослях. Кое-где на обрывистых берегах речки стояли деревья.

— Ой! — в восторге закричала Алиса. — Какие красивые лилии! Подождите, пожалуйста!

— Я-то тут при чем? — сказала Коза, не отрываясь от вязанья. — МНЕ можешь не говорить «пожалуйста». Я эти лилии не сажала — мне они не нужны.

— Ох, нет... я просто хотела сказать, что... если вы можете, подождите, пожалуйста, а я пока сорву несколько... самых красивых, — попросила Алиса. — Если, конечно, вы не возражаете против того, чтобы лодка остановилась.

— А я тут при чем? — удивилась Коза. — Ты гребешь — ты и останавливайся.

Алиса перестала грести, и течение медленно притянуло лодку к зарослям лилий.

И вот... Алиса закатывает рукава, и перегибается через борт, и опускает руки по локоть в прозрачную воду, и осторожно обрывает плотные стебли (чтобы ни в коем случае не обронить ни одного лепестка!), и касается воды кончиками распутившихся волос, и напрочь забывает о Козе с ее вязаньем, и разгоревшимися глазами глядит на все новые и новые лилии, шуршащие у бортов лодки.

«Только бы лодка не перевернулась! — подумала Алиса. — Ах, какие чудесные лилии! Только вон до тех мне не дотянуться».

И правда, было страшно досадно («Как будто они нарочно от меня убегают», — подумала Алиса), УЖАСНО досадно, что, хотя ей и попадались довольно красивые лилии, САМЫЕ красивые все-таки оставались слишком далеко от лодки.

— Чем они красивее, тем дальше! — в конце концов сказала она со вздохом. — До чего же упрямые — никак не даются в руки!

Тут Алиса — румяная, вымокшая, усталая — вернулась на свое место и принялась раскладывать на дне лодки свои сокровища.

Она почти не обратила внимания на то, что лилии сразу увяли и потеряли аромат. Даже НАСТОЯЩИЕ лилии — как тебе отлично известно — увядают почти сразу. А ведь это были ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ лилии, и, как только Алиса уложила их у своих ног, они растаяли, как снег. Но Алиса этого не заметила: вокруг было еще очень много удивительных вещей.

Они еще немного проплыли, но тут левое весло ЗАРЫЛОСЬ в воду и НЕ ЗАХОТЕЛО (как потом говорила Алиса) из нее вылезать. Вот почему рукоять весла вздыбилась, ударила Алису и, не обращая никакого внимания на ее крики, повалила ее на кучу лилий.

Алисе было нисколечко не больно; она снова уселась на скамейку, а Коза — Коза все это время вязала с таким видом, как будто ничего не случилось.

— Доигралась! — сказала она, когда Алиса уже сидела на своем месте, очень довольная тем, что не вылетела из лодки. — Доигралась! Я же говорила тебе: поднять порося! Кабан в весла!

— Кабан? А где же он? — спросила Алиса, осторожно всматриваясь в воду. — Интересно, как выглядят Плавучие Кабаны? Вы думаете, это он ударил по веслу?

Но Коза только ехидно захихикала и продолжала вязать.

— Здесь вообще много кабанов? — спросила Алиса.

— Пруд пруди, — ответила Коза. — Полно тут кабанов. Разнообразный выбор. Богатый ассортимент. ЧТО ЖЕЛАЕТЕ КУПИТЬ?

— КУПИТЬ? — переспросила Алиса, одновременно испугавшись и удивившись, потому что весла, лодка, речка — все пропало и она снова очутилась в том же маленьком темном магазинчике.

— Я хотела бы купить яйцо, — сказала она застенчиво. — Сколько стоят яйца?

— Одно яйцо стоит одну денежку, два — в два раза дешевле, — ответила Коза.

— Как? Два дешевле, чем одно? — удивилась Алиса и достала кошелек.

— Только если уж купишь два, придется съесть оба, — уточнила Коза.

— Дайте мне, пожалуйста, одно, — сказала Алиса и положила монету на прилавок, подумав: «Так спокойнее, а то второе может оказаться не очень свежим».

Коза взяла монету и запрятала ее в сундук. После этого она сказала:

— Я никогда никому ничего не даю прямо в руки... Это бы испортило все дело. Пойди и возьми его сама.

С этими словами она взяла яйцо и... нет, не положила, а поставила его на самую дальнюю полку.

«Интересно, почему это испортило бы все дело? —

подумала Алиса, на ощупь пробираясь среди столов и стульев (в лавочке была тьма кромешная). — Странно, чем дальше я иду, тем дальше от меня яйцо. Это что? Стул?.. Стул... с ветками... Как, с ветками? И потом, откуда здесь деревья?! И ручеек? Ну и магазин!»

Она шла и шла и все больше удивлялась. Все, что попадалось ей по пути, превращалось в дерево или в куст, стоило лишь подойти поближе. Поэтому Алиса решила, что и с яйцом случится то же самое.

Глава шестая Шалтай-Болтай

Но яйцо оставалось на месте и только делалось все больше и больше. Подойдя поближе, Алиса заметила, что оно очень похоже на человечка, а когда подошла совсем близко, поняла, что это сам ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ.

«Ну конечно, это он! — подумала Алиса. — У него это на лбу написано».

И вправду, на лбу у Шалтая-Болтая можно было написать что хочешь: такой это был огромный лоб. Сам Шалтай, скрестив ноги по-турецки, восседал на высоченном заборе, таком ВЫСОЧЕННОМ, что Алиса никак не могла понять, почему он до сих пор оттуда не свалился. Шалтай пристально смотрел куда-то в сторону и не обращал на Алису ни малейшего внимания. По-

этому она решила, что он все-таки не настоящий, а игрушечный.

— Ох,— сказала Алиса,— ох, до чего же он похож на яйцо! — и подставила руки, чтобы поймать Шалтая, на случай, если ему вдруг придет в голову упасть.

— ВЕСЬМА оскорбительно,— после продолжительного молчания высказался Шалтай-Болтай, по-прежнему не глядя на Алису,— ВЕСЬМА оскорбительно слышать, как тебя обзывают яйцом, ВЕСЬМА!

— Я ведь только сказала, что вы похожи на яйцо,— добродушно возразила Алиса,— и потом, яйца тоже бывают довольно симпатичными,— добавила она, надеясь, что выйдет комплимент.

— Кое-кто,— заметил Шалтай-Болтай, все так же глядя в сторону,— кое-кто здесь довольно туго соображает.

Алиса никак не могла придумать, что ему ответить: их разговор был вовсе не похож на разговор; ведь Шалтай-Болтай ни разу к ней не обратился. Судя по тому, куда был устремлен его взгляд, последнее замечание Шалтая относилось к соседнему дереву. Поэтому Алиса постояла немного молча, а потом прочла вот такие стихи (очень тихо, чтобы не услышал Шалтай):

Шалтай-Болтай сидел на стене,
Шалтай-Болтай свалился во сне,
Вся королевская конница, вся королевская рать
Не может Шалтая,
Не может Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать¹.

Последняя строчка, по-моему, длинновата,— громко добавила она, совершенно позабыв о том, что Шалтай может ее услышать.

— Прекрати болтовню,— сказал Шалтай-Болтай и в первый раз посмотрел прямо на Алису,— скажи-ка лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась.

— Меня зовут Алиса, и я...

— Довольно дурацкое имя! — нетерпеливо перебил ее Шалтай.— Что оно означает?

— Разве имя должно что-нибудь означать? — спросила озадаченная Алиса.

¹ Эти стихи перевел Самуил Яковлевич Маршак.

— Вне всякого сомнения,— фыркнул Шалтай-Болтай.— Л и ч н о м о е имя указывает на ту хрупкую форму, которая мне присуща. Потрясающая форма! А с таким именем, как у тебя, можно быть какой хочешь формы, даже самой уродливой.

— А почему вы здесь один? — спросила Алиса, испугавшись надвигающегося спора.

— А потому что здесь больше никого нет! — выпалил Шалтай-Болтай.— Ты что, думала, я не знаю ответа на ТАКУЮ загадку? Загадывай по новой!

— Вам не кажется, что для вас было бы безопаснее спуститься на землю? — продолжала Алиса, конечно, и не думая загадывать загадки, а просто беспокоясь об этом занятном человечке.— Забор ведь такой... ВЫСОЧЕННЫЙ!

— Ты загадываешь ЧУДОВИЩНО легкие загадки,— проворчал Шалтай-Болтай.— Нисколечко не безопаснее. Ну, положим, я упал (что, впрочем, совершенно невероятно), но, ПОЛОЖИМ...— Тут он поджал губы и стал таким солидным и важным, что Алиса еле удержалась, чтобы не засмеяться.— ПОЛОЖИМ, я упал...— продолжал он,— ведь Сам Король ОБЕЩАЛ МНЕ (Ага! Ага! Теперь можешь краснеть и бледнеть, если хочешь, конечно, ты ведь и не думала, не гадала, что я такое скажу!)... Сам Король обещал мне... он стоял передо мной вот как ты сейчас... ОН ОБЕЩАЛ... ОБЕЩАЛ...

— Послать всю королевскую конницу и всю королевскую рать,— неосторожно перебила Шалтая Алиса.

— Ну, знаешь! — возмутился Шалтай.— Век бы тебе этого не узнать, но ты, наверно, подслушивала под дверьми, глядела в замочную скважину, подсматривала через окно и пряталась в шкафу, когда мы с ним разговаривали.

— Ой, честное слово, я ничего такого не делала,— сказала Алиса.— Про это ведь в книжке написано.

— Ах вон оно что! Это другое дело. Такие события достойны занесения в книгу,— сказал Шалтай, успокоившись.— Это и есть История Родного Края. А теперь взгляни-ка на меня! Я один из тех, кому доводилось беседовать с Королем. Второго такого, как я, ты, может статься, никогда больше не увидишь. А для того чтобы показать тебе, что я не загордился, разрешаю пожать мою руку!

Он улыбнулся — от уха до уха — и наклонился (так

что чуть не полетел с забора), протягивая Алисе руку. Пожимая ее, Алиса с тревогой смотрела на Шалтая. «Если он улыбнется еще хоть чуточку сильнее,— думала она,— не знаю, что тогда случится с его головой. Боюсь, что верхняя половинка отвалится».

— Да-с, вся королевская конница и вся королевская рать,— продолжал Шалтай-Болтай,— соберет меня за одну секунду. Уж это-то наверняка! Впрочем, наша беседа идет слишком быстро, вернемся к предпоследнему замечанию.

— Простите, но я не помню, какое из них было предпоследнее,— очень вежливо сказала Алиса.

— В таком случае начнем все с начала,— ответил Шалтай-Болтай,— и теперь моя очередь выбирать, про что говорить. Итак, вот тебе вопрос. Сколько, ты сказала, тебе лет?

— Семь с половиной,— подумав, ответила Алиса.

— Чушь! — торжествуя воскликнул Шалтай.— Ничего похожего ты мне не говорила!

— Я думала, вы просто спросили «Сколько тебе лет?»,— сказала Алиса.

— Надо было бы, спросил бы,— ответил Шалтай-Болтай.

Алисе не хотелось с ним спорить, и она промолчала.

— Семь с половиной...— задумчиво повторил Шалтай-Болтай.— Никуда не годный возраст. Если бы ты спросила совета у меня, я сказал бы: «Остановись на семи!» Но теперь уже слишком поздно.

— Я ни с кем не советуюсь, расти мне дальше или нет! — возмущенно ответила Алиса.

— Это что, ниже твоего достоинства? — спросил Шалтай.

Алиса возмутилась еще сильнее.

— Я только хочу сказать,— ответила она,— что никто не может расти или не расти по собственному желанию!

— Сомневаюсь,— сказал Шалтай,— что Никто вообще может расти. У него для этого нет данных. А у тебя есть. Но ты вполне могла бы остановиться на семи, если бы тебя вовремя по-дружески поправили.

— Какой у вас изумительный поясок! — внезапно произнесла Алиса (ей казалось, что про ее возраст они уже поговорили более чем достаточно; и потом, они же по очереди выбирают, о чем разговаривать, а сейчас

была как раз ее очередь). — То есть, — секунду поразмыслив, поправилась она, — изумительный галстук. Ой, то есть нет, я имела в виду поясок... Ох, извините, пожалуйста! — И в ужасе она замолчала, потому что Шалтай изменился в лице, и Алиса уже начала жалеть, что завела этот разговор.

«Как бы мне узнать, — подумала она, — где у него ШЕЯ, а где ТАЛИЯ!»

Судя по всему, Шалтай-Болтай страшно рассердился. Сперва он сидел совершенно молча, потом что-то проворчал и только потом заговорил.

— Весьма... оскорбительно, — сказал он наконец, — когда Кое-Кто не может отличить галстук от пояска!

— Да, это ужасно невежливо с моей стороны, — покорно призналась Алиса, и Шалтай смягчился.

— Это галстук, девочка, и притом очень красивый галстук. Мне его подарили Белый Король и Белая Королева. Вот!

— Так это подарок? — сказала Алиса, очень довольная тем, что наконец-то нашла подходящую тему для разговора.

— Я получил этот галстук, — задумчиво продолжал Шалтай-Болтай, скрестив ноги и упершись локтями в коленки, — в качестве НЕДЕНЬРОЖДЕННОГО подарка.

— Простите... — поразилась Алиса.

— Ничего, ничего, я ничуть не обижен, — сказал Шалтай.

— Нет, я хотела бы узнать, что такое НЕДЕНЬРОЖДЕННЫЙ подарок?

— Ну, просто такой подарок, который дарят не в день твоего рождения.

Алиса задумалась.

— Мне больше нравятся деньрожденные подарки, — сказала она наконец.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! — закричал Шалтай-Болтай. — Сколько дней в году?

— Триста шестьдесят пять, — ответила Алиса.

— А сколько у тебя дней рождения?

— Один.

— А сколько получится, если отнять один от трехсот шестидесяти пяти?

— Ну, это просто. Триста шестьдесят четыре.

Шалтай-Болтай нахмурился.

— Предпочел бы проверить твои подсчеты письменно,— промолвил он с сомнением.

Алиса улыбнулась, но вынула записную книжку и посчитала в столбик:

$$\begin{array}{r} 365 \\ - \quad 1 \\ \hline 364 \end{array}$$

Шалтай-Болтай взял записную книжку и долго смотрел на то, что написала Алиса.

— Вроде бы сосчитано верно...— начал он.

— Вы смóтрите вверх ногами! — перебила его Алиса и перевернула книжку.

— Так и есть! — воскликнул Шалтай.— Мне сразу показалось, что в твоих расчетах ЧТО-ТО немного непривычно. Как я и сказал, в роде бы сосчитано верно... но теперь, когда все встало ВНИЗ НОГАМИ, можно сказать... Хотя как раз сейчас у меня нет времени, чтобы все тщательно проверить, но все-таки можно уверенно сказать, что... для НЕДЕНЬРОЖДЕННЫХ подарков у нас остается триста шестьдесят четыре дня.

— Конечно,— согласилась Алиса.

— И только ОДИН день, когда можно получать ДЕНЬРОЖДЕННЫЕ! Вот видишь! Ничего себе огород!

— Я не понимаю, что вы имеете в виду под огородом,— сказала Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно усмехнулся.

— Куда тебе... Ты и не поймешь, пока я тебе не объясню. Я просто хотел сказать: «Ничего себе, славенький сногшибательный аргументик!»

— Но огород вовсе не значит «славенький сногшибательный аргументик»,— возразила Алиса.

— Когда лично я употребляю слово,— все так же презрительно проговорил Шалтай-Болтай,— оно меня слушается и означает как раз то, что я хочу: ни больше, ни меньше.

— Это еще вопрос,— сказала Алиса,— захотят ли слова вас слушаться.

— Это еще вопрос,— сказал Шалтай,— кто здесь хозяин: слова или я.

Алиса была настолько ошарашена, что не ответила, и через минуту Шалтай снова заговорил:

— У некоторых слов особый нрав... Особенно у

глаголов, они самые нахальные... С прилагательным ты что хочешь, то и делаешь... а вот с глаголом!.. Впрочем, у меня с ними разговор короткий! Водонепроницаемость! Вот лично моя точка зрения!

— Скажите, пожалуйста,— страшно вежливо спросила Алиса,— что ИМЕННО вы имеете в виду?

— Ну вот, молодец! Ты задала действительно умный вопрос,— сказал довольный Шалтай.— Под ВОДОНЕ-

ПРОНИЦАЕМОСТЬЮ я подразумевал следующую МЫСЛЬ: мы с тобой уже достаточно долго беседуем, и я не прочь узнать, что ты собираешься делать дальше, так как, надо полагать, ты не намерена провести под этим забором остаток твоих дней.

— Неужели ОДНО слово может столько всего значить! — задумчиво сказала Алиса.

— Когда я даю слову много работы,— сказал Шалтай-Болтай,— я всегда плачу ему сверхурочные.

— Ох,— сказала Алиса, потому что ведь надо было что-нибудь сказать.

— Да... Я плачу им по пятницам, и видела бы ты, какая выстраивается очередь — покачав головой, важно добавил Шалтай.

(Алиса не решилась спросить у него, сколько слова получали за работу, поэтому я, к великому сожалению, не смогу сообщить об этом тебе).

— Уважаемый Шалтай-Болтай,— сказала Алиса,— вы замечательно объясняете, какое слово что значит. Не могли бы вы заодно объяснить мне смысл стихотворения под названием «Умзара Зум»?

— Валяй читай,— тут Шалтай-Болтай уселся поудобнее,— я могу объяснить любые стихи из тех, что были когда-нибудь придуманы, и почти все, которых еще никто не придумал.

Алиса обрадовалась и начала читать:

Сверкалось... Скойкие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел.

— Для начала вполне достаточно,— перебил ее Шалтай-Болтай.— Тут и так полно трудных слов. «Сверкалось» — значит, что уже рассвело, скоро обед, но в то же время уже немножко смеркалось.

— Понятно,— сказала Алиса.— А что значит «скойкие»?

— Ну, это просто. «Скойкие» — значит, «бойкие и скользкие». «Бойкие» — это все равно что «стойкие». Понимаешь, это как вешалка в прихожей: на одно слово повесили сразу два смысла.

— Теперь ясно,— задумчиво ответила Алиса.— А что значит «сюды»?

— «Сюды» — они вроде бурундуков... и еще вроде ящериц... и еще они похожи на открывалки для бутылок.

— Какие они, наверно, занятные!

— Да уж,— согласился Шалтай-Болтай.— Кроме всего прочего, они гнездятся на солнечных часах... а питаются они творожниками.

— А что такое «волчиться»?

— «Волчиться» — значит «кружиться волчком и волочиться по земле».

— А «развелы» — это, наверно, цветы. Они растут у солнечных часов,— сказала Алиса, сама поражаясь собственной догадливости.

— Естественно. Они называются «развелами», потому

что их там слишком много развелось. Особенно слева и справа от часов.

— И кроме того, сзади и спереди,— добавила Алиса.

— Именно, именно. Ну, «дрожжали» — это значит «дрожали, визжали и в то же время пухли, как дрожжи» (вот, кстати, еще одна Вешалка!). «В лужасе» — это, конечно, «в луже и в ужасе». Что касается «гроздов», то это маленькие, робкие птички, перья у них стоят торчком, и вообще грозд похож на живой веник.

— Так, а «крюх»? — спросила Алиса.— Мне, право, неудобно, что вы тратите свое время на...

— «Крюх» — это своего рода зеленый боров. А вот насчет «и» я не очень уверен. Наверно, это сокращенное «вдали от родного дома»: в том смысле, что крюх заблудился.

— А «засвиревел»?

— «Засвиреветь» — это что-то среднее между «засвистеть, как свирель» и «свирепо зареветь» и при этом еще чихнуть где-то посредине. Впрочем, ты наверняка услышишь, как кто-нибудь засвиревёт... в чаще... среди сосен. А если один раз услышишь, будешь более чем довольна! Кто это научил тебя такой сложной штуке?

— Я нашла ее в книжке,— сказала Алиса.— Но какие-то стихи, правда, легче этих, мне кто-то читал вслух... кажется, Тарарам.

— Да, коль скоро речь зашла о поэзии,— сказал Шалтай, отводя в сторону руку,— коль скоро речь зашла о поэзии, не могу не напомнить тебе, что лично я, если уж на то пошло, читаю стихи ничуть не хуже, чем все остальные...

— Ох, что вы, что вы! — поспешно перебила Шалтая-Болтая Алиса, пытаясь остановить его.

— Фрагмент, который я сейчас оглашу,— продолжал он, не слушая Алису,— написан исключительно для того, чтобы развлечь тебя перед дорогой.

Тут Алиса поняла, что ей придется выслушать Шалтая-Болтая.

— Благодарю вас,— печально сказала она и приготовилась слушать.

Зимой, когда буран затих,
Я вам пропел вот этот стих.

Только на самом деле я его не пою, а читаю,— пояснил Шалтай.

— Да я вижу, что не поете,— ответила Алиса.

— Если ты ВИДИШЬ, пою я или нет, у тебя ч р е з в ы ч а й н о острое зрение,— сурово заметил Шалтай. Алиса промолчала.

Весной, среди густой травы,
Его поймете даже вы.

— Благодарю вас,— сказала Алиса.

А в летний полуденный зной
Стих будет вновь исполнен мной.
И осенью, когда начнутся первые заморозки и до
известной степени пожелтеет листва,
Вы вспомните мои слова.

— Конечно, я постараюсь их запомнить до осени,— сказала Алиса,— только некоторые строчки слишком длинные, и я их, наверно, позабуду.

— Перестань делать мне замечания! — ответил Шалтай-Болтай.— Все, что ты говоришь,— бессмыслица, и это сбивает меня с толку.

Черкнул я рыбам пару строк,
Гласивших: «Я суров и строг!»
Большой переполох на дне.
И рыбки отвечают мне.
Вот строки Рыбьего Письма:
«Простите, сэр, но мы весьма...»

— Извините, но у меня такое ощущение, будто я не совсем понимаю, что вы читаете,— сказала Алиса.

— Дальше будет проще,— заявил Шалтай.

Ну, я, разумеется, пишу им в следующем письме:
«Вы просто не в своем уме!»
Но рыбы пишут мне в ответ:
«Попридержи язык! Привет!»
Я им писал и раз, и два —
Но тратил попусту слова.
Не дрогнула моя рука:
Я чайник взял из сундука.
И я налил в него воды,
Во избежание беды.

Тут КОЕ-КТО пришел ко мне
Сказать, что рыбки спят на дне.
Я отвечал ему: «Иди
И спящих рыбок разбуди!»
Я повторил, собравшись с духом,
Я РЯВКНУЛ У НЕГО НАД УХОМ.

Дойдя до этого места, Шалтай-Болтай так завопил, что Алиса вздрогнула и подумала: «Не хотела бы я оказаться этим Кое-Кем!»

Но КОЕ-КЕМ владела спесь,
И он сказал: «Нет уж, ты иди туда сам, с меня хватит,
надоело, знаешь ли. Я останусь здесь».
Но КОЕ-КТО сказал со спесью:
«Кончай орать. Останусь здесь я».
Сказав: «Пока! Я уйду
И ЛИЧНО рыбок разбужу!» —
Я тут же кинулся к реке,
Но к этому времени дверь у рыбок, разумеется, уже
давно была на замке.
И я тогда полез в окно,
И я налег на ставни, но...

Наступило продолжительное молчание.

— Это конец? — робко спросила Алиса.

— Конец, — сухо ответил Шалтай-Болтай. — Всего наилучшего. Всех благ.

«Ну и ну!» — подумала Алиса. После такого намека на то, что ей пора уходить, задерживаться было просто невежливо. Она встала и протянула Шалтаю руку.

— До свидания, — сказала она как можно беззаботнее. — До скорой встречи.

— Если мы с тобой встретимся, лично я тебя не узнаю, — недовольно ответил Шалтай-Болтай, подавая ей мизинец. — Все люди друг на друга похожи.

— Ну, обычно человека можно узнать по лицу, — задумчиво произнесла Алиса.

— Именно, именно. Об этом я и говорю, — сказал Шалтай-Болтай. — У тебя слишком обыкновенное лицо. Два глаза... два уха, посередине нос... под ним, как водится, рот... Всегда, всегда одно и то же! Вот если бы

у тебя один глаз был на ухе, а другой — на подбородке... или, скажем, рот на лбу... тогда я, **МОЖЕТ БЫТЬ**, тебя бы узнал.

— Рот на лбу — это некрасиво, — возразила Алиса. — И глаз на подбородке тоже.

Но Шалтай-Болтай только пробормотал: «Семь раз примесь...» — и закрыл глаза.

Алиса еще подождала, не заговорит ли он с ней, но Шалтай сидел с закрытыми глазами и не обращал на нее никакого внимания. Поэтому она сказала «До свидания!» и, не получив ответа, потихоньку пошла дальше, бормоча: «Из всех неблаговоспитанных (тут она повторила это слово вслух, потому что очень приятно, когда попадают такие серьезные длинные слова)... из всех **НЕБЛАГОВОСПИТАННЫХ** людей, с которыми мне приходилось встречаться, этот...» Она так и не успела додумать эту фразу до конца, потому что в этот момент по Лесу раздался **ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСК**.

Глава седьмая Лев и Единорог

В ту же минуту через Лес побежали солдаты. Сперва они появлялись поодиночке то тут, то там. Потом Алисе стали попадаться десятки и сотни. В конце концов солдаты повалили целыми толпами. Алиса поскорее спряталась за дерево, чтобы как-нибудь случайно не попасть им под ноги.

За всю свою жизнь она не видела солдат, которые с таким трудом держались бы на ногах.

То и дело они спотыкались и шлепались на землю. Стоило упасть одному, и на него наваливались все, кто шел следом. Очень скоро на каждой поляне лежали штабеля солдат.

Тут появилась конница. Лошадям было немножко легче: ведь у каждой лошади ног в два раза больше, но даже они то и дело спотыкались. При этом всадники моментально вылетали из седла.

Получилась ужасная свалка, и Алиса облегченно вздохнула, когда наконец выбралась на опушку. Тут она увидела Белого Короля. Он сидел на кочке и что-то прилежно заносил в свою записную книжку.

— Я послал всю мою рать! — хвастливо закричал Король, увидев Алису. — Моих отважных парней! Они тебе не попадались по дороге?

— Еще бы, — сказала Алиса, — в Лесу их несколько тысяч.

— Точнее, четыре тысячи двести семнадцать, — поправил Король, заглянув в записную книжку. — Правда, я не смог послать всю мою конницу, потому что два Коня нужны в сегодняшней партии. Кроме того, пришлось оставить при себе двух Посыльных. Они сейчас в городе. Кстати, посмотри, может, ты кого-нибудь разглядишь, они должны появиться с той стороны.

— Нет, никого, — ответила Алиса.

— Мне бы твое зрение! — печально сказал Король. — Подумать только, суметь увидеть Никого! И на таком ОГРОМНОМ расстоянии! В это время дня я могу разглядеть только близких знакомых, и то с некоторым трудом.

Но Алиса его не слушала, потому что по-прежнему внимательно смотрела на дорогу.

— Кто-то бежит! — неожиданно закричала она. — Но только очень медленно... и потом, он как-то странно себя ведет!

(Посыльный, а это был именно он, все время подсакивал, кланялся, извивался, растопыривал руки и размахивал ими как веером.)

— Вовсе не странно, — сказал Король. — Он Иностранный Посыльный... а это у него такие Иностранные Манеры. Он придерживается Иностранных Манер и Зарубежных Обычаев, только когда ему позволяет здоровье. А зовут его Зайтц.

— Я знаю одного мальчика на букву «З»,— сразу же начала Алиса играть в свою любимую игру,— я люблю его, потому что он Здоров, я ненавижу его, потому что он Зануда, я дам ему на обед Землянику и... и... и... Замаску. Его зовут Зайтц, и он живет...

— Он живет в Замке,— сказал простодушный Король и не подозревая, что тоже включился в игру (Алиса в это время пыталась вспомнить город на «З»).— Второго

Посыльного зовут Шлямпник. Мне приходится дёржать сразу двоих Посыльных: одного для Присылания и другого для Посылания.

— Что-что? — переспросила Алиса.

— Что «что-что»? — не понял Король.

— Я просто переспросила,— сказала Алиса.— Я не понимаю, почему один нужен для Присылания, а другой — для Посылания.

— Я ведь тебе уже объяснил,— раздраженно повторил Король.— У меня на службе сразу двое Посыльных: один — для Приносительства, а другой — для Уносительства.

Тут подоспел Посыльный для Приносительства: он

никак не мог отдышаться и, вместо того чтобы что-нибудь сказать, размахивал руками и строил испуганному Королю страшные рожи.

— Эта девочка любит одного мальчика на «3». По-видимому, вас,— сказал Король, пытаясь отвлечь внимание Посыльного от своей персоны и прячась за Алису.

Но все было напрасно: Иностранные Манеры и Зарубежные Обычаи час от часу становились все загадочнее: Посыльный дергался и закатывал круглые глаза на лоб.

— Не смейте меня пугать! — крикнул Король.— Я сейчас упаду в обморок!.. Дайте мне земляники!

К величайшему удивлению Алисы, Посыльный залез в мешок, висевший у него на шее, и вытащил оттуда горсть земляники, которую Король немедленно проглотил.

— Еще! — пробормотал Король.

— Земляники больше нет, осталась одна замазка,— ответил Посыльный, опять заглянув в мешок.

— Ну, давайте замазку,— слабым голосом проговорил Король.

Алиса обрадовалась, увидев, что он понемногу приходит в себя.

— В случае обморока ничто не сравнится с замазкой,— сообщил Король, кончив жевать.

— По-моему, вода или нашатырный спирт полезнее,— рассудительно заметила Алиса.

— А я и не говорю, что нет ничего полезнее замазки,— ответил Король.— Я сказал, что ничто не может с ней сравниться.

С этим Алиса спорить не стала.

— Вы кого-нибудь повстречали по дороге? — спросил Посыльного Король, протягивая руку за добавкой.

— Никого,— сказал Посыльный.

— Совершенно верно,— сказал Король.— Эта девочка тоже его видела. Таким образом, вы ходите быстрее, чем Никто.

— Я стараюсь,— угрюмо ответил Посыльный.— Меня никто не может обогнать.

— Да, Никто не может вас обогнать,— согласился Король,— иначе он бы пришел сюда первым. Ну ладно, теперь вы отдышались и можете рассказать нам, что слышно в городе.

— Я скажу вам на ухо,— заявил Посыльный и поставил руки рупором к самому уху Короля.

Алиса страшно огорчилась, потому что тоже рассчитывала услышать новости. Впрочем, шептать Посыльный не стал. Наоборот, он изо всех сил заревел прямо в ухо Королю:

— ОНИ ПРИНЯЛИСЬ ЗА СТА-А-А-АРОЕ!

— По-вашему, это называется «сказать на ухо?!» — завопил несчастный Король, вскакивая и дрожа всем телом.— Если вы еще раз выкинете такой номер, я сделаю из вас в-ва... в-ва... В-ВАТРУШКУ! У меня и так все время была мигрень, а теперь — самое настоящее ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ в голове!!!

«Наверное, это очень крошечное Землетрясение»,— подумала Алиса.

— А кто принялся за старое? — рискнула она спросить.

— Само собой, Лев и Единорог,— сказал Король.

— Они что, дерутся из-за короны?

— Разумеется,— ответил Король,— но смешнее всего то, что они дерутся из-за моей короны! Пошли на них поглядим!

И они побежали в сторону города. По дороге Алиса все время повторяла слова одной старой песенки:

Лев
И один
Единорог
Дрались из-за короны.
Сломав Единорогу рог,
Лев отлупил его — как мог.
Им дали яблочный пирог,
Лапшу и макароны.
Раздался шум из-за дверей,
Забарабанил кто-то,
И перетрусивших зверей
Прогнали
За ворота!

А тот... кто... победит... получит корону? — еле выговорила Алиса — так она запыхалась.

— Ну что ты, дитя мое,— ответил Король.— Что за странная мысль!

Пробежав еще немного, Алиса пробормотала:

— Будьте... так добры... подождите... минуту... давайте... передохнем!..

— Я, действительно, ДОБР,— сказал Король,— но не самонадеян. Я не могу ждать минуту: она наверняка нас обогнала. Минуты, знаешь ли, необычайно проворны, совсем как Сплетнистые Змеи!

Алиса была не в силах ему отвечать, поэтому дальше они бежали молча, пока не увидели огромную толпу, в самой середине которой дрались Лев и Единорог. Их закрывало облако пыли, и сперва Алиса никак не могла понять, кто где; но потом она узнала Единорога: ведь на носу у него рос длинный-предлинный Рог.

Они оказались неподалеку от Шлямпника (второго Посыльного), который следил за схваткой, держа в одной руке чашку чая, а в другой — бутерброд.

— Его недавно выпустили из тюрьмы,— шепнул Алисе Зайтц.— А перед тем как его посадили, у него не хватило времени допить чай. Ну, а в тюрьме, известное дело, его кормили одними мельхиоровыми подстаканниками. Вот он и проголодался. Как дела, Малыш? — ласково спросил он, хлопая Шлямпника по плечу.

Шлямпник мотнул головой, после чего вернулся к бутерброду.

— Как тебе жилось в тюрьме, Малыш? — спросил Зайтц.

Шлямпник опять мотнул головой, и на этот раз одинокая слеза блеснула на его щеке. Но он не сказал ни единого слова.

— Ну скажи что-нибудь! — потребовал Зайтц.

Но Шлямпник отхлебнул чаю, сжевал новый кусок бутерброда и промолчал.

— Да заговорит он или нет! — заорал Король.— Скажи хотя бы, как они дерутся?!

Шлямпник сделал безнадежную попытку заговорить и проглотил гигантский кусок бутерброда.

— Они дерутся о-очень хорошо,— ответил он, спотыкаясь и заикаясь,— про-осто замечательно дерутся. Оба получили по шее примерно во-осемьдесят семь раз.

— Им, наверно, пора дать лапшу и макароны,— осторожно заметила Алиса.

— Лапша уже готова,— сказал Шлямпник.— И макароны тоже. Я их только что попро-обовал.

Как раз в это время драка кончилась, и Лев и Единорог, отдуваясь, уселись на землю.

— **ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ДЕСЯТИМИНУТНЫЙ ПЕРЕРЫВ НА ПОЛДНИК!** — прокричал Король.

Зайтц со Шлямпником принялись за работу: они разносили подносы с лапшой и макаронами. Алиса взяла немножко лапши, но она была совершенно холодная.

— На сегодня достаточно, — сказал Король Шлямпнику. — Сбегай и скажи, что пора барабанить.

Шлямпник поклонился и убежал, подскакивая на ходу, как кузнечик.

Некоторое время Алиса внимательно смотрела ему вслед. Внезапно она радостно улыбнулась.

— Смотрите! Смотрите! — закричала она. — Вон бежит Белая Королева! Она вылетела во-о-он из того Леса... До чего же быстро бегают эти королевы!

— Должно быть, ее преследуют враги, — невозмутимо ответил Король. — Их в этом Лесу как собак нерезанных.

— Наверно, ее нужно спасти! — воскликнула Алиса, удивленная его спокойствием.

— Не стоит, дитя мое, право, не стоит, — сказал Король. — Она страшно быстро бегает. Королеву труднее поймать, чем Сплетнистую Змею. Но если хочешь, я могу записать о ней что-нибудь приятное в записную книжку... Королева обворожительна! — добавил он нежно и взялся за карандаш. — Кстати, ты не помнишь, **АБВАРАЖИТЕЛЬНА** пишется через четыре «А» или через три?

В это время к ним вразвалочку подошел Единорог: лапы он засунул в карманы.

— Он у меня своих не узнает! — сказал он вскользь Королю и огляделся по сторонам.

— Ну куда ему, как же, еще бы, — довольно тревожно ответил Король. — Но, по-моему, вам все-таки не следовало протыкать Льва рогом насквозь.

— Ему нисколько не больно, — беззаботно заявил Единорог и двинулся было дальше, но тут его взгляд упал на Алису. Он уставился на нее, всем своим видом выражая величайшее отвращение.

— Это чего же такое? — спросил он наконец.

— Это девочка! — охотно ответил Зайтц, подошел к Алисе и представил ее Единорогу (расставив руки

в стороны, как того требуют Иностранные Манеры). — Я ее как раз сегодня нашел. И доставил сюда В ЛУЧШЕМ ВИДЕ!

— Подумать только! А я-то был уверен, что девочки — это сказочные чудища, — сказал Единорог. — Кстати, оно живое?

— Оно умеет говорить! — торжественно ответил Заитц.

Единорог двусмысленно посмотрел на Алису и потребовал:

— Скажи что-нибудь!

Алиса невольно улыбнулась:

— Знаете, я всегда считала, что единороги — это тоже сказочные чудища! И никогда в жизни я не видела живого Единорога.

— Ну, вот мы и свиделись! — сказал Единорог. — Если ты согласишься верить в меня, я, так и быть, поверю в тебя. Идет?

— Конечно, идет, если вам так больше нравится, — сказала Алиса.

— Слетай-ка за пирогом, старик! — обратился Единорог к Королю. — У меня от твоих макарон оскомина!

— Разумеется... разумеется... — пробормотал Король и подозвал Заитца. — Тащи сюда мешок, — сказал он шепотом. — Да нет, не этот... в этом замазка!

Заитц вынул из мешка здоровенный яблочный пирог и дал его подержать Алисе, а сам достал из того же мешка блюдо, тарелки и ножи. Как они все там уместились, Алиса не поняла: мешок был такой маленький, а Заитц, как фокусник, вынимал из него все новые и новые тарелки.

В это время к ним подошел Лев: глаза у него все время закрывались — такой он был сонный и измученный.

— Что это такое? — спросил он гулким басом, глядя прямо на Алису.

— А самому слабо догадаться? — ехидно крикнул Единорог. — Куда тебе! Даже я не сразу понял, что это такое.

Лев равнодушно посмотрел на Алису:

— Может, животное... Может, растение... А может, просто камень... на дороге валяется... — сказал он, зевая на каждом слове.

— Это сказочное чудище! — высказался Единорог, помешав Алисе самой ответить.

— Ну, тогда раздавай нам пирог, Чудище,— сказал Лев, ложась на землю и укладывая голову на передние лапы.— И вы тоже... садитесь,— обратился он к Королю и Единорогу.— Займемся пирогом!

Судя по всему, Королю было боязно сидеть между двумя огромными зверями, но сесть больше было некуда.

— Сперва займемся пирогом, а потом — короной,— заявил Единорог, лукаво взирая на корону, которая, лишь только прозвучали эти слова, чуть не слетела с королевской головы — так эта голова задрожала.

— Ты у меня свету невзвидишь,— лениво сказал Лев.

— Еще как взвижу! — ответил Единорог.

— Щенок, я гнался за тобой через весь город и в конце концов сломал твой рог,— злобно возразил Лев, привстав со своего места.

Тут вмешался Король, который попытался предотвратить ссору; он был очень встревожен и заикался от волнения.

— Через весь город? — спросил он.— Порядочное расстояние. Скажите, вы гнали его через Старый Мост или через Рыночную Площадь? Дело в том, что со Старого Моста открывается ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ вид!

— Не помню я, как я его гнал,— проворчал Лев, укладываясь на место.— Там было страшно пыльно. Ну, сколько можно возиться с пирогом, а, Чудище?

Алиса сидела на берегу ручейка и держала блюдо с пирогом на коленях. Она изо всех сил пилила пирог ножом.

— У меня ничего не выходит! — сказала она в ответ (к тому, что ее называют Чудищем, Алиса уже привыкла).— Я отрезала несколько кусков, но они опять срослись.

— Ты не умеешь обращаться с Зазеркальными Пирогом,— заметил Единорог Алисе.— Сперва раздай нам по куску, а уж потом нарежь пирог.

Предложение было совершенно нелепым, но Алиса послушно встала и обошла всех с блюдом в руках, причем пирог сам разрезался на три части.

— А теперь отрежь нам по кусочку,— сказал Лев, едва Алиса вернулась на свое место с пустым блюдом.

— Это нечестно! — завопил Единорог, когда Алиса

присела перед пирогом с ножом в руках, не зная, как к нему подступиться.— Чудище дало Льву в два раза больше, чем мне!

— Зато ей самой ничего не досталось,— сказал Лев.— Ты ведь любишь яблочные пироги, Чудище?

Но прежде чем Алиса успела ответить Льву, раздался барабанный бой.

Алиса никак не могла сообразить, кто же это барабанит: в воздухе гремело БУМ-БУМ-БУМ, слева и справа доносилось БОМ-БОМ-БОМ, у Алисы в голове звучало БАМ-БАМ-БАМ, так что она чуть не оглохла. Она вскочила и перепрыгнула через ручеек.

Она еще успела увидеть, как встали Лев и Единорог, как грозно они друг на друга посмотрели, прежде чем зажмурила глаза и крепко заткнула уши, пытаясь отделаться от этого ужасного грома, треска и грохота:

«Ну,— подумала Алиса,— если Лев и Единорог не испугались такого барабанного боя, то я вообще себе не представляю, как их выгнать из города!»

Глава восьмая Это я сам додумался

Шум понемногу утих, и в конце концов наступила мертвая тишина. Алиса с тревогой подняла голову. Вокруг не было ни души, и ей почудилось, что Лев, Едино-

рог и чудаковатые Иностранные Посыльные ей попросту примерещились. Правда, у ее ног по-прежнему лежало огромное блюдо, то самое, на котором она пыталась разрезать яблочный пирог. «Значит, все это было на самом деле,— подумала Алиса.— Но может быть... может быть, все мы кому-то снимся?! Хорошо еще, если мне. А если Черному Королю?»

— Ужасно не хочется быть частью чужого сна,— довольно жалобно проговорила Алиса.— Надо бы все-таки пойти разбудить Короля и посмотреть, что из этого выйдет!

Но в эту минуту ее размышления были прерваны громким криком: «ЭГЕГЕЙ! ОГОГОЙ! ШАХ!» — и она увидела, что прямо на нее несется Рыцарь — на Черном Коне и сам весь в черном. Рыцарь бешено размахивал мечом. Прямо перед носом у Алисы Конь остановился, и, прокричав «Я взял тебя в плен!», Рыцарь кувырнулся с седла прямо на землю.

Как ни была напугана Алиса, в этот момент она сильнее всего испугалась за Рыцаря и с беспокойством смотрела, как он забирается обратно в седло. Стоило Рыцарю устроиться в седле, как он снова начал:

— Я взял тебя в пле...

Но тут кто-то заулюлюкал: «ОГОГОЙ! ЭГЕГЕЙ! ШАХ!» — и Алиса оглянулась, пытаясь понять, с какой стороны надвигается новая опасность.

Оказалось, что кричал Рыцарь на Белом Коне. Он подскакал к Алисе и кувырнулся с седла в точности так же, как и Черный Рыцарь. Затем он залез обратно в седло, и некоторое время оба Рыцаря — молча и не мигая — глядели друг на друга. Алиса смотрела на них с изумлением.

— Она моя пленница, коллега,— сказал наконец Черный Рыцарь.

— Может, и твоя,— ответил Белый Рыцарь.— Зато я прискакал и ее спас.

— Раз так, СРАЗИМСЯ ЗА НЕЕ! — сказал Черный Рыцарь и надел шлем (до этого шлем болтался у седла; он был слегка похож на коровью голову).

— Надеюсь, вы соблюдаете Кодекс Чести? — осведомился Белый Рыцарь, также надевая шлем.

— Соблюдал, соблюдаю и буду соблюдать,— ответил Черный Рыцарь Белому, и они принялись насаки-

вать друг на друга с таким азартом, что Алиса укрылась за деревом, чтобы ненароком не попасть под удар.

«Интересно, что же это за Кодекс Чести? — подумала она, наблюдая за сражением из-за дерева.— Первое Правило, видимо, заключается в том, что если один Рыцарь стукнет другого мечом, то тот, кого стукнули, вылетает из седла. Если же Рыцарь промахнется, то вылетает из седла сам... Второе Правило такое: меч полагается держать обеими руками — как сачок... До чего же жутко они гремят, когда падают! Как будто не Рыцарь упал, а пустое ведро! И до чего же у них смиренные Кони: позволяют на себя влезать, падать и снова влезать, как будто они не Кони, а табуретки!»

Наконец, Третье Правило Кодекса Чести, на которое Алиса не обратила внимания, заключалось в том, что уж если Рыцарь вылетал из седла, то о землю он ударялся обязательно головой. Сражение кончилось тем, что оба Рыцаря упали одновременно, и некоторое время из земли рядышком торчали две пары ног. Придя в обычное положение, Рыцари пожали друг другу руки, после чего Черный Рыцарь сел в седло и ускакал.

— Не правда ли, убедительная победа? — отдуваясь, спросил Белый Рыцарь.

— Не знаю,— с сомнением в голосе ответила Алиса.— Я не хочу быть ничьей пленницей. Я хочу быть Королевой.

— А вы и станете Королевой, когда перейдете через следующий ручей,— сказал Рыцарь.— Я провожу вас до опушки... А потом вернусь обратно. На этом кончится мой ход.

— Большое вам спасибо,— поблагодарила Алиса.— Позвольте, я помогу вам снять шлем.

Судя по всему, самому Рыцарю это было не под силу. В конце концов Алиса все-таки вытряхнула его из шлема.

— Уф, теперь можно и отдышаться,— сказал Рыцарь и, выпятив губу, сдул свои длинные волосы со лба, после чего обернулся к Алисе и посмотрел на нее большими близорукими глазами. Тут Алисе пришло в голову, что никогда раньше такого Рыцаря она не видала.

На Рыцаре были жестяные латы (которые явно были ему велики), а за плечом у него вверх тормашками висела какая-то непонятная корзина с болтающейся крышкой. На эту корзину и уставилась Алиса.

— Я вижу, вы любуетесь моей корзиночкой,— дружелюбно сказал Рыцарь.— Я держу в ней бутерброды и галстуки. Видите, она висит вверх ногами для того, чтобы вещи не вымокли под дождем. Это я сам додумался!

— Да там нечему мокнуть! — ласково заметила Алиса.— Ведь крышка открыта и все давным-давно попадало на землю!

— Вот как? Об этом я не подумал,— пробормотал Рыцарь и покраснел от обиды.— Корзинка, выходит, пустая. А пустая она мне не нужна...

Сказав это, он отвязал корзину и уже было собрался зашвырнуть ее в кусты, как вдруг его осенила внезапная мысль, и он аккуратно повесил корзину на ветку.

— Дошло, зачем я это сделал? — спросил он у Алисы.

Алиса недоуменно пожала плечами.

— Весь расчет на пчел, которые устроят в моей корзине жилье... Тогда у меня всегда будет свежий мед.

— Да, но ведь у вас к седлу привязан НАСТОЯЩИЙ улей... или, во всяком случае, что-то уж а с н о на него похожее... — сказала Алиса.

— Н-да. Это ОТЛИЧНЫЙ улей,— недовольно ответил Рыцарь.— ПЕРВОКЛАССНЫЙ улей. Но до этой минуты в него не залетела ни одна пчела. Кстати, рядом с ним висит мышеловка. Не знаю, то ли мыши отпугивают пчел, то ли пчелы — мышей, но ни те ни другие мне пока не попадались.

— Не понимаю, зачем вам мышеловка,— сказала Алиса.— Вряд ли МЫШИ начнут разгуливать по ЛОШАДИ.

— Согласен: вряд ли,— ответил Рыцарь.— Но все же, если им взбрдет в голову сунуть сюда нос, они тут же попадутся в мышеловку... Видите ли,— продолжал он, немного подумав,— НУЖНО БЫТЬ ГОТОВЫМ КО ВСЕМУ. Между прочим, именно из этих соображений я надел на Коня проволочный намордник.

— З а ч е м? — воскликнула Алиса, вне себя от любопытства.

— Чтобы предохранить его от укусов Злобных Акул,— объяснил Рыцарь.— Это я сам додумался. А теперь помогите мне, пожалуйста, забраться в седло. Я провожу вас до опушки... А что это у вас за блюдо?

— Оно из-под яблочного пирога,— сказала Алиса.

— Пожалуй, лучше прихватить его с собой,— заметил Рыцарь.— Оно может пригодиться, если мы где-нибудь по пути случайно отыщем яблочный пирог. Давайте я его засуну в мешок.

Как Алиса ни старалась, это заняло много времени, потому что Рыцарь был уж а с н ы й растяпа и никак не мог засунуть блюдо как следует: первая попытка кончилась тем, что в мешок попал он сам, а блюдо осталось снаружи.

— Опасное предприятие,— сказал он, когда блюдо наконец было водворено на место.— Опасное предприятие — очутиться в одном мешке с шилом.

Тут Рыцарь повесил мешок у седла, рядом с пучками редиски, утюгами, тапочками и прочими разностями.

— Советую вам заплести косичку,— сказал он Алисе, когда все было готово.

— Зачем? — улыбаясь, спросила Алиса.

— Дело в том,— ответил Рыцарь взволнованно,— что в пути у вас могут растрепаться волосы. В этих местах случается, дует довольно свежий ветер. Свежий, как эта редиска.

— Наверно, у вас есть какой-нибудь план, как сделать, чтобы волосы не растрепались? — спросила Алиса.

— Пока у меня такого плана нет,— признался Рыцарь.— Но зато у меня есть хитрый план, как сделать, чтоб волосы не выпали.

— Пожалуйста, объясните, в чем же он заключается.

— Пожалуйста,— сказал Рыцарь.— Берется длинная палка. Эта палка ставится на голову. Затем на палку навиваются волосы наподобие плюща. Волосы выпадают потому, что они свисают ВНИЗ! ВВЕРХ ничего упасть не может! Это я сам додумался. Если хотите, можете попробовать.

Алисе показалось, что это не самый удобный план, и несколько минут она шла молча, обдумывая странную мысль Белого Рыцаря и время от времени останавливаясь, чтобы помочь ему,— бедняга Рыцарь оказался неважным наездником.

Стоило Коню остановиться (а случалось это довольно часто), и Белый Рыцарь перелетал через его голову. Стоило Коню тронуться (а случалось это довольно неожиданно), и Белый Рыцарь перелетал через хвост. Все остальное время он довольно уверенно держался в

седле, хотя изредка падал набок. Поскольку он всегда выбирал тот бок, с которого шла Алиса, она вскоре догадалась, что СПОКОЙНЕЕ ВСЕГО держаться подалее и от Коня и от всадника.

— Вам, видимо, не хватает опыта,— рискнула она заметить, подсаживая Рыцаря на лошадь, после того как он сверзился с нее в шестой раз.

Рыцарь слегка обиделся и страшно удивился.

— С чего вы взяли, что мне не хватает опыта? — спросил он, вскарабкиваясь на Коня и одной рукой вцепляясь Алисе в волосы, чтобы как-нибудь случайно не перевернуться на другую сторону.

— Если бы у вас был опыт, вы бы реже падали.

— У меня Огромный Опыт! — важно ответил Рыцарь.— Колоссальный Опыт!

Алиса не придумала ничего лучше, как сказать: «Вон оно что!», но постаралась, чтобы эти слова прозвучали помягче. Они молча двинулись дальше. Рыцарь ехал, закрыв глаза, и что-то нашептывал себе под нос, а Алиса шла рядом, с тревогой ожидая, когда же он упадет в следующий раз.

— Высшая Школа Верховой Езды! — неожиданно вскричал Рыцарь, плавно помахивая рукой.— Высшая Школа Верховой Езды учит нас всегда сохранять... — Эта фраза закончилась так же внезапно, как и началась, потому что Рыцарь упал и зарылся головой в землю прямо перед носом у Алисы. На этот раз она не на шутку испугалась и тревожно спросила, поднимая Рыцаря:

— Надеюсь, кости у вас целы?

— Пустяки,— ответил Рыцарь таким тоном, как будто два-три сломанных ребра для него ничего не значат,— пустяки. Высшая Школа Верховой Езды, как я уже заметил, учит нас всегда сохранять равновесие. Вот так, смотрите!

Он опустил уздечку и раскинул руки, чтобы показать Алисе, о чем идет речь. На этот раз он упал на спину и подгадал как раз под копыта собственному Коню.

— Огромный Опыт! — повторял он все то время, пока Алиса ставила его на ноги.— Огромный, Значительный Опыт!

— Как вам не стыдно! — не выдержала Алиса.— Вам не на настоящей лошади ездить, а на деревянной!

— А что, деревянные лошадки не слишком резвые? —

заинтересовался Рыцарь, хватаясь за шею Коня очень вовремя, потому что иначе опять вылетел бы из седла.

— Не слишком, не слишком. Они много спокойнее настоящих лошадей,— ответила Алиса (и как ни старалась, не могла скрыть улыбку).

— Я себе одну такую заведу, на пробу,— задумчиво сказал Рыцарь.— Или даже парочку. Одним словом, штук пятнадцать.

Опять наступило молчание, которое прервал Рыцарь:

— Я до чего хотите могу додуматься. Я полагаю, вы помните, что, когда вы в последний раз меня поднимали, у меня был довольно задумчивый вид.

— Да, действительно! — согласилась Алиса.

— Понимаете, я как раз придумывал Новый Способ Перелезания Через Заборы. Хотите, расскажу?

— Конечно, очень хочу,— вежливо ответила Алиса.

— Я изложу вам ХОД МОЕЙ МЫСЛИ,— сказал Рыцарь.— Понимаете, я сказал себе: «Самое трудное — ноги. Голова и так уже достаточно высоко». Итак, мы кладем голову на кромку забора! Напоминаю: голова уже на достаточной высоте! После этого... встаем на голову!!! Теперь ноги тоже выше забора!!! И дело в шляпе!

— Да, вы правы, дело в шляпе,— сказала Алиса, задумчиво глядя на шлем Белого Рыцаря.— А вам не кажется, что это довольно сложный способ?

— Я пока не пробовал,— серьезно ответил рыцарь.— Поэтому не могу ответить наверняка. Но боюсь, что он действительно сло ж н о в а т.

Рыцарь ужасно огорчился. Алиса опять взглянула на шлем.

— Какой у вас удивительный шлем! — сказала она весело.— Это вы тоже сами додумались?

Рыцарь горделиво поглядел на шлем, притороченный к седлу.

— Да,— ответил он.— Но я додумался до другого шлема, похлеще этого. Он имеет форму телескопа. В те времена, когда я его нашивал, стоило мне упасть с Коня, и шлем первым делом утыкался в землю. Так что с а м я почти и не падал... Правда, опасность заключалась в том, что я иногда в него проваливался; однажды так и вышло... Но самое ужасное было то, что в этот момент подъехал ДРУГОЙ БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ, решил, что это

ЕГО шлем, и нахлобучил его на голову... **ВМЕСТЕ СО МНОЙ!**

Когда Рыцарь об этом рассказывал, у него сделалось такое лицо, что Алиса не смела улыбнуться.

— Бедняжка,— сказала она.— Ему, наверно, было нелегко носить вас на голове.

— Разумеется,— подтвердил Рыцарь.— Я отдал ему всю макушку. И только тогда он догадался, что внутри кто-то есть. Но прошли месяцы, прежде чем меня оттуда выскребли. Пока меня выскребали, настроение у меня было кислое, как клюква.

— Настроение не может быть кислым, как клюква,— возразила Алиса.

Рыцарь покачал головой.

— Да оно было еще кислее. Честное слово! — воскликнул он и с воодушевлением взмахнул рукой, после чего немедленно выпал из седла и угодил головой в канаву.

Алиса бросилась к нему: Рыцарь опять ее напугал, потому что довольно долго из канавы торчали одни его ноги, и она решила, что **НА ЭТОТ РАЗ** он здорово стукнулся. Впрочем, несмотря на то что Алиса видела только его пятки, она быстро успокоилась, потому что из канавы до нее донесся спокойный голос Рыцаря.

—...Еще кислее,— повторил голос.— Но с его стороны было бесстыдством хватать чужие шлемы... да еще когда кто-то сидит внутри.

— Удивительно, как это у вас получается — так спокойно разговаривать, стоя вверх ногами,— сказала Алиса, вытащила Рыцаря и уложила его у самого края канавы.

Это замечание поразило Рыцаря.

— Какая разница, где у меня голова, а где ноги? — спросил он.— Голова-то все равно работает точно так же. Больше того, когда стоишь вверх ногами, в голову приходят **ВЫДАЮЩИЕСЯ** мысли... Самая моя гениальная мысль,— добавил он, помолчав минуту,— касалась Рецепта Нового Пирога. Эта мысль у меня родилась за супом.

— И Пирог успели приготовить, пока вы ели второе? — спросила Алиса.— Как здорово! Я бы ни за что не управилась...

— Нет. **НЕ** пока я ел второе,— задумчиво сказал Рыцарь.— В тот день я не ел второго.

— Так, значит, вам испекли Пирог назавтра? А в тот день вы ели какой-то другой Пирог?

— Назавтра? Нет,— ответил Рыцарь.— НЕ назавтра. По правде говоря,— добавил он, опустив глаза и переходя на шепот,— по правде говоря, его вообще НЕ испекли. По правде говоря, его вообще никогда НЕ испекут. А Пирог был бы замечательный. Это я сам до него додумался.

— А какая у него должна была быть начинка? — спросила Алиса, пытаясь приободрить Рыцаря, но у бедняги был уже совсем понурый вид.

— Начинка? — простонал Рыцарь.— Начинка из промокашки.

— Наверно, это не очень вкусно...

— Да, не очень, если промокашка — одна,— живо ответил Рыцарь,— но если ее много и если ее сдобрить клеем и фиолетовыми чернилами, вы представить себе не можете, как меняется вкус! Ну, тут мы с вами расстанемся.

Они как раз вышли к опушке. У Алисы был озадаченный вид: она все еще размышляла о Промокашечном Пироге.

— Что-то вы загрустили,— забеспокоился Рыцарь.— Знаете, я вам спою песню — и вам сразу полегчает.

— А она длинная? — спросила Алиса, которая уже не могла спокойно слышать ни о песнях, ни о стихах.

— ОЧЕНЬ! — ответил Рыцарь.— ОЧЕНЬ длинная, но ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ и ОЧЕНЬ жалостная. Кто ее ни услышит, тот или зарыдает, или...

— Или что? — спросила Алиса, потому что Рыцарь внезапно замолчал.

—...или не зарыдает. А название этой песни... Оно называется «НЕЛЬЗЯ ЛИ ПАВИАНА...».

— Вот как? Неужто так называется песня? — спросила Алиса, делая вид, что ее это заинтересовало.

— Да нет! Вы не понимаете! — раздраженно ответил Рыцарь.— Это ее название так называется. А сама она называется «ОДНАЖДЫ ЛЫСОМУ ЕЖУ...».

— Ага. Значит, я должна была сказать: «Это и есть название песни?» — исправилась Алиса.

— Да нет же! Это она так называется. А название песни — «ЗА ДИКОГО КОТА». Но это только название.

— Так какая же это песня? — спросила совершенно ошарашенная Алиса.

— К этому я и перехожу, — сказал Рыцарь. — Это песня — «СТАРИК, УПАВШИЙ С КАЛАНЧИ». Слова и музыка — мои. Я до них сам додумался.

Сказав это, он бросил поводья и слез с Коня. Пение явно доставляло ему удовольствие. Медленно отбивая такт правой рукой, с бледной улыбкой на своей круглой физиономии он начал.

Из всех необычайных событий, которые приключились с Алисой в Зазеркалье, это она запомнила яснее всего. И через многие годы в ее памяти сохранилась эта картина, как будто видела она ее только вчера: светло-голубые глаза и нелепая улыбка Белого Рыцаря, отблески заходящего солнца на его золотистых волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий травку неподалеку, сумрак Леса у нее за спиной — все это запомнилось Алисе навсегда, пока она стояла себе, прислонясь к дереву и прикрыв щитком глаза, разглядывала эту странную пару — Коня и Рыцаря — и в полусне прислушивалась к печальной мелодии песни.

«Ну нет! До мелодии он НЕ САМ додумался, — подумала Алиса. — Ведь это «И мой сурок со мною...». Она слушала очень внимательно, но почему-то ей совсем не хотелось плакать.

СТАРИК, УПАВШИЙ С КАЛАНЧИ

Ты эту песенку потом

С друзьями разучи.

Я был знаком со Стариком,
Упавшим с каланчи.

Спросил я: «Как и почему

Ты влез на каланчу?»

Похлопал он по моему

По правому плечу

И отвечал печально мне:

«Я занят ловлей мух,

Я продаю их по цене

Полденежки — за двух.

Я продаю их морякам

С пиратских бригаantin,

Но иногда съедаю сам:
Ведь я живу один».

Но я в тот день решал вопрос,
Как отрастить усы.

Имея только купорос,
Линейку и весы.

И вот, не слушая его,
Я в бешенстве кричу:

«Зачем и как и отчего
Ты влез на каланчу?» —

«С ковров я остригаю ворс,—
Ответил старикан,—

И делаю из ворса — морс
(Полденежки — стакан!);
Его прозвали ЛИМОНАД,—

Печально молвил он,—
За то, что много лет назад
Я клал в него лимон»...

Но я раздумывал о том,
Нельзя ли павиана

Заставить в бубен бить хвостом
И петь под фортепьяно.

И я сказал: «Ответь, старик,
А то поколочу,

С какою целью ты проник
На эту каланчу!»

Он отвечал: «В чужом краю,
Где скалы да пески,

Ищу я рыбью чешую
И косточки трески.

Хочу из этой чешуи
Я сшить себе жилет.

Такой жилет мне не сносить
За девяносто лет!

И вот что я тебе скажу,—
Проговорил старик,—

Недавно лысому ежу
Я подарил парик,

А год назад я откопал
Подсвечник без свечи:

ВОТ ПОТОМУ-ТО Я УПАЛ
С ПРОКЛЯТОЙ КАЛАНЧИ!»

Но я раздумывал о том,
Как выкрасить кита,
Чтоб выдавать его потом
За дикого кота.
И я сказал в ответ ему:
«Старик, я не шучу,
Но не пойму я,
Почему
Ты влез на каланчу!!!»

Прошли года, но и теперь,
Измазавшись в клею,
Иль прищемив ногою дверь,
Иль победив в бою,
Я непрерывно слезы лью,
И этих слез ручьи
Напоминают мне о том,
Кто был почтенным стариком,
Со мной согласным целиком,
Всегда болтавшим языком,
Любившим тех, кто с ним знаком
(А также тех, кто незнаком),
Питавшимся одним песком,
Махавшим грозно кулаком,
Глотавшим все одним куском,
Смеявшимся над пустяком,
И лихо ездившим верхом,
И бившим окна молотком,
Ловившим кошек гамаком,
УПАВШИМ С КАЛАНЧИ.

Кончив петь, Рыцарь ухватил Коня за поводья и развернул его в ту сторону, откуда они только что пришли.

— Вам осталось совсем немножко,— сказал он.— Спуститесь к подножию холма, перейдите через ручеек, и вы — Королева. Но сперва проводите меня,— добавил он, как только Алиса с надеждой посмотрела в сторону ручья.— Я вас не задержу. Пойдите здесь и помажьте мне платком, пока я не скроюсь за поворотом. Это придаст мне бодрости и сил.

— Хорошо,— сказала Алиса.— Большое спасибо, что проводили меня и спели песню. Она мне очень понравилась.

Глава девятая Королева Алиса

— Вот здорово! — воскликнула Алиса. — Неужто я в самом деле стала королевой?! И вот что я вам скажу, Ваше Величество, — тут же добавила она (ведь Алиса ужасно любила делать себе замечания), — полежали на травке — и хватит. Королевы так НИКОГДА не поступают.

Тут Алиса отправилась дальше. Сперва ей было страшновато: а вдруг корона свалится с головы, — но в конце концов она успокоилась. «Все равно пока меня никто не видит, — решила Алиса, снова усевшись на траву, — а если я действительно королева, то, наверно, научусь носить корону как полагается».

В Зазеркалье Алиса настолько привыкла к разным Загадочным Происшествиям, что несколько не удивилась, когда обнаружила, что рядом с ней сидят Черная и Белая Королевы. Она хотела было спросить, откуда они здесь взялись, но побоялась, что это выйдет не слишком вежливо. «Зато, — подумала она, — ничего страшного не будет, если я спрошу, закончилась ли партия».

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста... — начала она, робко поглядывая на Черную Королеву.

— Говори, только если тебя спрашивают, милочка, — холодно заметила Черная Королева.

— Ох, но если бы все так делали, — сказала Алиса, не упуская возможности поспорить, — и если бы вы

говорили, только если вас о чем-нибудь спросят, а Все Остальные стали бы дожидаться, пока вы их о чем-нибудь спросите, то все-все сидели бы и молчали. Значит...

— Дичь! — прикрикнула Черная Королева. — Несуразная дичь! Неужели не ясно, что... — Тут она нахмурилась и замолчала. Поразмыслив, она заговорила снова, но уже о совершенно другом: — Так ты осмелилась о себе сказать «Если я настоящая королева»? С какой стати? Пока ты никакая не королева. У тебя есть шансы стать настоящей королевой, если ты сдашь соответствующий экзамен. Кстати, чем раньше ты его сдашь, тем лучше для тебя.

— Но я ведь только сказала «если», — принялась оправдываться Алиса.

Черная Королева, передернув плечами, процедила:

— И это милое дитя еще утверждает, что сказала только «если»!

— Но она сказала намного, НАМНОГО больше, — простонала Белая Королева, ломая руки. — УМУ НЕПОСТИЖИМО, сколько она тут наговорила. Зачем, зачем ты это сделала, девочка?!

— Настоятельно тебе рекомендую, — сказала Алисе Черная Королева, — а) всегда говорить правду, б) сначала подумать, а потом отвечать, в) все, что сказала, записать в записную книжку.

— Но я и не думала... — начала было Алиса, но Черная Королева мгновенно ее перебила:

— Вот об этом я и твержу! Ты обязана думать! Какой смысл в девчонке, которая несет бессмыслицу? Даже в шутке есть какой-то смысл, а девчонка, насколько мне известно, важнее шутки! Тут ты меня не застанешь ВРАСПЛЮХ!

— Я не знаю, что такое «застать ВРАСПЛЮХ», — призналась Алиса.

— А разве я сказала, что знаешь? — протянула Черная Королева. — По-моему, я сказала только, что врасплюх ты меня не застанешь! Даже если очень постараться!

— Бедняжка, так уж у нее голова устроена, — обратилась Белая Королева к Черной. — Ее все время тянет поспорить... а о чем, она сама не знает.

— У нее злобный и угрюмый нрав, — заметила Черная Королева.

Минуту все сидели в оцепенении. Наконец Черная Королева обратилась к Белой:

— Приглашаю вас, Ваше Величество, на Торжественный Обед, который сегодня дает Алиса.

Белая Королева слабо улыбнулась и ответила:

— А я приглашаю вас, Ваше Величество.

— Я и не знала, что даю сегодня Торжественный Обед,— вмешалась Алиса.— Но раз я его даю, то я и должна приглашать гостей.

— Времени, чтобы нас пригласить, у тебя было вполне достаточно! — мрачно заметила Черная Королева.— Впрочем, тебя, судя по всему, не водили на Уроки Сносного Поведения, не говоря уже о Хорошем.

— На уроках учат не Сносному Поведению, а Арифметике,— возразила Алиса.

— Раз так, начнем прямо с нее,— обрадовалась Черная Королева.— тебе же хуже, моя милая.

— Ты ведь знаешь Сложение? — спросила Белая Королева.— Сколько будет один плюс один?

— Ой, я сбилась со счета,— испуганно ответила Алиса.

— Ну-с, с этим все ясно. Сложения она не знает,— заявила Черная Королева.— Но может быть, ее СЛУЧАЙНО научили Вычитанию? Сколько будет, если отнять от семи восемь?

— Не знаю,— начала Алиса,— но зато...

— Нет! Она... не знает Вычитания! — печально сказала Белая Королева.— Но ведь ты, наверно, знаешь Деление? Правда? Раздели булку ножом — что получится?

— Может быть...— сказала Алиса, но Черная Королева махнула рукой и ответила за нее:

— Разумеется, бутерброд! У тебя еще осталась надежда исправить положение: вот тебе дополнительный пример на Вычитание: что останется, если отнять у собаки кость?

Алиса задумалась:

— Кость не останется, это ясно, я ее отняла... Собака тоже не останется: она побежит за мной, чтобы меня укусить... и уж тогда меня, конечно, тоже не останется!

— Что же, по-твоему, ничего не останется? — спросила Черная Королева.

— Да, наверно...

— Ответ, как всегда, глубоко ошибочный, — сказала Черная Королева, — останется собачье ТЕРПЕНИЕ.

— А почему...

— Это э-ле-мен-тар-но! — закатила глаза Черная Королева. — Собака потеряет терпение? Верно?

— Скорее всего... — осторожно ответила Алиса.

— Значит, если собака убежит, ТЕРПЕНИЕ останется! — торжествующе воскликнула Королева.

Алиса, стараясь сохранить серьезность, сказала:

— Да, но это... ТЕРПЕНИЕ ведь тоже может куда-нибудь убежать, в какую-нибудь другую сторону. И потом, собака может потерять не ТЕРПЕНИЕ, а, скажем... скажем, САМООБЛАДАНИЕ. Тогда что? — но в то же время подумала: «О чем же это мы говорим?!»

— В Арифметике она ни в зуб ногой! — хором закричали Королевы.

— А вы? — спросила Алиса у Белой Королевы, страшно недовольная тем, что ее все время ловят на ошибках.

Королева тяжело вздохнула и зажмурилась.

— Я немного умею складывать, — сказала она, — конечно, если это нужно не срочно. Но от Вычитания у меня всегда кружится голова...

— Ты знаешь азбуку? — спросила Черная Королева.

— Конечно, — ответила Алиса.

— Я тоже, тоже знаю азбуку, — прошептала ей на ухо Белая Королева. — По вечерам мы будем вместе повторять ее, дорогая. Ты знаешь, у меня есть один секрет, но тебе я скажу: я умею читать слова из одной буквы! Правда, феноменально? Но ты не расстраивайся, я уверена, что с возрастом и ты к этому придешь.

Тут снова заговорила Черная Королева.

— Вот тебе Простой Вопрос из Практической Жизни, — сказала она. — Как делают хлеб?

— Ой, это я знаю! — обрадовалась Алиса. — Сначала выращивают зерно, а потом везут его на мельницу, а там...

— НА МЫЛЬНИЦУ? — поразились Белая Королева. — Неужели его там МЫЛЯТ?

— Конечно, нет, — объяснила Алиса. — Его там МЕЛЮТ.

— Это ты мелешь чушь,— сказала Черная Королева.— В тебе нет серьезности ни на копейку. Между прочим,— добавила она,— девочке не помешал бы Освежающий Ветерок. Она слишком долго думала, и у нее начался жар.

Тут обе Королевы принялись обмахивать Алису зелеными ветками, пока она не попросила их перестать: Королевы подняли такой ветер, что в ушах свистело.

— Ну-с, она пришла в себя,— сказала Черная Королева.— Продолжим. Ты, вероятно, считаешь, что знаешь Иностранные Языки? Как будет ТРУ-ЛЯ-ЛЯ по-французски?

— Такого слова вообще нет,— ответила Алиса.

— А разве кто-нибудь говорил, что есть? — надменно спросила Черная Королева.

Алиса задумалась. Наконец ей показалось, что она нашла выход из положения.

— Если вы скажете, что значит ТРУ-ЛЯ-ЛЯ, я переведу его на французский! — воскликнула она.

Но Черная Королева поджала губы и ответила:

— Мы, КОРОЛЕВЫ, в сделки не вступаем.

«Если бы еще вы, КОРОЛЕВЫ, не вступали в споры»,— подумала Алиса.

— Не будем ссориться,— взволнованно сказала Белая Королева.— Еще один вопрос, дорогая: отчего бывает молния?

— Молния,— решительно ответила Алиса, потому что на этот счет она была вполне уверена,— молния бывает от грома... то есть нет...— тут же исправилась она,— все наоборот!

— Поздно! — сказала Черная Королева.— Поправки не принимаются. Прежде чем болтать языком, следует подумать о Возможных Последствиях.

— Кстати,— вмешалась Белая Королева, мигая и теребя синий платочек,— кстати, в прошлый вторник была УЖАСНАЯ гроза. Я имею в виду один из позавчерашних вторников.

Алиса удивилась.

— У меня дома,— сказала она,— никогда не бывает по нескольку вторников одновременно.

— На твоём месте я бы это скрыла,— ответила Черная Королева,— а не хвасталась на каждом перекрестке. У нас бывает по два-три дня одновременно. А зимой

мы приглашаем по пять ночей сразу — чтобы согреться.

— А пять ночей сразу — теплее, чем одна? — осторожно осведомилась Алиса.

— Разумеется, ровно в пять раз теплее.

— Но тогда они и в пять раз холоднее, потому что...

— Совершенно верно! — отчеканила Черная Королева. — В пять раз теплее и в пять раз холоднее. А я в пять раз умнее и в пять раз богаче, чем ты!

Алиса вздохнула и смолчала. «Это вроде загадки без отгадки», — подумала она.

— Кстати, во время грозы я встретила Шалтая-Болтая, — ни на кого не глядя, пробормотала себе под нос Белая Королева. — Он стоял у соседнего дома и держал под мышкой чайник...

— Зачем? — спросила Черная Королева.

— Он сказал, что у него там живет дружок, — проговорила Белая Королева, — один гиппопотам. Но как раз в ту ночь гиппопотам там не было. Он вышел пройтись.

— А когда он там бывает? — спросила Алиса.

— Преимущественно по четвергам, — сказала Королева.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Шалтай-Болтай искал вовсе не гиппопотам. Он хотел расправиться с рыбами, которые...

Тут Белая Королева ее перебила:

— Я не могу без трепета вспомнить эту грозу, — прошептала она.

— Ты никак не можешь обойтись без трепета, — с упреком заметила Черная Королева.

— Крыша, — продолжала Белая Королева, — крыша провалилась, а в дыру посыпался гром — вот такими кусищами! Он перебил мне все стулья... и вообще мебель... не говоря уже о диванных валиках... От ужаса я побледнела и... и изменилась до НЕУЗНАВАЕМОСТИ!

«Как будто в такую грозу, — подумала Алиса, — да еще ночью, вообще кого-нибудь можно узнать!»

Но она промолчала, чтобы не обидеть Белую Королеву.

— Вы уж нас простите, Ваше Величество, — сказала Черная Королева Алисе и заботливо погладила Белую Королеву по растрепанной голове. — Мы все время хо-

тим сделать как лучше, мы стараемся. И не наша вина, что мы все равно, как правило, несем совершеннейшую чушь.

Белая Королева стыдливо глянула на Алису. Алиса почувствовала, что ей обязательно нужно сказать что-нибудь утешительное, но ничего не могла придумать.

— Мы отвратительно воспитаны,— продолжала между тем Черная Королева.— Но все-таки у нас сносный характер. Погладьте нас по головке и посмотрите, как нам будет приятно.

Но этого Алиса не осмелилась сделать.

— Немного ласки... и перманентная завивка... делают с нами чудеса...

Белая Королева вздохнула и положила голову Алисе на плечо.

— Ба-аиньки...— протянула она.

— Бедняжку сморило! — сказала Черная Королева.— А вы, любезная, причешите ее... заплетите ей косичку... и спойте колыбельную.

— Я не знаю ни одной колыбельной,— ответила Алиса, доставая гребешок.

— Самую трудную работу, как обычно, взваливают на меня,— сказала Черная Королева и завела колыбельную:

Спи, Королева,
Скорее усни.
Три Королевы остались одни,
Трех Королев приглашают к столу,
Трем Королевам — почет на балу.
Спи, потому что нам скоро пора
На бал — до рассвета,
На пир — до утра.

Далее в том же духе,— добавила она и положила голову Алисе на колени.— Теперь спой колыбельную мне. Мне необходимо вздремнуть.

Через минуту обе королевы уже спали и тихонько похрапывали.

— Ну, а мне что делать?! — воскликнула Алиса, недоуменно взирая на спящих дам.— Наверно, никому еще не приходилось баюкать двух королев сразу. Никому! За всю Историю! Потому что нигде ведь не бывает двух королев о д н о в р е м е н н о... Да проснитесь же вы, сони

несчастные! — крикнула она, но в ответ раздался только мерный храп.

Королевы храпели все сильнее, и сквозь храп совершенно отчетливо доносились слова какой-то песенки. Понемногу Алиса стала различать даже отдельные фразы и страшно расстроилась, когда королевы внезапно куда-то исчезли.

Оказалось, что она уже давно стоит перед дверью, над которой большими буквами выведено: «КОРОЛЕВА АЛИСА». К двери были прибиты звонки. Под одним была приколочена табличка: «ДЛЯ ГОСТЕЙ», а под другим — точно такая же с надписью: «ДЛЯ ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ».

— Подожду, пока кончится песенка, — решила Алиса, — а потом позвоню. Только... только в какой звонок мне звонить? — озадаченно спросила она. — Я, по-моему, не ГОСТЬ, не ЖАЛОБА и не ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Я — Королева. Здесь нужен звонок «ДЛЯ КОРОЛЕВ».

В это время дверь приотворилась, в щель просунулся чей-то зубастый клюв и сказал: «Приема нет. Сколько раз повторять!» — после чего дверь с треском захлопнулась.

Алиса долго стучала и звонила, пока наконец очень унылая и дряхлая Лягушка, сидевшая под соседним деревом, не встала и не заковыляла в ее сторону. На лягушке было платье в горошек и огромные сапоги.

— Чего надо? — спросила она сиплым басом.

Алиса обернулась. Она была готова поругаться с кем угодно.

— Кто здесь отвечает за эту дверь? — строго спросила она.

— Которую дверь? — удивилась Лягушка.

Алиса топнула ногой от злости:

— Конечно, вот эту!

Лягушка пожевала губами, подошла к двери и поковыряла ее лапой, как будто любопытствовала, отойдет ли краска. Потом она одурело взглянула на Алису.

— Кто отвечает за эту дверь? — переспросила она. — А зачем отвечать? Разве она чего-нибудь спрашивает?

Лягушка совсем осипла, и Алиса с трудом разобрала, что она сказала.

— Что вы имете в виду? — для вежливости спросила

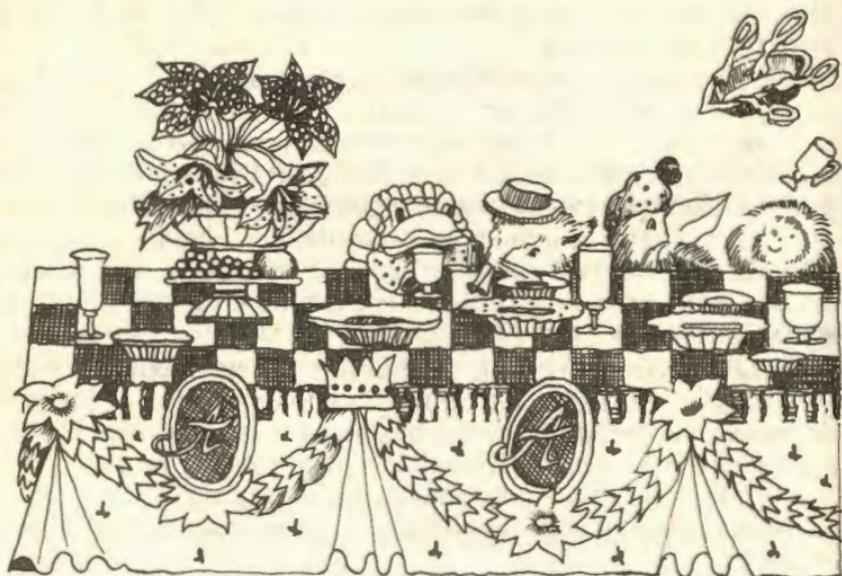
— Я вроде ясно сказала,— ответила Лягушка.— Оглохла ты, что ли? Она тебя о чем-нибудь спрашивала?

— Нет,— ответила Алиса.— Я в нее стучала.

— Зря...— прохрипела Лягушка.— Она у нас этого не любит.

Тут Лягушка подскочила к двери и ловко пихнула ее своим сапогом.

— Ты ее не трожь,— посоветовала она, снова направляясь к дереву.— И она тебя... не тронет.

В это время дверь распахнулась, и чей-то пронзительный гóлос зашел:

Нам сказала Алиса: «Скорее ко мне!

Будем все пировать в Зазеркальной стране!

Я теперь буду править волшебной страной!

Не хотите! ли вы! отобедать! со мной?»

И сотни голосов подхватили:

А кошек и мышек засунем в компот,

Попробуем пуха, а также пера,

И все прокричим трижды тридцать «УРА!!!».

Послышались крики и неясный шум аплодисментов.

«Трижды тридцать — это девяносто. Интересно, считает там кто-нибудь или нет?» — подумала Алиса. Наступило молчание, и тот же пронзительный голос пропел следующий куплет:

Нам сказала Алиса: «Прошу вас учсть,
Что со мной пообедать — великая честь!
Потому что я правлю волшебной страной!!
Не хотите ли! вы! отобедать со мной?!»

И голоса подхватили:

Так налей мне в стакан керосин или клей,
А себе ты, дружище, касторки подлей.
Мы подушку съедим, простыню и матрас
И крикнем «УРА!!!» семью семьдесят раз!

— Семью семьдесят! — в отчаянии повторила Алиса. — Сколько же это будет! Лучше войти сейчас, а то... — Она вошла, и в тот же момент воцарилась мертвая тишина.

Проходя через зал, Алиса беспокойно оглядывала стол. Гостей было штук пятьдесят, и все — самого не-

вероятного вида: там были птицы, рыбы, насекомые и даже цветы.

«Хорошо, что не я их приглашала,— подумала она.— Я бы ни за что не сообразила, кого позвать, а кого нет».

Во главе стола стояли три кресла. В них уже сидели и Черная и Белая Королевы, но кресло в середине пустовало. Алиса уселась в него, хотя ей и было не по себе. Все по-прежнему молчали, и Алиса ждала, когда же кто-нибудь заговорит.

Начала Черная Королева.

— Ты, как всегда, опоздала. Суп они уже наверху, — сказала она. — Подайте жаркое!

Прямо перед Алисой поставили блюдо с Бараньей Ногой. Она с тревогой посмотрела на Ногу, не зная, как с ней обращаться.

— Да не стесняйся! — сказала Черная Королева. — Я сейчас тебя с ней познакомлю. Алиса — Баранья Нога. Баранья Нога — Алиса.

Баранья Нога привстала на блюде и раскланялась. Алиса тоже поклонилась, не зная, испугаться или нет.

— Хотите кусочек? — спросила она у Белой Королевы, взяв нож и вилку.

— Категорически возражаю, — решительно ответила Черная Королева. — Категорически возражаю против Отрезания Кусков От наших Знакомых. Это бесчеловечно!.. Принесите пудинг!

Баранью Ногу унесли, а на ее место поставили Пудинг.

— Пожалуйста, не знакомьте меня с Пудингом, — прошептала Алиса. — Иначе мы останемся без обеда. Хотите кусочек?

Но Черная Королева быстро пробормотала:

— Пудинг — Алиса. Алиса — Пудинг... Унесите Пудинг! — И Пудинг мгновенно унесли, как раз в тот момент, когда он поклонился Алисе.

«Почему здесь распоряжается Черная Королева?!» — подумала Алиса и закричала:

— Принесите Пудинг назад! Немедленно!

И в тот же миг Пудинг очутился на прежнем месте. Он был огромный, как колесо, и Алиса сперва не знала, как к нему подступиться. Но все-таки она преодо-

дела свою застенчивость, отрезала кусочек и подала его Черной Королеве.

— Хамство какое! — пробасил Пудинг.— А если бы я отрезал от вас кусок, что бы вы сказали?!

Он говорил густым, жирным голосом. Алиса ничего ему не ответила: она смотрела на него с открытым ртом и удивлялась.

— Тебе придется что-нибудь сказать,— заметила Черная Королева.— Неудобно, когда за столом высказываются один Пудинг.

— Вы знаете, мне сегодня прочли ужасно много стихов,— сказала Алиса и струсилла, потому что в тот же момент наступила тишина и все уставились на нее.— И вот что, по-моему, странно: все эти стихи были про рыб. Почему здесь все говорят только о рыбах?

В ответ Черная Королева сказала нечто совершенно несуразное.

— Насчет рыб,— медленно и сурово проговорила Королева на ухо Алисе,— насчет рыб тебе лучше обратиться к Ее Белому Величеству. Она припасла для тебя очаровательную загадку... всю в стихах... и всю о рыбах. Я думаю, она нам ее прочтет?

— Как мило, что вы об этом вспомнили,— заворковала Белая Королева.— Это будет УПОИТЕЛЬНО! Возможно, я прочту?

— Прочтите, пожалуйста,— попросила Алиса.

Белая Королева игриво улыбнулась и потрепала Алису по щеке, после чего прочла:

Рыбу ловят в пруду.

Как известно, для этого опыт особый не нужен.

Я на рынок пойду

И, конечно, куплю эту чудную рыбу на ужин.

Рыбу, я вам скажу,

Я ни жарить, ни парить, пожалуй, не буду.

Рыбу я положу

На огромное и чрезвычайно красивое блюдо.

Вот зову я слугу...

Но, простите, а вы мне помочь не могли бы?

Оторвать не могу

Я проклятую рыбу от блюда, а блюдо от рыбы.

Пожеланье мое

Заключается в том, чтобы рыбу призвали к порядку.

Вы хотите ОТВЕДАТЬ ее?

Но сначала найдите ОТВЕД на загадку.

— Можете подумать, хотя это все равно не поможет,— сказала Черная Королева.— А пока... За здоровье Королевы Алисы! — взвизгнула она не своим голосом.

Тут все гости кинулись пить за здоровье Алисы, хотя и делали это кто как: одни нахлобучили стаканы на головы и слизывали капли, стекавшие у них по носу. Другие опрокинули графины и бутылки и вылизывали скатерть. Наконец, трое гостей, больше всего похожие на носорогов, забрались на блюдо с Бараньей Ногой и стали торопливо угощаться подливкой. «Как поросята»,— подумала Алиса.

— Теперь попытайтесь выразить в краткой речи свою признательность гостям,— процедила Черная Королева.

— Не бойся, мы тебя поддержим,— прошептала Белая Королева.

Алиса послушно встала, хотя и чувствовала себя неловко.

— Спасибо,— шепнула она Белой Королеве,— но меня вовсе не нужно поддерживать.

— Вздор. Иначе ничего не выйдет,— сказала Черная Королева.

Алиса покорилась.

(«Они страшно толкались! — рассказывала она впоследствии о том, как королевы ее поддерживали.— Они сдавили меня с боков, как будто хотели расплющить меня в лепешку»).

Так оно и было: королевы пихались локтями и толкались так, что она чуть не поднялась в воздух.

— В моей краткой речи я хочу поднять вопрос о...— начала было Алиса. Но вместо вопроса она сама поднялась и повисла над столом. Еле-еле успела она уцепиться за скатерть и с трудом вернулась в прежнее положение.

— Берегись! — завопила Белая Королева и обеими руками вцепилась Алисе в волосы.— Берегись! Сейчас начнется!

И тут действительно началось нечто невообразимое. Свечи выросли до потолка и принялись водить хоровод. Тарелки взмахнули ложками и, как воробьи, резлетелись по углам («Как самые настоящие воробьи»,— по-

думала Алиса, если в такой неразберихе еще можно было о чем-то думать).

В этот момент она услышала хриплый смех где-то поблизости и, оглянувшись, увидела, что вместо Белой Королевы в кресле развалилась Баранья Нога.

— Ку-ку, вот и я! — раздался голос из кастрюли с супом.

Обернувшись, Алиса увидела, что из кастрюли показалась веселая улыбающаяся физиономия Белой Королевы. В тот же миг она бесследно исчезла в супе.

Нельзя было терять ни минуты. Некоторые гости уже лежали на блюдах, а с другого края стола в сторону Алисы направлялся ухмыляющийся Половник и злобно покрикивал:

— Прочь с дороги!

— Довольно! — закричала Алиса и обеими руками потянула за скатерть: достаточно было одного рывка, и блюда, тарелки, гости, подсвечники полетели на пол...

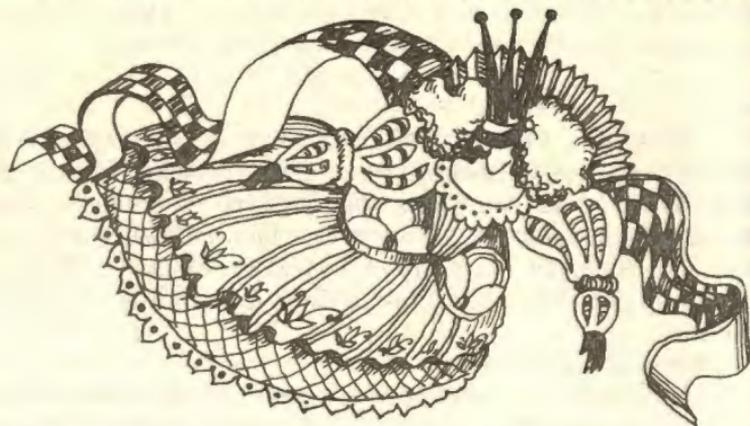
— Ну, а тебя... — сказала она, в гневе обращаясь к Черной Королеве, которая, как она считала, была причиной всего этого безобразия... но Королевы рядом уже не было: она стала маленькой, совсем крошечной и теперь бегала по столу за своей шалью, а шаль волочилась за ней.

Но Алиса была слишком взволнована, чтобы чему-либо удивляться.

— Ну, а тебя, — повторила она, схватив крошечную Королеву в тот самый миг, когда она перепрыгивала через вилку, невесть откуда свалившуюся на стол, — ну, а тебя я возьму за шиворот, как котенка, и буду трясти, трясти, трясти, трясти...

Глава десятая Встряска

Сказав это, Алиса действительно схватила Королеву за шиворот и принялась ее трясти.

Королева и не думала сопротивляться. Чем сильнее трясла ее Алиса, тем меньше становилась Черная Королева. Она делалась все мягче и мягче... все круглей и круглей... все пушистей и пушистей, пока наконец Алиса не увидела, что держит за шиворот...

Глава одиннадцатая Пробуждение

КОТЕНКА

Глава двенадцатая

Кому все это приснилось

— Может быть, Ваше Величество соизволит мурлыкать потише? — спросила Алиса, протирая глаза и обращаясь к котенку почтительно и чуть-чуть обиженно. — Из-за вас я не досмотрела сон... Ой! КАКОЙ это был сон!.. И знаешь, глупый котенок, ведь ты тоже был там... в Зазеркалье. Честное слово!

К сожалению, у котят (как уже давно заметила Алиса) есть дурная манера мурлыкать в ответ на любой вопрос.

— Вот если бы они мурлыкали в знак согласия, — рассуждала Алиса, — а мяукали, когда им что-то не нравится, с ними еще кое-как можно было бы разговаривать. Но чего от них ждать, если они всегда только мурлычут!

В ответ котенок замурлыкал. И кто знает, был он согласен с Алисой или нет.

Среди шахматных фигур Алиса разыскала Черную Королеву и поставила ее перед котенком.

— Ну, признавайся! — закричала она, хлопая в ладоши. — Признавайся: ведь ты был Черной Королевой?!

(«Но котенок, — рассказывала она впоследствии своей сестре, — отвернулся и притворился, что ничего не понимает. И все-таки он был немножко смущен. Поэтому я думаю, что была права».)

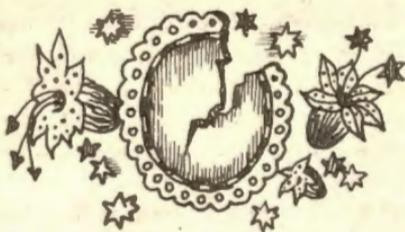
— Пожалуйста, будь посерьезней! — засмеялась Алиса. — И почаще делай реверансы, особенно когда думаешь, что... что мяукнуть. Запомни: это экономит массу

времени!.. Послушай, Снежок,— обратилась она к белому котенку, которого по-прежнему вылизывала Дина.— Когда же наконец Дина отпустит Ваше Белое Величество? Вот, наверно, почему ты был так ужасно растрепан, когда был Белой Королевой... Дина! Ты и не знаешь, что вылизываешь Ее Белое Величество! Как тебе не стыдно! Разве можно так обращаться с Королевами?.. Интересно, а в кого превратилась Дина? — Тут Алиса села на каминный коврик, ведь так намного удобнее разговаривать с котятами.— Ну-ка, Дина, отвечай: ты ведь была Шалтаем-Болтаем? Правда?! Только ты пока не говори об этом знакомым, а то я все-таки не очень уверена. Кстати, Дина, если ты побывала в моем сне, тебе должна была больше всего понравиться одна вещь: там все время читали стихи про рыбу! Завтра я устрою тебе настоящий пир: пока ты будешь завтракать, я буду читать тебе «Тюленя и Плотника», и тебе будет казаться, что ты ешь карасей в сметане!..

— А теперь давай решим, кому же все это приснилось,— сказала Алиса черному котенку.— Ты со мной согласен? И нечего все время лизать лапку с таким видом, как будто ты сегодня не умывался. Понимаешь, все это могло присниться или мне, или Черному Королю. конечно, он был частью моего сна... Но ведь и я была частью его сна! Неужели все это приснилось Черному Королю? Ведь ты, глупый котенок, был его Королевой и должен знать, так это или нет... Ну помоги же мне! И перестань лизать лапку...

Но противный котенок сделал вид, что не слышит, и занялся следующей лапой.

Кому же все это приснилось, как ты считаешь?

* * *

А помнишь, как по синей воде
Легкую лодочку ветер гонит?
Июльский вечер. Покой везде.

Слушают дети. И солнце тонет:
Алый круг еще над рекой.
Памяти этой время не тронет.

Льдом и ветром, злом и тоской,
Едим снегом и тусклым светом
Зима покрыла июльский покой...

А память — она не рассталась с летом.
Но нет, я найду Алису! А где?
Сказка не может кончаться на этом.

Легкая лодка на синей воде.
Июльский вечер. Солнце садится:
Длинный луч скользит по гряде.

Да разве все это небылица?
Есть ли Алиса? Была ли она?
Легко ли поверить, что детские лица —
Лишь одно дуновенье сна?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Борис Заходер. Глава никакая, из которой тем не менее можно кое-что узнать	3
Глава первая, в которой Алиса чуть не провалилась сквозь землю	10
Глава вторая, в которой Алиса купается в слезах	17
Глава третья, в которой происходит Кросс по инстанциям и история с хвостиком	25
Глава четвертая, в которой Тритон Билль вылетает в трубу	33
Глава пятая, в которой Червяк дает полезные советы	41
Глава шестая, в которой встречаются Пороosenок и перец	49
Глава седьмая, в которой пьют чай, как ненормальные	59
Глава восьмая, в которой играют в крокет у Королевы	68
Глава девятая, в которой рассказана история Деликатеса	78
Глава десятая, в которой танцуют Раковую Кадриль	87
Глава одиннадцатая, в которой выясняется, кто стащил пирожки	97
Глава двенадцатая, в которой Алиса свидетельствует	104

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Вл. Орел. Еиволсидерп. О том, кто написал эту книгу	111
Предисловие автора	124
Глава первая. Дом в Зазеркалье	126
Глава вторая. В саду Говорящих Цветов	135
Глава третья. Зазеркальные насекомые	143
Глава четвертая. Тилибом и Тарарам	152
Глава пятая. Пух-перо	164
Глава шестая. Шалтай-Болтай	173
Глава седьмая. Лев и Единорог	184
Глава восьмая. «Это я сам додумался!»	193
Глава девятая. Королева Алиса	206
Глава десятая. Ветряска	220
Глава одиннадцатая. Пробуждение	220
Глава двенадцатая. Кому все это приснилось	221

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Редактор Е. Черняк. Художник Н. Тихонова. Художественный редактор Н. Данилов. Технический редактор Л. Голобокова. Корректор М. Худякова

ИБ № 1621. Сдано в набор 30.03.87. Подписано в печать 14.09.87. Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,7. Усл. кр.-отт. 14,06. Уч. изд. л. 12,7. Тираж 150 000 экз. (2-й завод 100 001—150 000 экз.). Заказ 206. Цена 90 коп. Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Так вот, чтобы читать эту книжку
по-настоящему — а читать ее по-настоящему —

это значит читать и смеяться! —

надо знать многое множество
самых разных разностей.

Надо знать, кто такие **АНТИПОДЫ**
и что такое **ПАРАЛЛЕЛИ** и **МЕРИДИАНЫ**,

надо знать, **КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ**
и что такое **ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ**;

надо знать, из чего

НЕ делается **ГОРЧИЦА** и как правильно
играть в **КРОКЕТ**;

кто такие **ПРИСЯЖНЫЕ** и чем они
отличаются от **ПРИСТЯЖНЫХ**;

и какого рода **ВРЕМЯ**, и курят ли червяки
КАЛЬЯН, и носят ли **Лягушки**,

Караси и **Судьи ПАРИКИ**, и можно ли
питаться одним **МАРМЕЛАДОМ** и...

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство

1987